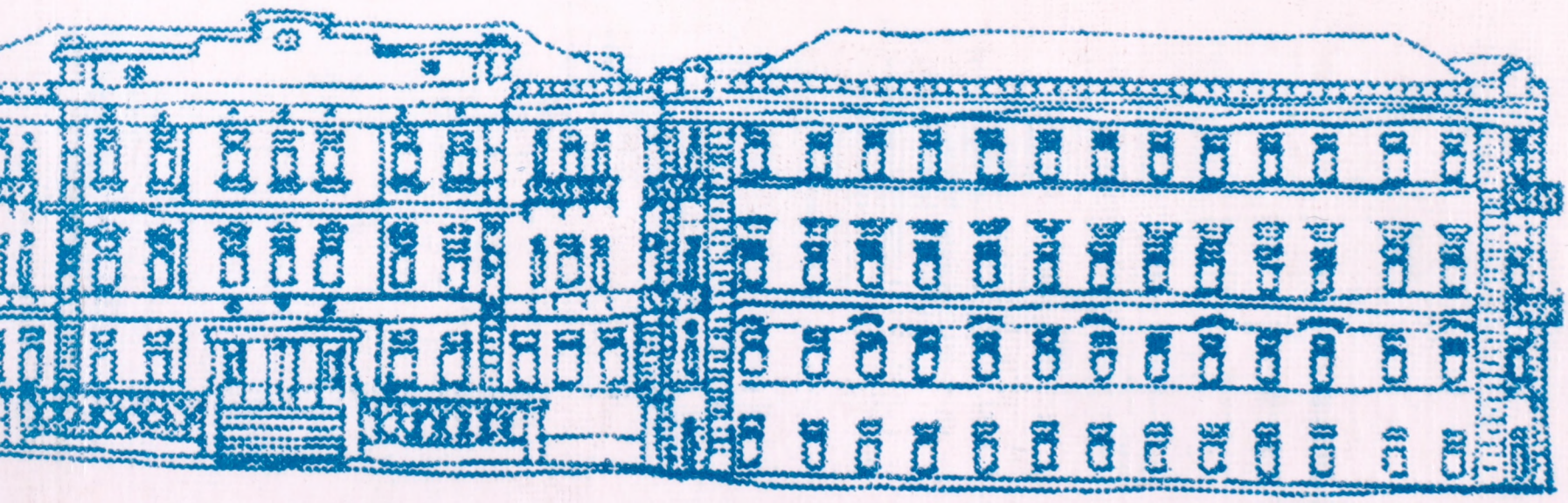
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

10

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

10

Материалы
III Всероссийского съезда востоковедов
Санкт-Петербург, 3 – 6 сентября 2002 г.

Москва
ИВ РАН
2006

ББК 78.37
Б98

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев,
Р.Б. Рыбаков (председатель),
И.М. Стеблин-Каменский,
И.Г. Галяутдинов, Ю.В. Псянчин,
А.А. Столяров (секретарь),

Б98 **Бюллетень Общества востоковедов.** — Вып. 10: **Материалы III Всероссийского съезда востоковедов: Санкт Петербург, 3 – 6 сентября 2006 г.** — М.: Институт востоковедения РАН, 2004. — 254 с.

ISBN 5-89282-198-6

В 10 выпуск Бюллетеня включена значительная часть материалов, связанных с проведением **III Всероссийского съезда востоковедов (Санкт Петербург, 3 – 6 сентября 2002 г.)**.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16056д

ББК 78.37
Б98

ISBN 5-89282-198-6

© Институт востоковедения РАН, 2006
© Общество востоковедов РАН, 2006

Содержание

Г.А. Месяц 6
Участникам 3-го Всероссийского съезда востоковедов

Л.Б. Алаев 7
Советское востоковедение как объект историографического исследования:
О подготовке всероссийской конференции

А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков 23
Опыт и перспективы сотрудничества ученых Новосибирского научного центра и Кыргызской республики в изучении истории государственности и культуры кыргызов в Центральной Азии

И.Г. Галяутдинов, А.В. Псянчин, А.Г. Салихов 40
Востоковедческая наука Башкортостана на рубеже веков: традиции, современность, перспективы

А.Ш. Кадырбаев 45
Институт казачества в истории России и его связи с тюркско-монгольским и кавказским миром

М.С. Лазарев 59
Состояние и перспективы развития российского курдоведения

Р.Г. Ланда 64
Российское востоковедение и некоторые аспекты изучения истории Средиземноморья

Н.М. Мамедова 85
Актуальные проблемы современной иранистики и международные связи иранистов ИВ РАН

В.А. Моисеев 92
Востоковедение на Алтае:
состояние, проблемы, перспективы

Н.М. Рогожин 100
Дипломатическая документация Посольского приказа как предмет международного востоковедческого сотрудничества

Е.С. Соболева, М.З. Эпштейн 111
Проблемы российского востоковедения сквозь призму методики маркетингового подхода к управлению научной организацией

И.Г. Тихонова 116
Формализация описаний письменных памятников Востока и задачи современной каталогизации

А.А. Хаматова 121
Международные связи Восточного института Дальневосточного государственного университета и их перспективы

А.Н. Хохлов 135
Востоковеды А.К. Казем-бек и В.П. Васильев:
общие профессиональные интересы
и тесные творческие связи

З.М. Шаляпина 164
Система японско-русского автоматического перевода ЯРАП/1: первые экспериментальные результаты

Д.Р. Шарафутдинов, И.А. Мустакимов 227
Введение в научный оборот архивных материалов по истории татарского народа в журнале "Гасырлар авазы – Эхо веков" и его международные контакты

Д.Д. Васильев, А.А. Столяров 232
Третий Всероссийский съезд востоковедов

А.О. Тамазишвили 236
Рец. на кн.: Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий в советский период (1917 – 1991) /
Сост. Васильков Я.В. и Сорокина М.Ю. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 496 С.

Авторы выпуска 252

Участникам
3-го Всероссийского съезда востоковедов

Дорогие участники съезда!

Мне доставляет большую радость приветствовать Ваш форум от имени Президиума Российской академии наук.

Российское востоковедение – важнейшая часть всей отечественной науки и по праву занимает ведущее место в мировой ориенталистике.

Несмотря на все известные трудности, переживаемые в прошедшее десятилетие востоковедением, как и всей нашей наукой, исследования, осуществляемые российскими востоковедами в последние годы, обогатились серьезными разработками и даже новыми направлениями работы.

Заметно расширилась сфера исследований в области истории, экономики и культуры бывших восточных республик Советского Союза, процесса миграции, затрагивающего страны Азии и Африки, взаимодействия и диалога культур Востока и Запада.

Будучи великой мировой и евразийской державой, Россия поддерживает и развивает дружественные отношения с большинством стран как Востока, так и Юга нашей планеты, и я уверен, что российские востоковеды не только сохранят лидирующую позицию в мировой востоковедческой науке, но и еще больше ее в новом тысячелетии.

Выражаю уверенность в том, что съезд внесет заметный вклад в дальнейшее развитие российской ориенталистики.

И.о. президента
Российской академии наук
академик **Г.А. Месяц**

Л.Б. Алаев

Советское востоковедение как объект историографического исследования:
О подготовке всероссийской конференции

Советский период существования российской науки представляет собой интересный объект исследования. Ему были присущи некоторые весьма характерные черты, связанные с особыми условиями, в которых находилась вся страна, в том числе и наука. Представляется, что это не просто этап в развитии отечественной науки, а особый феномен, отчасти разрывающий предыдущую традицию и в то же время демонстрирующий общие закономерности развития науки, в каких бы условиях она ни жила.

Сейчас тоже мы ощущаем разрыв постепенности. Идет процесс переоценки теоретических постулатов, лежавших в основе советских исследований. Наблюдается как нигилистическое отношение ко всему тому, что было сделано в тот период, так и стойкое сохранение привязанности исследователей к прежним теоретическим конструкциям, выработанным в совершенно иных, чем ныне, условиях работы.

Изучение характерной для советского периода тематики и проблематики научных работ, системы взаимосвязанных постулатов, в пределах которых мы работали, необходимо для развития нашего самосознания как научного сообщества. Собственно, это задача любого историографического исследования, однако применительно к советскому периоду это особенно насущно, поскольку он, повторюсь, весьма специфичен и, кро-

ме того, явно закончился и представляет собой цельный период, который может быть четко отграничен от предыдущих и от нынешнего.

Лишь анализ **условий** существования и **механизма** функционирования феномена советской науки, а также прежней **системы** постулатов даст возможность осознать произошедшие изменения и составить представление о наших возможностях и задачах, как организационных, так и творческих. Следует отметить, что подобная работа в других отраслях гуманитарного знания уже началась (Например, Советская историография. М., РГГУ, 1996).

Институт востоковедения РАН предлагает запланировать обширный проект по изучению советского востоковедения, призванный инвентаризировать достижения этого периода в разных областях нашей науки с учетом ее тогдашних слабостей и провалов. Проект включает написание монографий и статей по отдельным темам этой большой проблемы, проведение электронного обмена мнениями и созыв примерно через год всероссийской конференции, на которую будет вынесено обсуждение наиболее спорных вопросов недавней истории нашей науки.

Особая насущность безотлагательного развертывания работы по изучению советской науки диктуется тем, что сохранились кадры, которые работали в советский период, и они знают условия работы в то время «изнутри», испытали совершенные в то время научные прорывы и попадали в характерные теоретические тупики. Они могли бы рассказать «в лицах» о перипетиях тех лет, о которых последующим поколением невозможно будет узнать из сохранившихся документов. Одна из особенностей советской жизни заключалась в том, что многое весьма существенное происходило на уровне индивидуального сознания, не находило отражения не только в официальных документах, но и в устных и письменных высказываниях участников событий. Многие «все понимали», но ничего не говорили. Было очень много неписаных «правил поведения», не

фиксируемых вербально. Одни следовали этим правилам вполне сознательно, считая их естественными, другие подчинялись им, считая непреодолимыми. Многие остались несамостоятельными даже сейчас, в своих мемуарах, когда, казалось бы, можно быть вполне откровенными. «Внутренние цензоры» работали в душе каждого ученого, и об этой «работе» может рассказать только сам ученый. Но поколение советских ученых уходит. Некоторые из них оставили более или менее полные воспоминания, которые послужат источниками для будущих историографов, но далеко не все.

Примером информативного материала для этой цели служит книга Я.А.Певзнера «Вторая жизнь» (М.,1995). Полезны, хотя и в совершенно ином смысле, книги типа воспоминаний работника ЦК КПСС К.Н. Брутенца «Тридцать лет на Старой площади» (М.,1998). Из его книги, в частности, можно узнать о взаимоотношениях «инстанций» с элитной (с точки зрения властей) частью востоковедов, о «социальных заказах», которые инстанции посылали научной общественности, что в значительной мере определяло mainstream в исследованиях современности, которые заняли ведущее положение в комплексе востоковедения (об этой особенности советского востоковедения поговорим ниже). Те же особенности «смычки» власти и научной общественности, но с другой стороны, освещены в ряде публикаций Г.И.Мирского.

Не претендуя на освещение проблем всего комплекса востоковедных дисциплин, поскольку меньше знаком с такими направлениями, как литературоведение и лингвистика, я буду базироваться прежде всего на исторических, политологических и, отчасти, экономических исследованиях. Буду рассуждать о советском периоде в целом, это необходимо для общей постановки проблемы, хотя прекрасно понимаю, что советская наука проходила разные периоды. Их выделение – одна из задач предлагаемого историографического проекта.

Советская наука имела как сильные, так и слабые стороны, причем ее недостатки являлись продолжением ее досто-

инств, а достижения часто смазывались из-за влияния на нее вненаучных факторов. Это была именно наука, т.е. искренние поиски объективной истины, и в то же время каждый советский ученый более или менее осознавал, что его поиски не могут выходить за определенные рамки, установленные господствующей идеологией или, еще более конкретно, – постановлениями руководящих органов. Как уживались поиски истины – и жесткие методологические схемы? Советский гуманитарий **мыслил** – и в этом смысле был свободен; он же был зашорен рядом аксиом – и не воспринимал их в качестве шор. После XX съезда шаг вправо и шаг влево уже не считались побегом, всего только выходом из строя, за который полагалось некоторое наказание, но уже не расстрел. Более того, даже несколько шагов в сторону можно было сделать без особых последствий, в худшем случае приобретя репутацию «путаника» и статус «невыездного» Но все мы кожей чувствовали, что нашу расширившуюся дорогу с обеих сторон ограждают невидимые заборы, перепрыгнуть которые для большинства из нас было немыслимо.

Помню, как в юности мы много спорили, пытаясь применить марксистскую теорию к конкретным историческим исследованиям. И если мысль коллеги казалась нам неправильной, мы выносили вердикт: «Нет, это не марксизм!» И рассуждения в данном направлении прекращались как явно бессмысленные. Мы выдвигали новые идеи на основе фактического материала – и в то же время «на основе» цитат из «классиков». Сейчас, когда цитата основоположников единственно правильного учения никого не может убедить, основанный на ней вывод порой кажется смешным. И все же в нашем «коридоре возможностей» было сделано много такого, за что не стыдно и что останется.

В качестве предмета для дальнейшего обсуждения выделяю особенности, или характерные черты советской исторической школы.

Логически следует начать с теории **марксизма**, которая, по крайней мере, на словах, провозглашалась теоретической основой всех советских исследований. Однако марксизм – довольно сложное явление. Он возник на базе европейской науки соответствующего времени и впитал в себя основные ее тогдашние достижения. Это хорошо известно. Его представления о **единстве исторического процесса**, о его **объективности** и независимости от воли и сознания людей, его **этапности** и неизбежности **прогресса** унаследованы от Гегеля и эволюционистских теорий, восходящих к Дарвину. Эти представления можно ставить под сомнение, но их отрицание означает разрыв со всей европейской научной традицией и практически, я убежден, в рамках нашего менталитета невозможно.

Марксистские новации заключались в **экономическом детерминизме**, представлении о производительных силах и производственных отношениях как о движущих силах прогресса и факторах, определяющих все остальные проявления социальной жизни, и в **классовом подходе** к анализу всех послепервобытных обществ, преимущественном внимании к проблемам эксплуатации и любым формам протеста. К характерным чертам марксистской историософии относят также признание **насилия** как движущей силы истории и метода решения исторических задач. Однако оригинальность последнего постулата можно поставить под сомнение, достаточно вспомнить философскую систему Ницше, которая также оказала на Маркса определенное влияние .

Собственно марксистские постулаты морально и историографически устарели и требуют пересмотра. Дело не в том, что экономоцентрический подход ущербен как таковой. Он не хуже, хотя и не лучше, любого другого **монистического** подхода, скажем, придания структурообразующей роли культуре или религии. Точно так же классовый анализ вполне продуктивен, но лишь как один из подходов к объяснению историческо-

го процесса. Совершенно неприемлемо в наше время лишь позитивное отношение к насилию.

«Советский марксизм» отличался от классического тем, что собственно марксистские постулаты были **догматизированы**, была предписана «единственно правильная» **схема формаций** (самый яркий пример – конструирование единой для всех народов рабовладельческой формации), благотворность **насилия** в истории стала пониматься как абсолютная. По сути, мы усваивали не марксизм, а подобранный цитатник из произведений Маркса, Энгельса и Ленина, к тому же любезно подобранный для нас Сталиным.

Но самое главное – за «марксизм» стало выдаваться представление о том, что Советский Союз идет в авангарде человечества, рассмотрение всех событий с точки зрения интересов СССР и мирового коммунистического движения, отсюда – антизападничество, тенденция моральной поддержки всего, что мешало развитым странам совершенствовать свою экономику и политическую систему (демократию) и преобразовывать мир, идеология «холодной войны». В отношении изучения колониальных и зависимых стран, а затем стран «третьего мира», это выражалось в откровенном антиимпериализме, пафосном разоблачении колониальной эксплуатации, безусловной моральной поддержке любого антизападного и национально-освободительного движения.

Специально следует остановиться на направлении в творческой жизни, возникшем после XX съезда КПСС, которое можно назвать «творческим марксизмом». Ряд ученых, вдохновленных призывом партии «возвратиться к Ленинским нормам», решили «вернуться к Марксу», изучить его глубже, чем нам его преподавали в институтах. Стали пытаться аналитически определить такие понятия, как «производительные силы», «производственные отношения», «способ производства» и иные, на которых строится исторический материализм. Стремление усовершенствовать принятую схему формаций, с тем,

чтобы она пришла в большее соответствие с многообразием исторической реальности, вызвало к жизни возврат к идее «азиатского способа производства» и разработку теории многоукладности. Упоминаю об этих историософских проблемах потому, что в их разработке значительную роль сыграли именно востоковеды. Это искреннее желание освоить «настоящий марксизм» и развить заложенные Марксом основы теории встретило яростное сопротивление научных властей, которые не хотели развития теории, а хотели лишь, чтобы все повторяли азбучные истины, не задумываясь о смысле терминов. Этот сюжет ярко показывает, что «советский марксизм» играл роль охранительной идеологии, а не научной методологии.

Замечу попутно, что попытки наполнить марксистские категории теоретическим содержанием, а также «улучшить» схему формаций показали, что это невозможно. При внимательном изучении они расплывались в нечто трудно определяемое. Но это другая тема.

Таким образом, не марксизм как таковой, а его интерпретация и использование в качестве имперской идеологии можно считать характерной чертой советской науки. Она была именно **имперской наукой** по структуре и функциям. Империя – особое государственное образование, которое отличается от национальных государств, в частности, тем, что почитает себя единственным, достойным существования на земле, избранным Богом (как бы он ни назывался) для выполнения вселенской миссии и потому стремящимся к мировому господству. Этой задаче посвящены все материальные и духовные средства, в том числе и наука. Отсюда вытекала структура научных исследований в советский период.

Чем была наука в советском государстве? Ясно, что целью советской системы не было всестороннее развитие личности. Наука как одно из проявлений творческой личности не могла интересовать власти. Но известно, что на науку отпускались средства, может быть и не столь большие, но все же значительные для того, чтобы она развивалась экстенсивно, а в

некоторых областях – весьма интенсивно. В качестве предварительных размышлений, основанных не на документальном изучении материала, а на личных впечатлениях, хотелось бы сформулировать «пять источников и пять составных частей» науки в СССР.

Во-первых, пользовались всеобъемлющей поддержкой и безразмерным финансированием прикладные отрасли, связанные с производством вооружений.

Во-вторых, история создания атомной бомбы убедила власти в том, что и фундаментальная наука, не имеющая практического выхода, может оказаться полезной для «обороны», т.е. для войны, поэтому «на всякий случай» ее приходилось финансировать.

В третьих, необходимо было идеологическое обоснование политики «партии и правительства», т.е. поддержка отдельных направлений гуманитарных наук.

В-четвертых, поддерживалось изучение зарубежных стран, чтобы впоследствии «помочь» им построить социализм.

Наконец, в-пятых, некоторые отрасли необходимо было поддерживать или, по крайней мере, сохранять, чтобы украшать фасад государства как покровителя наук вообще (например, изучение Древнего Востока или издание исторических памятников. Правда, памятники отбирались тщательно: нельзя было публиковать религиозную литературу и, например, «Камасутру»).

Список финансировавшихся отраслей науки, как видим, довольно длинен. Это создавало иллюзию (разделяемую сейчас многими, в том числе и учеными) поддержки Советским правительством «науки вообще». Но мы знаем и о значительных «прорехах» в промежутках между указанными «точками роста». Так, даже прикладные исследования, но не имевшие военного применения, оставались в забвении. Достаточно упомянуть мытарства советских изобретателей и отставание медицины. Уничтожение генетики стало последствием другого фактора – глубокого невежества наших вождей, особенно главного Вож-

дя. Ненужными считались все науки, направленные на изучение человека, общества, особенно советского общества – психология, социология, политология. Все вопросы в этих отраслях считались решенными марксистско-ленинской философией.

Считалось, что все научные исследования должны быть «актуальны» и ориентированы на внедрение в «практику». Пережитком этого чисто советского подхода является сохранившееся требование ВАКа обязательно указывать в диссертациях на «актуальность» их темы и возможность «практического применения» научных выводов. Впрочем, мы сумели еще в советский период ввести в обиход выражение «научная актуальность», под которую можно было подвести любое научное достижение, а также научились составлять формальные отписки по поводу «практического применения».

В последнее время, в условиях сокращения государственного финансирования, распространены бесхитростные представления о том, что советские правители «понимали значение науки», в то время как нынешние правители этого «не понимают». Дело гораздо сложнее. Ситуация в науке сейчас примерно такая же, как и в других областях нашей жизни. Прежняя структура взаимодействия и приоритетов сломана, новая же система не создана.

В сфере востоковедения имперскость нашей науки проявилась в том, что резко расширился территориальный спектр исследований. Российское дореволюционное востоковедение, в основном, ограничивалось исламоведением, тюркологией, иранистикой, китаеведением, буддологией, т.е. изучением культур и стран, непосредственно граничивших с Российской империей или включенных в нее. Я бы не внес в этот перечень японоведение: оно было развито значительно слабее. Видимо, значение Японии как нашего соседа недооценивалось. После революции сюда добавились как японоведение, так и индология, африканистика, изучение Юго-Восточной Азии. Государству пролетариев всех стран нужно было знать все, что происходит в самых

удаленных уголках Земли, поскольку надо было быть готовыми «строить социализм» повсюду. С точки зрения науки этот процесс расширения территориальных рамок исследований оказался благотворным. Правда, тематика работ в пределах всех этих дисциплин страдала ограниченностью, но это уже другой вопрос, который мы разберем ниже.

Произошла **изоляция** советской науки от мировой. Приверженность советских ученых одной научной парадигме имела следствием нигилистическое отношение к теоретическим позициям зарубежных ученых. Все они были «буржуазными», и идеи их тоже были «буржуазными», а потому заведомо неприемлемыми. Довольно широко пользуясь фактическим материалом, почерпнутым из монографий западных коллег, советские ученые не только критиковали их интерпретации, но зачастую просто не обращали внимания на чуждые им оригинальные мысли. Выбрасывая ребенка, пользовались водой. Пресловутый «языковый барьер» заключался не только в том, что многие советские ученые плохо знали иностранные языки (я встречал весьма уважаемых коллег, которые и не желали их знать), но и в расхождении **научных языков** отечественных и зарубежных ученых.

Имперская наука по определению должна быть «лучшей в мире». Убеждение в том, что советские ученые обладают единственно правильной научной методологией как нельзя лучше отвечало имперской идеологии. Это питало снисходительное отношение к зарубежной науке.

Здесь следует заметить, что отказ от узких рамок советско-марксистского подхода к истории и расширившееся изучение западных теорий, наблюдающиеся в настоящее время, – в принципе весьма отрадные явления. Однако они сопровождаются неоправданной эйфорией в отношении «новых» идей и крайней неразборчивостью в их усвоении и пропаганде. Создалась ситуация «вседозволенности», когда можно, например, бессистемно перемешивать материалистический и идеалистический подходы или наукообразно рассуждать о «духе наро-

дов» и пр. Только в качестве примера упомяну так наз. «цивилизационный подход», вошедший сейчас в моду. Он **был** последним словом европейской теоретической мысли **начала XX века!** И уже успел показать свою ограниченность. Главное же в том, что стадиальный (формационный – лишь его разновидность) и цивилизационный подходы можно **сочетать**, но нельзя **смешивать**.

После революции востоковедение в целом приобрело практический уклон как изучение прежде всего современных вопросов. Практическое востоковедение существовало и до революции. Но оно не считалось академической наукой и было сосредоточено в МИДе, военном ведомстве и т.п. После революции это разделение некоторое время сохранялось. Практическое востоковедение процветало в институтах и публикациях Коминтерна, Профинтерна и т.п., созданный же в 1930 г. Институт востоковедения АН СССР представлял востоковедение «классического цикла». Но постепенно изучение современных политических и экономических проблем стало приобретать статус академической дисциплины.

Как показывает развитие мирового востоковедения за последние десятилетия, этот уклон в современность и в изучение национально-освободительного движения, положения крестьянства и рабочего класса, политических процессов в независимых странах, является объективной тенденцией. На Международных конгрессах востоковедов, издавна являвшихся форумами «классических» ориенталистов, современная тематика завоевывает все большее место. Именно сейчас в западных (и восточных) странах выходит много монографий, посвященных «рабочему вопросу». Можно сказать, что советские ученые, работая в 20-30-е гг. по «социальному заказу» Коминтерна, опередили мировую науку.

Конечно, идеологические установки тех лет делали подобные работы поверхностными и тенденциозными. Основной вопрос, на которой искали ответ советские ученые, занимав-

шиеся современными проблемами, – «на каком этапе революции» находится изучаемая страна. То, что тот или иной «этап революции» развертывается, сомнению не подлежало. Если страна была экономически развита в доколониальный период, а колониализм, по определению, это развитие ускорил, то революция будет «пролетарской», а если до колониализма в стране господствовали «патриархальные» или «феодальные» отношения, то революция ожидалась «буржуазная». От решения подобного вопроса зависела тактика создававшихся в то время во всех странах коммунистических партий. Споры об «этапе революции» велись с ожесточением, со взаимными политическими обвинениями, а нередко и с оргвыводами. Недостаток имевшихся в распоряжении диспутантов исторических фактов никого не смущал. Эта ожесточенность еще усилилась, когда многие из участников дискуссий оказались репрессированными или «разоблаченными» как «троцкисты» или «агенты империализма». Оставшиеся пока на свободе участники научного спора были принуждены моментально менять свои взгляды и усиливать ругательную риторику в отношении высказываний, оказавшихся заведомо «неправильными» и «вредными».

Позже, когда идея «мировой социалистической революции» отошла в прошлое, сохранилось убеждение в неминуемой «победе социализма в мировом масштабе». Все явления в изучаемых странах стали рассматриваться под углом зрения того, насколько они приближают или отдаляют переход страны к социализму, хотя бы «некапиталистическим» путем. Любые национализации или ограничения капитала рассматривались как «прогрессивные», любые формы сотрудничества с западными странами или иностранным капиталом – как «реакционные». Политические силы и партии обязательно нужно было разложить по полочкам: «буржуазно-помещичьи», «буржуазные», «мелкобуржуазные», пролетарские» Это сокращало аналитические возможности исследователей.

В области литературоведения к восточным литераторам прикладывались шаблоны «реализма» или «критического реа-

лизма», а не вписывавшиеся в эти шаблоны писатели и поэты записывались во второй сорт. Их творчество не считалось достойным изучения.

В восточной философии надо было искать «материализм» или хотя бы «зародыши материализма», а также диалектики, остальные философские школы записывались в «идеалистические», т.е. заведомо несостоятельные.

Сохранялось, конечно, и прямое влияние политической конъюнктуры. Индологи в этом отношении находились в более благоприятном положении, чем, например, китаисты. Отношения с Китаем были сначала дружественными («братскими») – и не допускалась какая-либо критика политики правительства КНР и ситуации в этой стране. Затем отношения стали враждебными, – и стало невозможно писать о положительных сторонах развития Китая. Индия же, хотя и дружественная, была все же, по терминологии того времени, «буржуазной» страной, и можно было как отмечать положительные черты ее социального развития, так и указывать на недостатки в политике и на трудности в ее проведении, т.е. занимать в какой-то мере объективную позицию.

Повышенное внимание к «прогрессивным» социальным силам и движениям приводило к преувеличению роли в общественной жизни рабочего и коммунистического движения, степени «пробуждения» народных масс, недооценке сохранявшихся традиционалистских институтов, самоидентификаций и политических сил. Считалось, что они изживаются, и в перспективе не будут иметь значения.

Странным образом умилительное отношение к Востоку как «резерву мировой революции» и тенденция «разоблачения» всего западного не сопровождалось реальным повышением внимания к Востоку, его культуре и истории. Преподавание истории и литературы в школе оставалось сугубо европоцентристским. Советские юноши и девушки получали крайне куцые сведения о народах, которые по идеологическим установкам были нашими «товарищами по борьбе» с империализмом.

Общая необразованность населения в этих вопросах сейчас создает благодатную среду для распространения самых фантастических измышлений о «восточной духовности» и пр.

Тематика востоковедных исследований в советский период отличалась значительной узостью. В области древней и средневековой истории ученых интересовали прежде всего производственные отношения и отношения собственности на землю, а также народные восстания. В новое время – «уровень развития» стран Востока накануне колониального порабощения, колониальная эксплуатация и национально-освободительное движение. В новейшее время, как уже говорилось, – борьба «прогрессивных сил» против «реакционных» и против «империализма». Главы по истории той или иной страны в учебниках содержали почти исключительно очерки «социально-экономических отношений» и перечисление восстаний. Исключительно важным считалось сформулировать «формационную принадлежность» того или иного общества, желательно с перечислением «социально-экономичаских укладов» и выделением среди них «формационнообразующего».

Не уделялось должного внимания духовным процессам, в том числе истории религий, проблемам государственного устройства, развитию права и судебной системы. Все события истории, включая любые мятежи и дворцовые перевороты, интерпретировались как проявления классовой борьбы. Как уже говорилось, «реакционные» партии, деятели, мыслители считались объектами, недостойными изучения.

Узость «фронта работ», конечно, не может быть признана позитивным фактором. Отказ от комплексного изучения общества неизбежно искажает результаты конкретных исследований узких проблем. Однако положительные последствия такой узости также имелись. Например, поиски «рабовладельческой формации» на Востоке, даже оказавшиеся, в конце концов, тщетными, привели к серии ценных исследований по хозяйственной структуре древневосточных цивилизаций, которые составили (и, по-моему, до сих пор составляют) золотой фонд

науки в данной области. Гораздо глубже, чем в западной науке, разработаны у нас проблемы собственности на землю и роли сельской общины в древний и средневековый периоды. Классовый подход ко многим движениям также оказался конструктивным и находит сейчас понимание в мировой науке, хотя в то же время выяснилось, что классовое содержание этих и других движений было либо преувеличено, либо вообще примыслено.

И все же узость тематики и в целом однобокий подход к истории стали причинами драматического положения, в котором оказалось отечественное востоковедение в последние годы. Стойкое игнорирование «пережитков» в социальной и культурной областях, недостаточное изучение религий и религиозных ситуаций, невнимание к «реакционным» силам привели к тому, что мы оказались не готовы к наблюдающемуся сейчас всплеску религиозной нетерпимости и радикализма, к резкому усилению процессов национальной идентификации, к тому, что получило сейчас образное выражение «столкновение цивилизаций». А мне кажется, что долг востоковедов разбираться в этих вопросах лучше, чем кто бы то ни было другой.

Отдельная тема: потери науки в результате репрессий. Несколько лет назад в журнале «Восток» был опубликован список репрессированных востоковедов. Он неполон, но все же может дать представление о масштабах потерь. Надо было бы проанализировать эти данные и наглядно показать, какие отрасли востоковедения понесли особенно серьезные утраты, какие из них были практически полностью пресечены в результате физического уничтожения специалистов.

В качестве обобщения сказанного выше можно было бы сформулировать тезис: советское востоковедение представляло собой амальгаму **науки** и **ненауки**. То, что мешало ему развиваться свободно и тем самым быть **только наукой**, я попытался изложить выше. Но как общество в целом нельзя полностью регламентировать при помощи инструкций, правил и даже террора, так и наука, в какие бы тесные рамки ее ни поставили, возникнув, имеет свою логику развития. Постепенное удуше-

ние классического востоковедения в 20-30-е гг. не помешало его возрождению сразу после войны, еще до XX съезда. Новое востоковедение, ориентированное на современность, начавшись как насквозь идеологизированное идейное подкрепление политики ВКП (б) и Коминтерна, также уже с начала 50-х гг. становилось все более научно содержательным. Ослабевал, конечно, и идеологический гнет. Но он ослабевал не сам по себе, или не только сам по себе, но и в результате работы гуманитариев, которые по сути своей работы вынуждены были раздвигать теоретические рамки и ставить вопросы, вытекавшие не из указаний партии и правительства, а из изучения источников и логики рассуждений. Провозглашение марксизма-ленинизма «методологической основой» и опора на цитаты классиков становились все более ритуальными и неискренними.

В предлагаемом проекте исследований, безусловно, должны найти свое место конкретные исследования того, **как** это происходило в различных дисциплинах востоковедения, как происходило приращение знаний сквозь идеологическую шелуху. Возможно, мы придем также к обобщениям, которые подтвердят, разовьют или опровергнут тезисы, представленные в данном сообщении.

Обсудить их на данном съезде вряд ли представится возможность. Я предлагаю начать обсуждение сразу после съезда в электронном виде. Если руководители Общества сочтут это желательным, можно было бы разослать данный текст через наш сервер и попросить коллег присылать свои отзывы и темы будущих монографий, статей и выступлений. Они помогут более точно сформулировать проблемы и отобрать наиболее значимые из них для обсуждения на планируемой конференции. Сборник таких отзывов можно было бы напечатать как рабочий материал к конференции. А развернутые отклики, доклады и статьи можно было бы включить в сборник, подготовленный по итогам конференции.

А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков

Опыт и перспективы сотрудничества ученых Новосибирского научного центра и Кыргызской республики в изучении истории государственности и культуры кыргызов в Центральной Азии

История кыргызов, одного из самых древних тюркоязычных народов Центральной Азии, издавна является объектом изучения российских ученых, исследователей стран и народов Востока.

Уже в период проведения первых научных экспедиций по Сибири в XVIII в., приглашенными в Россию, немецкими учеными были открыты памятники енисейской рунической письменности, собраны коллекции предметов кыргызской культуры, в числе древних памятников были выделены «киргизские могилы». В это время был собран основной фонд русских исторических документов о событиях истории енисейских кыргызов XVI – XVII вв. Учеными были затронуты вопросы происхождения, миграций, соотношения кыргызов Енисея и Тянь-Шаня. Значительный вклад в изучение кыргызской истории и культуры в этот период внесли выдающиеся ученые, натуралисты, историки, востоковеды – Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас.[1]

В XIX в. Н.Я. Бичуриным и В. Шоттом на русский и немецкий языки были переведены основные сведения китайских источников о кыргызах. Эти данные были привлечены В.В. Радловым для анализа материалов из раскопок памятников

кыргызской культуры на Енисее.[2] В Минусинской котловине работали археологи-любители Д.А. Клеменц и А.В. Адрианов, относившие памятники кыргызской культуры к «хагасам». Вопреки сведениям источников и сложившимся представлениям ученых, И.П. Кузнецов пытался отрицать принадлежность средневековых памятников Минусинской котловины енисейским кыргызам.[3] Важное значение для изучения истории и культуры кыргызов имело открытие российскими, финскими и немецкими учеными памятников рунической письменности в Монголии, Саяно-Алтае, Восточном Туркестане, на Тянь-Шане. Расшифровка древнетюркской руники В. Томсеном и переводы надписей В.В. Радловым позволили расширить круг источников о кыргызах и установить тождество различных китайских названий этнониму «кыргыз». Сведения по истории западных районов Центральной Азии были обобщены в трудах Н.А. Аристова и Г.Е. Грумм-Гржимайло. После принятия в 1923 г. для коренного населения Минусинской котловины официального наименования «хакасы», Н.Н. Козьмин попытался обосновать историчность этого термина, противопоставив его этнониму «кыргызы».[4] С возражением против таких попыток выступил В.В. Бартольд, проанализировавший весь круг восточных источников о кыргызах.[5] в созданной С.А. Теплоуховым периодизации минусинских культур были выделены и кыргызские памятники.[6]

В дальнейшем памятники кыргызской культуры в Минусинской котловине активно исследовались московскими археологами С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой и сотрудником Минусинского музея В.П. Левашовой.[7] С.В. Киселевым было выделено два этапа в развитии кыргызской культуры, предложена реконструкция социальных отношений в кыргызском обществе. Выдвинутое предположение о переходе кыргызов на обряд ингумации в сопровождении коня в IX в. не нашло подтверждения в археологических материалах. На территории Кыргызстана изучением археологических памятников и вопросов происхождения и социального строя кыргызов занимался

А.Н. Бернштам. Он выдвинул гипотезу о постепенном и длительном переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань в течение периодов древности и средневековья.[8]

В 1950-х гг. в Кыргызстане работала комплексная научная экспедиция, изучавшая памятники истории и культуры кыргызов. На специальной научной сессии в 1956 гг., на которой обсуждались результаты работы этой экспедиции, участники дискуссии пришли к выводу, что современный кыргызский народ и его культура сформировались из среднеазиатского и центральноазиатского компонентов.[9]

В 1950-1960-х гг. памятники кыргызской культуры в Туве изучались исследователями из Москвы, Ленинграда и Кызыла С.И. Вайнштейном, А.Д. Грачом, Д.Г. Савиновым, Л.Р. Кызласовым. Были уточнены границы распространения кыргызской культуры, выделены этапы ее развития на территории Тувы, определена хронология и культурная принадлежность.[10] В течение этих десятилетий были переизданы переводы китайских, арабских, персидских и тюркоязычных источников со сведениями о кыргызах.[11]

Историками С.В. Бахрушиным, А. Абдыкалыковым, А. Арзыматовым, этнографом Л.П. Потаповым были рассмотрены события истории енисейских кыргызов в XVII в.[12]

Серьезные достижения в изучении истории и культуры кыргызов в этот период осложнились попытками Л.Р. Кызласова приписать памятники их культуры мифическим «древним хакасам».[13] С критикой этих попыток выступили филолог С.Е. Яхонтов, востоковед О. Караев, историк Н.А Сердобов.[14]

К.И. Петров выдвинул гипотезу о переселении предков кыргызов на Тянь-Шань с Алтая в монгольское время.[15] К началу 1970-х гг. памятники кыргызской культуры были обнаружены и определены в Приобье, Прииртышье, на Алтае. К культуре кыргызов были отнесены некоторые петроглифы Прибайкалья и Монголии, и памятники енисейской рунической письменности в Саяно-Алтае. Такими были основные итоги изучения истории и культуры кыргызов к тому времени, когда три

десятилетия назад в Новосибирском научном центре исследованием военного дела енисейских кыргызов стал заниматься автор настоящего сообщения.[16] Выбор в качестве объекта изучения комплекса вооружения кыргызов, относящегося к периодам раннего и развитого средневековья, был обусловлен тем, что к началу 1970-х гг. материалы культуры енисейских кыргызов представлялись наиболее репрезентативными ввиду достаточно большого количества находок оружия в кыргызских курганах, наличия среди них всех основных видов наступательного и защитного вооружения. Памятники кыргызской культуры были основательно исследованы на территории Южной Сибири. Надежно идентифицированы, прослежена их эволюция в VI – XII вв. Основными направлениями данного исследования были: систематизация и типологическая классификация предметов вооружения из раскопок и сборов с памятников кыргызской культуры в Саяно-Алтае, реконструкция комплекса боевых средств, военной организации и военного искусства кыргызов, военной истории кочевников Центральной Азии.[17] На материалах оружиеведческого изучения военного дела енисейских кыргызов была разработана аналитическая модель для анализа вооружения других древних и средневековых кочевых народов и государств Центрально-Азиатского историко-культурного региона.[18]

Исследование вооружения енисейских кыргызов было встречено с большим интересом, нашло поддержку у многих археологов, этнографов и востоковедов из Саяно-Алтая и столичных научных центров. Попытки сторонников «древнехакасской цивилизации» помешать этой работе не увенчались успехом. В 1970 – начале 1980-х гг. были обработаны коллекции оружия из памятников культуры енисейских кыргызов и других средневековых кочевников из музеев в городах Сибири, в Москве и Санкт-Петербурге. С 1975 г. автором были начаты планомерные полевые исследования памятников кыргызской культуры в Хакасии и Красноярском крае. В последующие годы полевыми изысканиями были охвачены Тува и Горный Ал-

тай. За истекшие годы были обнаружены многие кыргызские памятники, включающие сотни объектов, раскопано более ста курганов, собрана коллекция, состоящая из многих тысяч находок. В том числе предметов вооружения. Накопленный фонд вещественных источников стал основой для разработки ряда актуальных проблем истории и культуры кыргызов и средневековой археологии Северной и Центральной Азии. Помимо исследования военного дела кыргызов, изучались памятники кыргызской, древнетюркской и уйгурской культур, комплексы кыргызских кыштымов. Для уточнения хронологии, периодизации и этнокультурной принадлежности средневековых памятников было првоедено их комплексное исследование в Табатском археологическом микрорайоне на юге Минусинской котловины, которое позволило выделить памятники разных этнических групп.[19] Важной задачей изучения кыргызской культуры было уточнение границ распространения кыргызских памятников в Северной Азии в разные исторические периоды. К решению этой проблемы были привлечены специалисты из научных центров в городах Западной и Восточной Сибири. Отдельные кыргызские погребения по обряду кремации, исследованные в таежных районах Среднего Енисея, Причулымья, в Притомье, Приобье, Прииртышье, степном Алтае, Прибайкалье и Забайкалье археологами из Красноярска. Томска, Кемерово, Омска, Иркутска, Читы были введены в научный оборот и позволили уточнить имевшиеся представления о границах распространения памятников кыргызской культуры в период ее максимального расширения в эпоху «кыргызского великодержавия».[20]

В середине 1970-х гг. в Новосибирском государственном университете открылась специализация студентов по средневековой археологии Южной Сибири. Важным направлением в русле этой специализации была разработка студентами-археологами различных тем и подготовка дипломных сочинений по истории и культуре енисейских кыргызов. Было защищено 10 дипломных работ по проблемам изучения памятников

кыргызов и кыштымов. Исследовались вопросы влияния русской культуры на кыргызов и кыштымов в XVII в., особенности конструкции погребальных сооружений кыргызской культуры, производства керамической посуды у кыргызов, особенности кыргызской торевтики, направления миграций кыргызов в эпоху «кыргызского великодержавия», характеристика детской погребальной обрядности у кыргызов и кыштымов. Ряд тем был в дальнейшем защищены в качестве диссертаций.[21]

С 1979 г. автор данного сообщения стал участвовать в полевых исследованиях на территории Монголии, где получил возможность обследовать районы миграций и расселения кыргызов в период раннего и развитого средневековья, ознакомиться с материалами раскопок монгольских ученых в музеях и фондах Института истории Монгольской Академии наук.

Научное сотрудничество между учеными Новосибирского научного центра и Кыргызстана началось после выхода в свет авторской монографии о вооружении енисейских кыргызов VI – XII вв. и его непосредственных контактов с ведущим кыргызским археологом И. Кожомбердиевым, по приглашению которого удалось побывать в кыргызской столице. С начала 1980-х гг. среди кыргызских ученых и общественности значительно повысился интерес к проблемам истории и культуры енисейских кыргызов. В 1984 г. автор данного сообщения и группа студентов Новосибирского университета приняла участие в работах Тянь-Шаньского отряда Института истории Академии наук Кыргызстана, проводившихся под руководством К.И. Ташбаевой, в долине р. Нарын. Были обследованы памятники кочевнических культур в высокогорных районах Тянь-Шаня.

В дальнейшем совместные полевые исследования по изучению памятников культур древних и средневековых кочевников проводились археологами Новосибирского научного центра и Кыргызского государственного университета в конце 1980 – первой половине 1990-х гг. в Нарынской и Кочкорской долинах.[22] Автору данного сообщения довелось принять уча-

стие в работе кыргызско-германской экспедиции на Тянь-Шане, а кыргызский археолог К.Ш. Табалдиев работал в составе Южносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН в Горном Алтае. С конца 1980-х гг. автором данного доклада осуществляется научное руководство работой аспирантов из Кыргызстана. Одни из них, К.Ш. Табалдиев, успешно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам культур средневековых кочевников Тянь-Шаня.[23]

Научное сотрудничество ученых Новосибирского научного центра и Кыргызстана приобрело регулярный характер и расширило возможности координации научных исследований в области истории и культуры кыргызов в Саяно-Алтае и других районах Центральной Азии.

В Кыргызстане стали регулярно проводиться конференции по проблемам этнокультурной истории кыргызов с участием ученых из Новосибирского научного центра.

Заметным событием в развитии кыргызоведческих исследований явилась пятая всесоюзная тюркологическая конференция, состоявшаяся в кыргызской столице в 1988 г. В центре внимания ее участников были актуальные вопросы происхождения и истории кыргызского этноса, языка, культуры. Большой интерес вызвали положения о трех этапах развития кыргызского этноса и языка на Енисее. Алтае и Тянь-Шане, высказанные в докладе Э.Р. Тенишева. Активно дискутировалась гипотеза о сложении кыргызов в начале II тыс. н.э. на Алтае и в Прииртышье в кимако-кыпчакской среде и их переселении на Тянь-Шань в эпоху позднего средневековья.[24] Участники конференции отметили необходимость дальнейшего изучения и координации усилий ученых, исследующих этнокультурную историю кыргызов, в разных научных центрах. На конференции был образован координационный совет по изучению этногенеза и культурогенеза, в состав которого вошли ведущие специалисты историки, археологи, этнографы, востоковеды, тюркологи, филологи, фольклористы из Кыргызстана, Москвы,

Санкт-Петербурга, Новосибирска, Абакана. Кыргызскими и новосибирскими учеными была разработана программа научной деятельности совета.[25]

Одним из важных направлений научной деятельности в рамках этой программы стало издание тематических сборников по истории и культуре кыргызов на Енисее и Тянь-Шане, в которых принимали участие специалисты из Кыргызстана, Новосибирского и других научных центров в России.[26]

В 1990-е гг. были получены новые данные о памятниках кыргызской культуры и этнических группах кыргызов на территории Китая. Автором настоящего сообщения в ходе работы в составе экспедиции ЮНЕСКО по Китаю в 1990 г. были определены предметы кыргызской культуры в музейных экспозициях в городах Сяньцзяна. Сведения об этих материалах были опубликованы в Кыргызстане.[27] С.Г. Скобелевым были проведены исследования среди фуюйских кыргызов у было установлено, что они являются потомками енисейских кыргызов, угнанных в Джунгарию в начале XVIII в., а затем переселенных в Маньчжурию. [28]

С обретением независимости Республикой Кыргызстан научные связи между кыргызскими учеными и исследователями Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета не ослабли, как это имело место в других республиках, а укрепились и приобрели новые перспективы для развития кыргызоведения. Были сняты все идеологические ограничения в области изучения истории и культуры кыргызов. Благодаря активной издательской деятельности Фонда Сороса Кыргызстан в области трансформации гуманитарного образования, проекта «Мурас» и дирекции по подготовке к празднованию тысячелетнего юбилея кыргызского героического эпоса «Манас» в Кыргызстане была издана серия учебников, монографий и сборников научных статей, в которых освещались многие события средневековой истории, культурные достижения и эпическое наследие кыргызов. К подготовке этих трудов были привлечены специалисты из Но-

восибирского научного центра. В 1995 г. монография автора данного доклада «Кыргызы на просторах Азии» была опубликована в Бишкеке двумя изданиями.[29] В учебнике по истории для высших учебных заведений Кыргызстана был включен раздел о каганате енисейских кыргызов.[30]

Крупнейшим событием в научной жизни Кыргызской Республики в середине 1990-х гг. стал международный симпозиум, посвященный эпическому наследию кыргызов, на который были приглашены ученые историки, востоковеды и фольклористы из многих стран мира, в том числе и из Новосибирского научного центра.[31]

В эти годы история и культура кыргызов Енисея была официально признана неотъемлемой частью историко-культурного наследия кыргызского народа, а концепция о переселении части кыргызов в эпоху кыргызского великодержавия в IX – X вв. с Енисея на Восточный Тянь-Шань стала общепринятой в кыргызской исторической науке.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. Л.Р. и И.Л. Кызласовы предприняли безуспешную попытку противопоставить историческим сведениям о средневековых кыргызах свои предположения о бытовании термина «хакас» в эпоху средневековья, основанием для которых послужила предполагаемая «трансформация» некоторых названий родовых групп современных хакасов.[32] Научная несостоятельность этих предположений была убедительно показана в ходе научной дискуссии, в которой приняли участие специалисты тюркологи, синологи, этнографы, археологи из разных научных центров России, в том числе из Новосибирского научного центра.[33]

Благодаря полевым исследованиям и анализу музейных коллекций в течение последнего десятилетия ученым из Новосибирского научного центра удалось существенно расширить круг источников по истории и культуре кыргызов в Центральной Азии. Были обнаружены, исследованы и определены не известные ранее памятники культуры кыргызов, относящиеся к

периодам развитого и позднего средневековья в Причулымье, на Среднем Енисее, в Горном Алтае, Монголии.[34]

Значительный интерес для анализа уровня дипломатических отношений между Кыргызским каганатом и империей Тан в IX в. представляют находки мраморных табличек, «айсэ» или «сэйсэ» с китайскими иероглифическими надписями у с. Райково в Хакасии. Их изучение позволило атрибутировать данные находки в качестве дипломатического дара китайского императора кыргызскому кагану в 866 г.[35]

Для развития кыргызоведческих исследований в Сибири существенное значение имеет научное сотрудничество ученых, занимающихся историей и этнографией кыргызов и тюркоязычных народов Саяно-Алтая, в Новосибирском научном центре, Хакасии и Кыргызстане. Важным событием в научной жизни стал выход в свет в 2000 г. в г. Абакане совместной монографии В.Я. Бутанаева и автора настоящего сообщения, посвященной истории енисейских кыргызов, в которой были освещены дискуссионные проблемы кыргызской этнонимии, прослежены события политической и военной истории кыргызов в древности и средневековье, рассмотрены основные этапы развития кыргызской государственности и культуры, условия формирования современных народов Саяно-Алтая и Кыргызстана.[36]

Новые возможности для сотрудничества между учеными Кыргызской Республики и Новосибирского научного центра открылись в связи с заключением договоров о сотрудничестве в различных отраслях науки между Национальной академией наук Кыргызстана и Сибирским отделением Российской академии наук. В соответствии с этими соглашениями на территории Кыргызстана проводятся совместные экспедиционные исследования археологами Института археологии и этнографии СО РАН и Кыргызского государственного национального университета. На данном этапе совместных исследований проводится изучение палеолитических памятников на территории Кыргызской Республики.[37] Однако, договором предусмотрено

не проведение совместных исследования памятников кыргызской культуре на Тянь-Шане и в Саяно-Алтае. В соответствии с договором в 2001 г. возобновлен прием в аспирантуру Институтов СО РАН выпускников кыргызских высших учебных заведений. В аспирантуру Института археологии и этнографии СО РАН принята выпускница Кыргызского государственного национального университета Ж. Орозбек-кызы, которая разрабатывает тему по изучению погребальной обрядности кыргызов Тянь-Шаня.[38]

В последние годы особое внимание изучению проблем истории, государственности и культуры кыргызов и сотрудничеству с российскими учеными в этой области уделяется в Кыргызстане на самом высоком государственном уровне.

В августе 2001 г. в г. Бишкеке Кырыгзско-Турецким университетом «Манас» был проведен, под патронажем Президента А.А. Акаева, международный научный конгресс «Актуальные проблемы истории древних кыргызов», посвященный 10-летию независимости Кыргызской республики и 220-летию этнонима «кыргыз», на который были приглашены известные ученые, специалисты по истории и культуре кыргызов из ряда стран Европы и Азии, и ведущих научных центров России, в том числе Новосибирска. По инициативе оргкомитета конгресса автор настоящего сообщения выступал с докладом, в котором были подведены итоги и намечены перспективы изучения истории и культуры кыргызов в Саяно-Алтае и Центральной Азии.[39] На конгрессе были намечены планы создания научного центра при университете «Манас» по изучению истории и культуры кыргызов для проведения совместных исследований с учеными из России и других стран, и планы организации экспедиции в Саяно-Алтай и Монголию

В мае 2002 г. в г. Бишкеке была проведена Кыргызским государственным национальным университетом международная научная конференция «Этапы становления и развития кыргызской государственности», на которую были приглашены ведущие ученые из Кыргызстана, Китая, Казахстана и ряда на-

учных центров России, в том числе из Новосибирска. Автор настоящего сообщения выступил с докладом о государственности у кыргызов в эпоху великодержавия. В работе конференции принял участие Президент Кыргызской республики А.А. Акаев. Вклад российских, китайских и казахских ученых в изучение истории кыргызов был отмечен высокими государственными наградами Кыргызской республики.

В июле 2002 г. автор настоящего сообщения, по приглашению кыргызского руководства. Принял участие в качестве научного консультанта в работе кыргызской правительственной делегации во главе с Президентом А.А. Акаевым во время ее визита в Хакасскую республику Российской Федерации и Монголию, в ходе которой были осмотрены исторические места, памятники культуры и музейные экспозиции, относящиеся к периоду существования кыргызской государственности на Енисее и в Центральной Азии. В ходе этой поездки были намечены планы проведения научных конференций, посвященных истории кыргызской государственности, и экспедиционных исследований в Южной Сибири и северо-западной Монголии.

В ходе последних десятилетий учеными Новосибирского научного центра и Кыргызской республики накоплен значительный позитивный опыт в деле изучения истории государственности и культуры кыргызов в Центральной Азии, включая обмен научной информацией, проведение совместных исследований, подготовка и издание научных трудов, подготовка и издание научных трудов, подготовка специалистов, и проведение научных совещаний. Эта работа получила поддержку у руководства Кыргызской республики и имеет хорошие перспективы в будущем.

---

[1] **Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.** Изучение культуры енисейских кыргызов немецкими учеными в XVIII – XIX вв. // *Вестник Хакасского государственного университета. – Абакан, 1997. – Вып. 3. Серия 3, История. Право.* – С. 18-21.

[2] **Радлов В.В.** Из Сибири. Страницы дневника. – М., 1989. – С. 454-458, 473-474.

[3] **Кузнецов И.** Древние могилы Минусинского округа. – Томск, 1889. – С. 35-36.

[4] **Козьмин Н.Н.** Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. – Иркутск,. 1925. – С. 35-36.

[5] **Бартольд В.В.** Киргизы // *Сочинения. – М.. 1963. – Т. 2. – Ч. 2.* – С. 474-525.

[6] **Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *Материалы по этнографии. – Л.. 1929. – Т. 4. – Вып. 2.* – С. 54-58.

[7] **Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири // *Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1949. – № 9* – С. 314-362; **Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан. 1948. – С. 6-9; **Левашова В.П.** Два могильника кыргыз-хакасов // *Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. – № 24* – С.121-129.

[8] **Бернштам А.Н.** История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания // *КСИИМК. – М.-Л., 1947. – Вып. 16.* – С. 176-177.

[9] История Киргизской ССР. – Фрунзе, 1984. – Т. 1. – С. 47-48.

[10] **Вайнштейн С.И.** Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири // *Ученые записки ТувНИИЯЛИ. – Кызыл. 1957. – Вып. 5.* – С. 216; **Кызласов Л.Р.** О южных границах государства древних хакасов в IX – XII вв. // *Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1960. – Вып. 8.* – С. 58-62.

[11] **Бичурин Н.Я.** Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Ч. 1. – С. 350-357; **Кюнер Н.В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.. 1961. – С. 56-60; **Малов С.Е.** Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – С. 38-43, 67, 78; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л., 1952. – С. 11,26, 27, 29-33, 45, 46-47, 48-50, 53-63, 69, 85, 95-96; **Малов С.Е.** Памятники древнстюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959. – С. 20; **Караев О.** Арабские и персидские источники о киргизах и Киргизии. – Фрунзе, 1968. – С. 30-32.

[12] **Бахрушин С.В.** Енисейские киргизы в XVII в. // *Научные труды. – М.. 1955. – т. 3. – Ч. 2.* – С. 176-224; **Потанов Л.П.** Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан, 1957. – С. 11-69; **Абдыкалыков**

А. Енисейские киргизы в XVII в. – Фрунзе, 1968. – С. 129; **Арзыматов А.** Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII- первой половине XVIII в. – Фрунзе, 1966. – С. 66-68.

[13] **Кызласов Л.Р.** К вопросу об этногенезе хакасов *//Ученые записки Хак-НИИЯЛИ. – Абакан, 1959. – Вып. 7.* – С. 72-92; **Кызласов Л.Р.** Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI – XII веков *// Народы Азии и Африки. – 1968. - № 4.* – С. 88-97; **Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 88-93.

[14] **Яхонтов С.Е.** Древнейшие упоминания названия «киргиз» *// Советская этнография. – 1970. - № 2* – С. 100-120; **Караев О.** К вопросу о терминах «кыргыз» и «хакас» *// Народы Азии и Африки. – 1970. – № 4* – С. 255-259; **Сердобов НА.** О некоторых вопросах истории народов Южной Сибири *// Советская этнография. – 1971 - № 4* – С. 53-58.

[15] **Петров К.И.** К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами. – Фрунзе, 1961. – С. 17; **Петров К.И.** Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе, 1963. – С. 67, 130-141.

[16] **Худяков Ю.С.** Изучение енисейских кыргызов в Новосибирском научном центре *// Профессор Касым Тыныстан уулунун 90 Жылдык маракесине арналган республикалык илимий теориялык конференциясында жасалган докладдар менен баянда малардын тезистери. – Бишкек, 1991.* – С. 85.

[17] **Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск, 1980. – С. 131-149.

[18] **Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 197-205; **Худяков Ю.С.** Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннегои развитого средневековья. – Новосибирск, 1991. – С. 146-167; **Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – С. 116-120.

[19] **Худяков Ю.С.** Кыргызы на Табате. – Новосибирск, 1982. – С. 147-205.

[20] **Коников Б.А.** Новые материалы I тыс. н.э. из лесостепного и таежного Прииртышья *// Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск, 1978.* – С. 68-69; **Трифонов Ю.И.** Два погребения на могильнике Джартас *// Археология эпохи камня и металла Сибири. – Новосибирск, 1983.* – С. 123-130; **Могильников В.А.** Археологические исследования на Верхнем Алее *// Археология и краеведение Алтая. – Барнаул, 1972.* – С. 39-42; **Арсланова Ф.Х.** Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье *// Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972.* – С. 56-75; **Алехин Ю.П.** Енисейские кыргызы в Горном Алтае *// Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск. 1979. – Вып. 1.* – С. 161-169; **Худяков Ю.С.** Кыргызы в

Горном Алтае // *Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990.* – С. 186-195; **Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В.** Погребения с сожжением могильника Каменный Мыс // *Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984.* – С. 91-92; **Ковычев Е.В.** Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья // *Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985.* – С. 50-58.

[21] **Скобелев С.Г.** Русские влияния на материальную культуру местного населения бассейна Среднего Енисея и прилегающих территорий в XVII веке (поданным археологии, этнографии и истории). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Новосибирск. 1986. – С. 10-16; **Хаславская Л.М.** Средневековая торевтика Южной Сибири (IV – X вв.) (опыт формального подхода). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – С. 15-16; **Митько О.А.** Население территории Среднего Енисея в эпоху средневековья (IV-XVI вв.) (по данным погребальной обрядности) Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – С. 10-21.

[22] **Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С.** Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // *Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999.* – С. 55.

[23] **Табалдиев К.Ш.** Эволюция погребального обряда кочевников внутреннего Тянь-Шаня в средние века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – С. 13.

[24] **Кляшторный С.Г., Мокеев А.М.. Мокрынин В.П.** Основные этапы этногенеза киргизского народа // *Тюркология-88. – Фрунзе, 1988.* С. 42-44.

[25] **Худяков Ю.С.** Предисловие // *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.* – С. 5.

[26] **Караев О.** Исследователи о взаимоотношениях енисейских и тянь-шаньских киргизов // *Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе, 1989* – С. 8-29; **Савинов Д.Г.** Археологические данные о связи енисейских и тянь-шаньских киргизов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // *Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе, 1989* – С. 113-121:**Табалдиев К.Ш.** Новые данные о типах погребальных сооружений у киргизов // *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990* – С. 146-156.

[27] **Худяков Ю.С.** Комплекс находок из Вашися – памятника кыргызской культуры в Восточном Туркестане // *Известия Академии наук Республики Кыргызстан. – 1992. - № 1* – С. 34-37.

[28] **Чжан Тайсян, Шомаев А.А., Скобелев С.Г.** Происхождение «фуюйских киргизов» // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тысячелетии н.э. – Кемерово, 1994.* – С. 227-233.

[29] **Худяков Ю.С.** Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995; **Худяков Ю.С.** Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995. – 2-е издание.

[30] **Худяков Ю.С.** Каганат енисейских кыргызов // *История Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. – Бишкек, 1996.* – С. 63-76.

[31] **Худяков Ю.С.** Вооружение кыргызского воина в позднем средневековье (к вопросу о возможности идентификации некоторых реалий из эпоса «Манас») // *Эпос «Манас» и эпическое наследие народов мира. Бишкек, 1995.* – С. 7–9.

[32] **Кызласов Л.Р.** Этнонимы «хаас» и «хасха» в хакасском // *Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989.* – С. 260-263; **Кызласов Л.Р.** Этнонимы «хаас» и «хасха» в хакасском // *Советская тюркология. – 1990. – Вып. 5.* – С. 49-51; **Кызласов И.Л.** Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай (ответ оппонентам) // *Этнографическое обозрение. – 1992. - № 2.* – С. 69-76.

[33] **Кляшторный С.Г.** Статья И.Л. Кызласова «О самоназвании хакасов» // *Этнографическое обозрение. – 1992. - № 2* – С. 59-61; **Бутанаев В.Я.** Вопрос о самоназвании хакасов // *Этнографическое обозрение – 1992. - № 2.* – С. 63-69; **Яхонтов С.Е.** Слово «хакас» в исторической литературе // *Этнографическое обозрение – 1992. - № 2.* – С.61-63; **Худяков Ю.С.** Новый виток полемики о термине «хакас» // *Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. – 1995. - № 3.* – С. 62-69; **Татаринцев Б.И.** К вопросу о дискуссии на страницах журнала «Этнографическое обозрение» // *Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. – 1995. - № 3.* – С. 69-74.

[34] **Сенин А.И.. Скобелев С.Г.** Могильник Новоселовская Гора – памятник культуры XVII – XVIII вв. // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 2. – Горизонты Евразии. – Новосибирск. 1999.* – С. 174-179; **Митько О.А.** Средневековое население долины р. Ус // *Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. – Бишкек, 1991.* – С. 74-76; **Худяков Ю.С., Баяр Д.** Средневековый памятник в местности Нахиугийн-Манхан в пустыне Монгол Элс // *Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск. 1992.* – С. 36-44; **Худяков Ю.С.** Набор панцирных пластин из собрания Центрального государственного музея МНР // *Археологийн судлал. – Улаанбаатар. 1992.* – С. 62-68; **Худяков Ю.С.** Кок-Эдиган –

новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // *Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Омск. 2000.* – С. 208-215.

[35] **Мацумото Т.** О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири // *Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996.* – С. 209-219; **Худяков Ю.С.** Из истории дипломатической практики государства кыргызов на Енисее (в связи с находкой мраморных табличек у с. Райково) // *Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск. 1996.* – С. 240-241.

[36] **Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.** История енисейских кыргызов. – Абакан, 2000. – С. 18-94, 99-114, 137-144.

[37] **Деревянко А.П.. Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Табалдиев К.Ш., Зенин А.Н.** Поиски памятников эпохи палеолита на территории Кыргызстана в 2000 г. // *Проблемы археологии, этнографии, антропологи Сибири и сопредельных территорий. – Т. 4. Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2000.* – С. 75-78; **Деревянко А.П., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Рыбин Е.П.. Славинский В.С., Цыбанков А.А.** Новые результаты исследования палеолитического местонахождения Тосор (Кыргызстан) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологи Сибири и сопредельных территорий. – Т. 7. – Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2001.* – С. 76-78; **Деревянко А.П.. Петрин В.Т., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Чаргынов Т.Т.** Новые исследования мастерской Капчигай в Кыргызстане // *Проблемы археологии, этнографии, антропологи Сибири и сопредельных территорий. – Т. 7.* – С. 98-99.

[38] **Орозбек кызы-Ж.** Надмогильные сооружения кыргызов Тянь-Шаня // *Материалы Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Археология и этнография. – Новосибирск, 2002.* – С. 50.

[39] **Худяков Ю.С.** Итоги и перспективы изучения истории и культуры кыргызов в Саяно-Алтае и Центральной Азии // *Байыркы кыргыз тарыхынын актуалдуу проблемары. – Бишкек, 2001.* – С. 23-27.

И.Г. Галяутдинов, А.В. Псянчин, А.Г. Салихов

Востоковедческая наука Башкортостана на рубеже веков: традиции, современность, перспективы

Востоковедение в современном Башкортостане представляет собой совокупность научных дисциплин, изучающих язык, литературу, историю, искусство, фольклор, материальную и духовную культуру народов Евразии (прежде всего башкир и их культурного взаимодействия с другими народами).

Восточные памятники в Башкортостане сохранились в виде надгробных надписей, рукописных и печатных книг, шежере (родословных), ярлыков, указов, договоров и других документальных материалов на арабском, персидском и тюркском языках. Это способствовало развитию востоковедения как практического, источниковедческого, которое осуществляет введение в научный оборот новых исторических, лингвистических и литературных памятников. Сегодня это направление решает следующие задачи:

- издание описаний восточных рукописей и ретроспективной библиографии восточных книг Башкортостана;
- перевод и издание памятников истории, литературы и языка (научные, учебные, популярные);
- монографические исследования востоковедных проблем истории башкирского народа, его литературы и языка;

В последнее десятилетие учеными РБ подготовлены и изданы многоязычные словари, энциклопедические труды, несколько десятков монографий, получивших признание среди

ученых России и зарубежья. Среди них: "Большой толковый словарь башкирского языка" (акад. АН РБ З.Г. Ураксин и др.), "История башкирской литературы" в 6-ти томах (акад. АН РБ Г.Б. Хусаинов, чл.-корр. АН РБ Р.Н. Баимов и др.), "Антология башкирской поэзии" (акад. АН РБ Г.Б. Хусаинов и др.), "Два века башкирского литературного языка" (чл.-корр. АН РБ И.Г. Галяутдинов), "Башкирский язык. Синтаксис простого предложения" (чл.-корр. АН РБ Г.Г. Саитбатталов), "Семиречие Башкортостана: Семиязычный словарь", "Языки народов РБ" (чл.-корр. АН РБ Т.М. Гарипов).

Сотрудники Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН участвовали в разработке 6 международных проектов: "Управление многоэтничными сообществами" (Институт "Открытое общество", г. Будапешт), "Нациостроительство в регионах России" (Российско-американский проект), "Социально-экономическая трансформация и имущественная дифференциация этнических групп" (грант фонда Маккартуров), "Этнические и общегражданские аспекты национальной политики в республиках России" (грант МОНФ).

ЦЭИ УНЦ РАН установил связи с Институтом славянских исследований в Париже. Получены опубликованные и неопубликованные работы профессора Роже Порталя (1906–1994) по истории феодальной Башкирии. Осуществлен перевод и издание его книги "Башкирия в XVII–XVIII вв." (Уфа, 2000. 221 С.).

Центр этнологических исследований УНЦ РАН подготовил экспозицию, посвященную башкирской культуре, для Международной выставки "Экспо-2000", (16–23 июня, Германия, Ганновер).

Значительно укрепились и расширились научные контакты и встречи с зарубежными учеными. Научные и деловые международные связи исполнителей заключались в сотрудничестве с учеными Кыргызстана, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Турции, Японии, Швеции, США, Германии, пуб-

ликациях статей, выполнении совместных научных проектов, организации стажировок ученых РБ в зарубежные страны, приезде ученых из других стран, выступлениях с докладами и сообщениями на международных конференциях и симпозиумах.

Д.ф.н. Сулейманов А.М. является директором проекта башкирской части 30-ти томного свода "История литератур тюркских народов" при центре культуры им. Ататюрка г. Анкары (Турция). Д.ф.н. Сулейманов А.М., д.ф.н. Надршина Ф.В., к.ф.н. Хусаинова Г.Р., к.ф.н. Султангареева Р.А., Сальманова Л.К. подготовили ряд статей по башкирскому устно-поэтическому фольклору для многотомного издания "Литература Тюркского мира" по проекту Центра культуры им. Ататюрка Турецкой Республики.

Установлены связи с Институтом славянских исследований в Париже, от которого получены опубликованные и неопубликованные работы профессора Роже Порталя (1906-1994) по истории феодальной Башкирии, дано согласие на их перевод и издание в Башкирии.

Научный интерес общественности вызвал показ сарматской коллекции на международных выставках "Золотые олени Евразии. Скифские и сарматские сокровища степей России" в Музее Метрополитен (г. Нью-Йорк, США, 12.10.2000 – 04.02.2001) и "Золото: тайны скифов и сармат" в Музее Палаццо Реале (г. Милан, Италия, март-июль 2001 г.), каталоги выставок (на английском и итальянском языках). Проведена выставка "Золотые олени Евразии" в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). В настоящее время данная выставка действует в Уфе.

Важной формой, позволяющей выявлять и успешно решать научные проблемы, являются организация конференций и совещаний. Были проведены ряд международных, региональных, республиканских научных конференций.

Отметим наиболее важные из них:

- Второй конгресс этнографов и антропологов России (2–4 июня 1997 г.). Основным организатором являлся Отдел на-

родов Урала с МАЭ УНЦ РАН. Конгресс проводился при поддержке Президента Республики Башкортостан и стал крупным событием в научной и общественной жизни России.

В Конгрессе участвовали исследователи из США, Великобритании, Франции, Финляндии, стран СНГ, представители органов государственной власти России, занимающиеся вопросами национальной политики и межнациональных отношений: всего более 400 человек.

Работа Конгресса показала актуализацию в современном постсоветском пространстве России и стран СНГ этнического фактора, возрастание роли этничности связанных с ней процессов. Этнология как научная дисциплина подтвердила потенциал, позволяющий понять особенности этнических процессов, продемонстрировала готовность по созданию в России и в ее регионах благополучной этнополитической ситуации, дружественных и гармоничных отношений между ее народами.

- Международный конгресс тюркологов "Тюркология накануне XXI века: достижения, состояние, перспективы" (9–13 июня 1997 г.). Инициатором и организатором явились Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. В его работе приняли участие более 350 ученых из стран дальнего и ближнего зарубежья, центров тюркологических исследований Российской Федерации. В рамках Конгресса состоялись III Валидовские чтения, посвященные памяти всемирно известного ученого-востоковеда Ахметзаки Валиди, и симпозиум "Эпос "Урал-батыр" в системе мировой мифологии".
- В декабре 1999 г. была проведена республиканская научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения выдающегося башкирского ученого-энциклопедиста, востоковеда, писателя-просветителя и религиозного деятеля Ризы Фахретдинова.

Для дальнейших исследований и развития востоковедения в Башкортостане необходимы: организация Института восточных исследований (включая хранилище восточных рукописей); совершенствование преподавания востоковедных дисциплин в вузах; углубление контактов с ведущими российскими и зарубежными научными и образовательными учреждениями.

В связи с усиливающимися торгово-экономическими и культурными отношениями России, ее регионов, в том числе и Республики Башкортостан с восточными странами, актуальной становится задача подготовки высококвалифицированных кадров – специалистов в области восточных языков (турецкий, китайский, арабский, персидский и др.), международного права и экономики.

Это свидетельствует о необходимости открытия соответствующих институтов (факультетов, кафедр) в ведущих высших учебных заведениях Башкортостана. Приоритетной задачей было бы учреждение в составе Башкирского государственного университета Восточного института в составе трех кафедр: восточных языков, экономики и экономической географии востока, политологии.

А.Ш. Кадырбаев

Институт казачества в истории России и его связи с тюркско-монгольским и кавказским миром.

Казак – тюркское слово, впервые упоминаемое в анонимном тюрко-арабском словаре 1245 г., составленном в Египте во время правления мамлюков - тюркской гвардии, пополнявшейся рабами из Дешт-и-Кыпчака - степей Причерноморья и нынешнего Казахстана, а также Кавказа. В исторической литературе существуют самые разные толкования слова. Несомненно, что первоначально оно не несло ни политической, ни этнической нагрузки, имело только нарицательное значение: "свободный", "бездомный", "скиталец", "изгнанник". То есть казаком называли человека, отколовшегося от своего народа, племени или покровителя и ведущего жизнь искателя приключений. Русские тоже числили казаками людей без определенных занятий и определенного местожительства, людей вольных. Хотя слово "казак" зарегистрировано на севере Руси с конца XIV в., родиной казачества историки признают ее южные окраины, смежные с причерноморскими и казахскими степями, условия жизни в которых придавали этой вольнице характер военного сообщества.

Иными словами, исходное значение термина "казак" имеет социальный оттенок, отражающий состояние, статус лица или коллектива в каждый данный момент по отношению к правителю, обществу или государству. Так, изгой, который переходит с места на место, добывая себе пропитание собственным мечом,- это казак. Человек, который пускается в даль-

ний и опасный путь один, без сопровождения - тоже казак. Молодец, неутомимо угоняющий табуны врага,- опять-таки казак. Таким молодцем был, например, будущий покоритель Сибири Ермак: в 1581 г. он напал на стада ногайского мурзы Урмагмета и "отогнал 60 лошадей... а летось отогнали с Волги тысячу лошадей."[1]

Людей, которые какое-то время по необходимости или по доброй воле жили жизнью казака, всегда было немало. В степи и подстепье казаком мог стать любой человек - славянин или выходец из степных и кавказских народов, простолюдин или принц крови в десятом поколении. В самом деле, хотя среди русских казаков преобладали беглые крестьяне, посадские люди да холопы, в "десятнях" конца 70-х - начала 90-х гг. XVI в. можно встретить имена разорившихся "детей боярских" и беспоместных дворян, которые "сошли на Дон в казаки", "сошли в Поле", "в Поле казакуют".[2] Фактически казаками некоторое время были предводитель среднеазиатских кочевых узбеков Мухаммад Шейбани-хан, создавший на руинах империи Тимуридов недолговечное государство от Каспийского моря до Тянь-Шаня в начале XVI в., его дед Абу-л-Хайр, основатель Узбекского улуса на территории современного Казахстана, Захир-ад-Дин Бабур - известный мусульманский летописец и поэт, правитель Ферганы, а затем основатель империи Великих Моголов в Индии в 1526 г. В те времена казаками не рождались, а становились. Для обозначения жизни казака источники употребляли специальный термин - "казакование", "казачество", по-тюркски "казаклык." Ермак, например, казаковал более 20 лет своей жизни, о чем свидетельствовали его сподвижники в челобитной царю Михаилу Романову: "20 лет полевал с Ермаком в Поле", "в Сибири 42 года, а прежде де того он служил... на Поле 20 лет у Ермака в станице и с иными атаманы."[3]

Конечно же, казак вел скромный, если не сказать суровый образ жизни. Отсюда и тюркское слово "казакане" - "по-казацки", скромно. Казаки редко были одиночками, чаще объединялись в "общество". Иногда такое "общество" состояло из

спасшегося бегством претендента на престол и его преданных сторонников, которые вели жизнь искателей приключений. В других случаях слово "казаки" обозначало группу кочевников, отделившихся от того государства, подданными которого они раньше были, и находившихся с ним в состоянии войны. В этом смысле казаками были, например, кочевники из Узбекского улуса, восставшие во главе с ханами Гиреем и Джанибеком против Абу-л-Хайра и в 1459 г. ушедшие из под его власти в Семиречье, где они получили название "узбеки-казаки".[4]

Двойное название не должно удивлять. В эту эпоху слово "казак" прилагалось к названию отдельных народностей, этнических, политических и иных групп и даже к собственному имени отдельных лиц. Были ногайские и дештские казаки, чутур-казаки (на Кавказе), шибан-казаки, узбеки-казаки (они же казахи). Видимо, появление двойного названия "узбеки-казаки" объясняется тем, что казаками уже было привычно назвать не только разного рода вольницу, но и казахов, вполне обособившихся к концу XV - началу XVI веков от остальных степных тюрков. Институт казачества, таким образом, сыграл важную роль в формировании казахского народа, нынешний этноним которого, если исходить из казахской и, в целом, тюркской фонетики, звучит именно как "казак".

В приуральских, приволжских, причерноморских, северокавказских степях институт казачества был также широко распространен. Однако в них он стал основой не этнических, а социальных процессов. Формирующиеся здесь "общества" из казаков в первую очередь воспринимали себя и воспринимались извне как вольница. При этом этнический состав казачьих общин, занимавших эти части Поля, становился все более смешанным. Поначалу в местных "обществах" преобладали "татары". То было собирательное имя, прилагавшееся не только к крымским, казанским и астраханским татарам, но и к представителям других тюркских степных народов - к тем же ногайцам, казахам, башкирам. Со временем "татары" были заметно разбавлены славянами и "черкасами" или "черкасцами" (черке-

сами) - выходцами из кавказских горцев. Вообще, к середине XVI века в среде казаков становится все больше славян - представителей разных земель Московской Руси и Украины. В 1546 г. путивльский воевода писал царю Ивану Грозному: "Ныне, государь, казаков на Поле много: и черкасцев, и кыян (киевлян. - Автор) и твоих государевых, вышли, государь, на Поле изо всех украин."[5]

Таким образом, казачество - это своеобразный тюрко-славяно-кавказский этнический симбиоз. Примером может служить казачья ватага Ермака. Еще до сибирского похода о разношерстности его дружины, а точнее, ее многоплеменном составе говорилось в Ремезовской летописи: "Собрании (собрались) вои... с Ермаком с Дону, с Волги, и с Еику, ис Астрахи, ис Казани, ворующе, разбиша государевы казенные суды, послов и бухарцев на усть Волги-реки".[6]

В известном смысле казачьи дружины были обречены на то, чтобы заниматься "промыслом", то есть разбоем, в Поле и на водных путях. Тем более, что реки были тем местом, рядом с которым зародилось и шло становление казачества, от рек казачьи войска получили и свое название. И, если на суше ратное бытие казаков испытало заметное влияние военного искусства степных и горских народов, то в морском деле, вероятно, казаками была воспринята традиция древнерусских речных и морских разбойников - ушкуйников. Как и ушкуйники, вольные общины казаков старались основывать свои поселения - станицы на больших речных островах. Например, украинские казаки основали свою ставку - Запорожскую Сечь - на острове Хортица, за порогами Днепра, донские - первую свою столицу Черкасск на острове среди Дона, яицкие - Яицкий городок (ныне Уральск) на полуострове между реками Яик и Шагын, а со степной стороны отгородились крепостными стенами и рвом. Водные пространства рек служили казакам естественным укрытием от набегов кочевников, давали пропитание - рыбу, дичь. Тем более, до 1695 г. земледелием казаки не только не занимались, но даже сурово пресекали подобные попыт-

ки. Однако они не могли прокормиться лишь скотоводством, охотой и рыболовством. Отчасти и поэтому их привычным делом стало пиратство. Если в степи, хотя казаки и были прекрасными конниками, им все же трудно было превзойти степняков или уйти от их подвижных отрядов, то в водной стихии на речных судах-стругах, которые строили в больших количествах на небольших верфях в казачьих городках, казак был неуловим. На них в XVI в. казаки выходят на просторы Каспийского и Черного морей, Волги, Днепра, Дона, Яика. Царские дипломаты заявляли в Ногайской Орде: "...беглые казаки, которые, бегая от нас, живут на Тереке и на море, на Яике и на Волге, казаки донские...своровали и наших детей боярских, а их (ногайских) послов перебили". Ермак, "воюя...по Хвалынскому морю (Каспийскому.-Автор)...яко и царскую казну шарпал".[7] Казаки грабили и государственные, царские и посольские суда, и частные, купеческие, и русских, и ногаев, и персов, и бухарцев, и даже англичан. В 1572 г. отряд в 150 казаков напал на английский корабль, который возвращался из путешествия в Иран и стоял на якоре близ устья Волги. Англичане, по их словам, убили и ранили почти треть напавших на них людей, но отразить их яростный натиск не смогли, и были взяты на абордаж. Активны были казаки, запорожские и донские, на Черном и Азовском морях, тогда внутренних морях Османской империи, где они обходили цепь османских крепостей в устьях Дона и Днепра и нападали с моря на прибрежные турецкие и крымские города. Эти морские походы казаки предпринимали, как они откровенно выражались, "за зипунами", т.е. с целью грабежа, за добычей. Многие казаки гибли в этих походах, но те, кто возвращался, привозили богатую добычу: золото, драгоценности, шелка, ковры, пленных - мужчин, женщин, детей, которых обращали в рабство или отдавали за богатый выкуп. Надо отметить, морские разбои казаков на Черном и Азовском морях в это время были серьезной проблемой для османских властей. В 1637 г. донские казаки штурмом с суши и моря взяли крепость Азов, перебив его гарнизон, а затем пять лет

удерживали ее, отражая турецкие атаки. Казаки могли становиться и наемной военной силой в порой противоположных по политической ориентации государствах, и тогда могло получиться так, что казаки воюют друг с другом. Например, в XVI в. не раз враждовали и сражались между собою донские и азовские казаки. Самое интересное, что атаманом у первых, периодически ориентировавшихся на Москву, был казак с тюркским именем Сары-Азман, а у вторых, служивших туркам-османам, судя по имени, славянин Сенька Ложник.[8] В царствование Ивана Грозного в составе русского воинства при осаде Казани участвовали наемные казачьи дружины, причем имена предводителей 10 тысяч казаков, которые "яму, государю под Казанью служили не за крестным целованьем" (не по присяге, а по найму или за добычу), были, чаще всего, тюркскими и "черкасскими".[9] Согласно легенде, "прародителями" яицких казаков были славянин Гугна и 30 его соратников - казаки, пришедшие с Волги на Яик, а также ногайская полонянка, братьев которой убили эти казаки, ставшая женой атамана и известная в казачьей народной памяти как "бабушка Гугниха".

Итак, хотя в формировании казачества участвовали разные этнические группы и в нем были весомы тюркское и кавказское начала, все же, к концу XVI в. оно все более русифицировалось. Причиной тому было не только присутствие в рядах казаков заметного и все более нараставшего славянского элемента, но и влияние православия - государственной религии России, все чаще привлекавшей казаков на службу. Ведь поступление на нее, равно как и переход в российское подданство, одновременно означали обращение в христианство (и, соответственно, получение нового имени). Подобные примеры известны еще из истории Половецкого Поля до монгольского нашествия на Русь, когда крещеный кыпчак-половец из племени тирег получал имя Глеб Тиреевич, а сын половецкого хана Кончака Бахадур при крещении стал именоваться Юрий Кончакович. В свою очередь, казак дружины Ермака Черкас, приняв крещение, получил имя Иван.

Обрусение казачества не мешало сохранению в его повседневной жизни огромного пласта тюркской и кавказской культур. Едва ли не в первую очередь это относилось к военному укладу, определявшему основы казачьего быта. Одежда казаков Дона, Яика (Урала), Волги, Запорожья во многом напоминала "татарский", то есть степной костюм. В нее входили: шаровары на учкуре (поддерживавшем их шнуре); бешмет - полукафтан до колен и с закрытой грудью; одевавшийся поверх бешмета чекмень - приталенный суконный кафтан, подпоясанный кушаком, на котором висела кривая азиатская сабля. Головными уборами казакам служили шапка из бараньего меха, так называемая трухменка (трухмен - синоним слова "туркмен") и суконный колпак с меховой опушкой. Как и степняки, донские, запорожские, яицкие, волжские казаки носили бороды, длинные висячие усы, на бритой голове оставляли лишь прядь волос наподобие косы - чуб, хохол, оседелец. Терские и кубанские казаки заимствовали свой костюм у кавказских горцев, с 1831 г. введенный российским правительством в качестве военной формы этих казачьих войск. Чекмень, именуемый "черкеска", имел нашитые на груди напатронники, в которых носили заряды для ружей. Позднее вместо них стали нашивать газыри - гнезда для патронов, изготовленные из серебра, кости или металла. Черкеску подпоясывали узким поясом с обязательным кинжалом. На плечах носили украшенный галуном башлык - теплый остроконечный капюшон с длинными концами, надеваемый в непогоду поверх головного убора. В холодное время кавказские казаки ходили в косматых бурках - безрукавных плащах из ворсистого войлока. Терские и кубанские казаки коротко стригли волосы или, подобно кавказским горцам, брили головы.

Вооружение казаков, за исключением огнестрельного оружия, в основном аналогично вооружению степняков и горцев. Это пики, кривые азиатские сабли, позднее шашки, кистени, кинжалы, чеканы, аркан, лук и стрелы. Да и тактика ведения боя копировала военные приемы степных и кавказских

народов. Это внезапные набеги, притворное отступление с целью заманить в засаду под удар основных сил, атака лавой (развернутым строем с выступами на флангах), определение по сакме (конским следам) численности неприятеля. У степняков и горцев было позаимствовано виртуозное владение приемами джигитовки и вольтижировки, включавшими верховую езду с элементами акробатики, меткую стрельбу из лука, ружья и пистолета на полном скаку, умение набрасывать аркан и применять в ближнем бою пику и саблю. Степного происхождения было и казацкое седло, не менявшееся в течение столетий и отличавшееся от принятых в регулярной кавалерии, что позволяло проделывать такие трюки, как подхватывание предметов на всем скаку с земли и т.п. Как степняки и горцы, казаки с детства учились верховой езде, поэтому их искусство управления конем, способность совершать долгие утомительные переходы, находились на уровне, недостижимом для регулярной кавалерии. За столетия своего существования, используя военные традиции степных и горских народов, казачество выработало эффективные приемы и способы ведения боевых действий: умение применяться к условиям местности, быстрый переход от конного строя к пешему и обратно. Это поддерживалось системой подготовки казаков: ежегодными сборами в лагерях, регулярными соревнованиями - скачками с джигитовкой. Казачий быт был так устроен, что, не состоя в строю, казаки оставались военными, готовыми по первому зову встать в ряды своих полков. Этим они выгодно отличались от солдат регулярной российской армии, которые, уйдя в запас, быстро утрачивали военные навыки и, в случае призыва, их приходилось учить заново. При этом содержание казаков обходилось государству дешевле, чем регулярных войск.

Веками, непрерывно находясь в конфронтации со степными и горскими народами, казаки, как и их противники, жили в условиях военного лагеря, не расставаясь с оружием ни на минуту. Такая жизнь, полная тревог и опасностей, по соседству с опасным противником, каковыми были тюркские степняки и

кавказские горцы, выработала особый тип воина, который вызывал восхищение современников, например, А.С. Пушкина: "Видел я берега Кубани и сторожевые станицы - любовался нашими казаками. Вечно верхом, вечно готовы драться, вечно в предосторожности!" Из арсенала боевых приемов своих противников, которые переняли казаки, относится и появление своего рода (если говорить современным языком) спецназа - пеших частей пластунов. До сих пор у военных есть выражение "ползать по-пластунски". Свою службу пластуны, т.е. лежащие пластом, несли, затаившись в засаде в плавнях и камышах Терека, Сунжи и Кубани. Действовали они, как правило, в одиночку или малыми группами против абреков, кавказских горцев, воевавших с российскими войсками аналогичными методами. Поэтому от каждого из них требовалась смекалка, хладнокровие и выдержка. Днем и ночью пластуны часами неподвижно лежали в секрете (дозоре), высматривая, не переходят ли Терек или Кубань горцы. Обнаружив следы неприятеля, они шли по ним, стараясь выведать планы и численность абреков. Ночами пластуны пробирались к горским аулам, чтобы узнать не готовятся ли джигиты к набегу. В темноте или в густых зарослях пластуны стреляли без промаха на звук. Только обладая подобными бойцовскими качествами, казаки имели шанс на выживание в борьбе не на жизнь, а на смерть, с таким врагом как горцы. По аналогии с кавказскими горскими традициями в среде пластунов получил распространение обычай побратимства, так как в минуту опасности можно было надеяться только на товарища. Обменявшись нательными крестами, казаки становились побратимами, готовыми отдать жизнь за брата. Пластуны отличились на Крымской войне, каждую ночь бесшумно снимая часовых противника и захватывая пленных и оружие. Равных им у союзников - французов, англичан, турок и сардинцев не было.

К терминам "учкур", "бешмет", "чекмень", "кушак", "трухменка", "колпак", "башлык", "бурка", описывающими непременные атрибуты казачьей жизни, можно прибавить и дру-

гие: юрт-земельный надел казака, курень-дом и способ передвижения во время похода, хоругвь-знамя,[10] бунчук-знамя с конским хвостом, караул-пост, казачья застава, есаул, кошевой-(походный) атаман. Все они тюрко-монгольского происхождения, как и знаменитое "ура"- боевой клич атакующих, не только казаков, но и вообще русских воинов, производный от монгольского слова "уррагх"-вперед или тюркских слов "уран"(означает боевой клич рода) и "ур"-бей! Впрочем, иногда встречаются слова кавказского происхождения, например "шашка" (адыгское слово "сашхо"-длинный нож).

Подобно тому как певцы-импровизаторы, поэты сказители (акыны, жырау, сэсэны) были популярны у степных народов, так и казачество, например, запорожское, неотделимо от кобзарей и бандуристов, народных поэтов и певцов, передатчиков исторических знаний из поколение в поколение. Казаки восприняли и степную традицию, согласно которой женщины играли заметную роль в обществе, и неукротимый нрав казачек, отраженный в русской и советской литературе, наглядное тому свидетельство.

По сути дела, адаптация степняков и кавказских горцев к казачьей среде при выполнении главного требования к ним - принятия православия, была более быстрой, нежели адаптация славян. Для последних существовали временной ценз и другие препоны, которые они должны были преодолеть, прежде чем считаться полноценными казаками. У казаков существовали и ограничения на браки с русскими и украинками, если те не были из казачьего сословия. Напротив, женитьба на степнячках, горянках, турчанках, пусть и полонянках, была распространенным явлением. Есть предположение, что мать известного бунтаря и разбойника в русской истории донского казака Стеньки Разина была турчанкой. Отголоски этого явления сохранились и позднее, когда казачество окончательно трансформировалось в обособленную группу русского народа, сохранившую множество отличий от остальных русских в сфере психологии, бытовой и материальной культуры.

Стоит вспомнить и о распространении тюркоязычия в разноплеменной казачьей среде в ранний период ее истории. Наряду с русским, так называемый "татарский" язык являлся обиходным для большинства казаков. Даже в начале XX века, когда казаки давно уже были неотъемлемой частью русского народа и прочной опорой российской государственности, знание тюркских, а иногда кавказских и монгольских языков среди казаков ряда казачьих войск Российской империи по-прежнему носило массовый характер. Уральские, астраханские, оренбургские казаки знали казахский язык, семиреченские - киргизский и казахский, терские и гребенские - чеченский, ногайский и кумыкский, забайкальские - бурятский и монгольский. С другой стороны, казаками стала немалая часть калмыков, бурят, башкир, якутов, осетин, принявших православие. Многие из них не утратили полностью своей этнической идентичности, но, прежде всего, для них была важна принадлежность к казачеству, как особому военному сословию Российской империи.

В равной степени это распространялось и на тех представителей степной и горской знати, мусульман по вероисповеданию, которые подобно первому казахскому ученому и российскому военному разведчику Чокану Валиханову, были офицерами в казачьих войсках, а также в отдельных, организованных на манер казачьих, элитных частях российской армии, целиком формировавшихся из кавказских и тюркских народов. В качестве примера таких частей обычно вспоминают личный, Его Императорского Величества Николая Второго чеченский конвой, "Дикую дивизию"[11] с ее генералами, активными противниками советской власти - С. Клыч-Гиреем, К. Улагаем и И. Эрдели. Или Текинский (Туркменский) конный полк - личную охрану верховного главнокомандующего российской армии в 1917 году генерала Л.Г. Корнилова,[12] уроженца Каркаралинской станицы в Казахской степи, сына сибирского казака и крещеной казашки, знатока тюркских и персидского языков. Казаками из "инородцев" были и другие известные участники

Первой мировой и гражданской войн: атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов, происходивший из русско-бурятской семьи и владевший бурятским и монгольским языками; калмыцкий князь Тундутов, командовавший донскими казаками-калмыками в Добровольческой армии А.И. Деникина; осетин Л. Бичерахов, возглавлявший корпус терских и кубанских казаков в Иране и на русско-турецком фронте; советский генерал, калмык О.И. Городовиков, георгиевский кавалер, командарм Второй Конной армии и главный инспектор кавалерии Красной и Советской Армии.

Однако на крутых поворотах истории России казаки могли играть и роль дестабилизирующего фактора. Примером этого может служить участие запорожцев в опустошительных походах крымских татар на Москву при великом князе Василии III в 1521 г. или Смута начала XVII в., когда донские и запорожские казаки во главе с атаманом Заруцким и в союзе с Речью Посполитой поддержали претензии на русский престол самозванцев Лжедмитриев. Донские и яицкие казаки являлись застрельщиками кровавых бунтов Ивана Болотникова, Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева. Казаки вступали в союзы с враждебными России государствами, как это было во время Северной войны, когда запорожцы, их кошевой атаман Константин Гордиенко и гетман украинского казачества Иван Мазепа перешли на сторону шведов, а донские казаки-булавинцы атамана Некрасова бежали к османам. Интересно, что до начала XVIII в. в Москве депутации с Дона принимали не как подданных русского царя, а как иностранных послов. Набеги казачьей вольницы, вплоть до начала XVIII в. автономной от российских государей, на Османскую империю, Крымское ханство, Речь Посполитую, Иран часто ставили Россию на грань войны с этими государствами.

Да и отношения казаков со степными и горскими народами, при всей этнокультурной близости первых ко вторым, были далеко не идиллическими. Это стало очевидно уже в 1580 г., когда казаки разрушили одну из бывших столиц Золотой

Орды, город Сарайчук, и осквернили там захоронения золотоордынских и казахских ханов. По мере же их превращения в сословие Российской империи и в ее военную опору на Кавказе и в степях Приуралья и Центральной Азии, отношения с мусульманскими - тюркскими степными и горскими кавказскими народами все более обострялись, что нашло выражение в активном участии казачьих войск в подавлении антиколониальных восстаний тюркских степняков и в Кавказской войне.[13] Вместе с тем, история оставила примеры искренней дружбы между лучшими представителями российского казачества и степных народов. Такова была дружба Чокана Валиханова с Григорием Потаниным - потомственным сибирским казаком и офицером, знатоком казахского языка, известным исследователем культуры народов Сибири и Казахстана. Казаки встречались на полях сражений с "инородцами" не только как враги, но и как товарищи по оружию. В войне 1812 г. с Наполеоном I в рядах российской армии отличились донские казаки и башкиры, калмыки и крымские татары. В русско-турецкой 1877-1878 гг. и первой мировой войнах плечом к плечу сражались против общего врага вчерашние противники в Кавказской войне - терские, кубанские, донские и горские полки. Служили казаки вместе с горцами и в личной охране высочайшей особы - последнего российского императора, когда им была оказана высшая степень политического доверия в государстве Российском.. Наряду с чеченскими телохранителями ответственность за безопасность высшего лица в стране была возложена и на его императорского величества личный казачий конвой, сформированный из терцев и кубанцев.

Таким образом, роль института казачества в истории России, степных и кавказских народов противоречива и неоднозначна. Казаки были не только бунтарями и предателями, разбойниками и пиратами, но и защитниками России в годы тяжелейших испытаний в ее истории, а также землепроходцами, открывшими и присоединившими к Российскому государству Сибирь и Дальний Восток, когда к концу XVII столетия

они по суше, рекам и морям вышли на берега Тихого океана. Что касается взаимоотношений казаков с тюркскими степными и кавказскими горскими народами, то сейчас активизирована версия, согласно которой казаки были "кровавыми конкистадорами" и якобы вековыми врагами этих народов. В данной же статье, опираясь на дошедшие до нашего времени исторические и этнографические свидетельства, сделана попытка реконструировать другую версию, которая, по мнению автора, позволяет составить о казачестве, сложившемся в ходе смешения разных народов, прежде всего, славянских, тюркских и кавказских, более объективное представление в свете его связей со степным тюрко-монгольским и горским кавказским миром, чем однозначно "розовая" или "черная" версии. К тому же институт казачества стал важным этнообразующим фактором в процессе формирования такого тюркского народа, как казахи.

---

[1] **Бахрушин С.В.** Научные труды. – М., 1955. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 29.

[2] **Скрынников Р.Г.** Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982. – С. 234.

[3] **Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М.-Л., 1937. – Т. 1. – С. 1, 455-456.

[4] **Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.** Казахстан – летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата, 1992. – С. 250-253.

[5] **Скрынников Р.Г.** Сибирская экспедиция... – С. 65.

[6] Сибирские летописи. – СПб, 1907. – С. 317.

[7] Сибирские летописи. – С. 312

[8] **Ланда Р.Г.** Ислам в истории России. – М., 1995. – С. 81.

[9] **Гордеев А.А.** Золотая Орда и зарождение казачества. – М., 1992, – С. 131-137.

[10] **Баскаков Н.А.** Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". – М., 1985. – С. 159, 163, 167.

[11] **Деникин А.И.** Очерки русской смуты. – М., 1991. – С. 64-65.

[12] **Гундогдыев О.А., Шеремет В.И.** Текинский конный полк в боях первой мировой войны (Новые архивные сведения) // *Восточный архив. – М., 2000. – № 4-5.* – С. 33, 43.

[13] **Величко В.Л.** Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. – СПб, 1904. – Т. 1. – С. 187-190.

М. С. Лазарев

Состояние и перспективы развития российского курдоведения

Курдоведение как особая и самостоятельная востоковедная дисциплина впервые возникло именно в России примерно в середине XIX в., когда появилась практическая потребность в научных знаниях о курдском народе и его исторической родине – Курдистане. Такой же причиной объясняется появление научного интереса к курдам и на Западе, но произошло это несколько позднее ввиду удаленности европейских держав от курдского региона. Россия же первая непосредственно встретилась с курдами в ходе успешных завоевательных войн против Османской Турции и Ирана, когда были присоединены к империи южнокавказские земли Грузия, Армения (Восточная) и Азербайджан (Северный), где частично проживали и курды. В России сразу же оценили исключительно важное для нее геополитическое значение Курдистана, разделенного с начала XVI в. между Османской империей и Ираном (а после I мировой войны еще и – Ираком и Сирией), непосредственно граничившего с ее закавказскими владениями и лежавшего с ее воинственным населением на пути ее экспансионистских планов на Ближнем Востоке. Поэтому впервые именно в России почти одновременно зародились и начали развиваться и чисто научное, и прикладное направления в курдоведении.

К началу XX в. благодаря, главным образом, достижениям российского курдоведения, оно сформировалась как ком-

плексная наука, обогащенная ценнейшими трудами по курдскому языку, фольклору, классической литературе, историографии, этнографии, географии. Особенно высоким научным уровнем отличались публикации по истории и культуре курдского народа («Шараф-наме» и др.). В то же время научная обработка сведений о курдах (в том числе собранных иностранными исследователями) производилась исключительно в России. «Всё наиболее существенное в курдологии вышло в свет в Петербурге», писал один из ее классиков В.П. Никитин.[1]

Правда, еще не настало время для создания фундаментальных трудов по этногенезу, этнической, политической и социально-экономической истории курдов и Курдистана, а также по многим нерешенным проблемам курдской культуры, литературы и языка. Недостаточно было материалов, не хватало специалистов. Зато был собран огромный корпус фактов, послуживший основой для разработок в последующее время, вплоть до наших дней.

В советский период почти все достижения отечественного курдоведения были сохранены, и на их основе оно развивалось дальше, долго продолжая занимать лидирующее положение в мировой науке. Некоторые его выдающиеся представители (В.Ф. Минорский, В.П. Никитин) работали в эмиграции, но и в СССР были созданы условия для его качественного и количественного роста. Влилась свежая кровь в лице носителей языка – курдской молодежи из Закавказья, получившей доступ к образованию и к специальной подготовке под руководством таких крупных ученых как академики Н.Я. Марр и И.А. Орбели. Это помогло развернуть большую работу в области курдской филологии и этнологии (труды К.К. Курдоева, И.И. Цукермана, О.Л. Вильчевского, Т.Ф. Аристовой и др.). Много было сделано и в таком традиционном для отечественного курдоведения направлении как критические издания памятников курдской культуры, исторических, литературных и культурных (М.Б. Руденко, Е.И. Васильева, Ж.С. Мусаэлян).

Вместе с тем, политические и идеологические изменения, наступившие в советскую эпоху, стимулировали поощряемую властями усиленную разработку таких тем в курдоведении, на которые прежде обращали недостаточное внимание, но теперь считавшиеся наиболее актуальными для использования в ближневосточной политике советского государства. Это, прежде всего, изучение курдского национально-освободительного движения во всех его аспектах, политических и идеологических, социально-экономические отношения в Курдистане, наконец – курдская геополитика, т. е. курдский вопрос в связи с международными отношениями в историческом разрезе и на современном этапе. По этим сюжетам представляющим, понятно, животрепещущий интерес, собран и обработан значительный фактический материал (Д.Д. Джалиле, Н.А. Халфин, М.С. Лазарев, Ш.Х. Мгои, Ш.Ч. Аширян, М.А. Гасратян, А.М. Ментешашвили, О.И. Жигалина и др.), но его научная интерпретация подчас была небезупречна, поскольку носила отпечаток обязательной для всех господствующей идеологии.

Крушение СССР и последующие за ним эпохальные изменения внутри страны и на мировой арене оказали серьезнейшее и притом весьма противоречивое воздействие на курдоведение, разделившего участь других общественных наук. С одной стороны, исчез идеологический диктат, ставивший в тесные рамки заданных доктрин творческую деятельность ученых и воздвигавший препоны на пути столь наобходимого для пользы дела научного сотрудничества с зарубежными коллегами. С другой стороны, курдоведение, в ряду других востоковедных и иных наук, в полной мере испытало негативные последствия резкого уменьшения востребованности своих исследований государством, находившемся в состоянии коренного реформирования и сопровождавшей его разрухи, что заставило заметно свернуть фронт работ и губительно сказалось на подготовке новых молодых кадров. Особенно тяжело переживалась утрата научных и личных связей с коллегами из рес-

публик Закавказья, где прежде быстро развивалось курдоведение. Ослабли контакты даже между курдоведами Москвы, где за годы существования советской власти достигнуты большие успехи в изучении наиболее актуальных проблем современного Курдистана, и центром классического курдоведения в Петербурге. Словом, в последние 10 – 15 лет российское курдоведение переживало тяжелый кризис и утратило свои передовые позиции в мировом востоковедении. Этот кризис усугублялся упадком (вернее полным отсутствием) специальной курдоведческой подготовки в системе высшей школы, прямым следствием которого стало отсуствие нормальной смены поколений курдоведов и ротации научных кадров.

Однако в самое последнее время, по мере наступающей в стране стабилизации, появились признаки того, что спад научной активности в курдоведении вскоре может быть остановлен. Огромный научный потенциал, накопленный российским курдоведением почти за два века, поможет преодолеть нынешнее отставание. Основанием для оптимистического прогноза относительно будущего науки о курдах в первую очередь служит рост общественного интереса у нас и за рубежом к курдскому региону, который становится одним из главных очагов напряженности на Ближнем Востоке. Это тот типичный случай, когда потребности практики стимулируют развитие научного интереса. СМИ всё чаще упоминают о бурных событиях в разных частях разделенного Курдистана, где растет борьба за самоопределение. Делаются успешные попытки (например, в Петербургском университете) возобновить изучение курдского языка. В Курдской группе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН выполнены и завершаются фундаментальные исследования по курдской культуре и племенам. В Секторе курдоведения Института востоковедения в сотрудничестве с Центром курдских исследований (Москва) опубликованы и подготовлены обобщающие труды по истории и современному положению курдов и Курдистана. В последнее время в Москве и Петербурге защищаются кандидатские дис-

сертации по новому направлению в курдоведении – политологии и геополитике. Регулярно организуются конференции и совещания по актуальным проблемам курдоведения. Устанавливаются прочные контакты российских курдоведов с зарубежными (в том числе и находящимися в самом Курдистане) курдскими научными, общественно-просветительскими центрами и университетами, которые организуют перевод и издание трудов отечественных курдоведов на курдский и другие восточные языки. Надо надеяться, что видимое оживление в курдских исследованиях перерастет в постоянную и устойчивую тенденцию.

---

[1] **Никитин В.** Курды. Пер. с фр. – М., 1964. – С. 401

Р.Г. Ланда

Российское востоковедение и некоторые аспекты изучения истории Средиземноморья

Помимо больших достижений и давно налаженных связей в сферах арабистики, исламоведения и тюркологии, есть некоторые отрасли знания, в которых востоковедение тесно взаимодействует с другими научными дисциплинами, порой выходя, причем достаточно далеко, за рамки изучения собственно Востока. Прежде всего, речь идет об изучении ряда регионов Средиземноморья, в разные периоды его существования принадлежавших то к Востоку, то к Западу. Независимо от их окончательной исторической судьбы, они дали очень интересные примеры и варианты межцивилизационных контактов, взаимовлияния и взаимодействия, иногда отливавшиеся в своеобразные формы культурного синтеза.

К числу вышеупомянутых регионов принадлежат, прежде всего, Иберийский полуостров, Сицилия, Мальта и Кипр, в меньшей степени – Крит, Корсика, Сардиния, юг Италии и Балеарские острова, также находившиеся под арабским владычеством и испытавшие воздействие арабо-исламской цивилизации. Исламизация и арабизация Средиземноморья в VII-IX вв. охватили не только его азиатское и африканское побережье, но и часть европейского, а также – почти все острова. И хотя в дальнейшем острова и европейское побережье были отвоеваны (Кипр и Крит – в X в., Корсика, Сардиния и Сицилия – в XI в., Балеары – в XIII в., а иберийские берега – в XV в.), пребывание арабов здесь всюду оставило свои следы. В частности, язык

мальтийцев, ярых католиков, близких в культурном отношении к итальянцам, в основе своей стал арабским, да и на других островах, особенно на Сицилии, влияние арабо-мусульманского периода достаточно ощутимо.[1]

Следует иметь в виду, что влияние арабов и культуры ислама держалось на островах, как и на юге Италии, чрезвычайно долго и после их отвоевания христианами. В частности, арабские язык, архитектура, искусство, оружие, одежда, некоторые обычаи бытовали на Сицилии вполне легально вплоть до 1300 г., в Испании и на Балеарах – до середины XVI в., а духовное и эстетическое наследие арабов здесь живо до сих пор.[2] Более того, как доказывают последние изыскания, даже в XVI-XVII в. на Сицилии и на юге Италии оказалось немало «мавров» (так инквизиция называла тех, кого обвиняла в тайном исповедании ислама, употреблении арабского языка или приверженности к «нехристианским обычаям»).[3]

Особый случай – цивилизация Аль-Андалуса, арабо-мусульманской и в то же время полиэтничной и поликонфессиональной страны, возникшей вследствие арабского завоевания Иберийского полуострова в VIII в. и просуществовавшей 780 лет, с 711 г. по 1492 г. На полуострове, который в истории часто бывал как бы опытным полем для скрещивания многих культур, культов и этносов, всегда наиболее четко проявлялось вообще характерное для Средиземноморья межцивилизационное взаимодействие. «Здесь – писал И.Ю. Крачковский – прошлое дает нам яркий пример шаткости границ между Востоком и Западом, когда речь идет о развитии мировой культуры».[4] Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть особую роль ислама в процессе межцивилизационного взаимодействия на полуострове, в деле интеграции в единую систему различных социальных структур исламских и неисламских общностей. Ассимиляция вторых первыми шла параллельно с формированием элементов культурного синтеза и симбиоза, весьма сложно сочетавшихся друг с другом.

При этом существенную роль играли давние связи полуострова как с Магрибом, так и с востоком Средиземноморья. Недаром арабы Аль-Андалуса называли Средиземное море «Сирийским» («Аль-Бахр аш-Шами»), а свою столицу Кордову – «вторым Багдадом» или «западным Константинополем».[5] Это даже дало повод академику В.В. Бартольду считать, что «Кордова была подражателем Багдаду и Самарре», а культурные достижения Аль-Андалуса, по его мнению, были «связаны с относящимся к тому же времени культурным прогрессом в Египте, Византии».[6] Подобной же точки зрения придерживаются многие современные арабские ученые Ближнего Востока, повторяющие вслед за знаменитым арабским поэтом XIX в. Ахмедом Шауки: «Если бы не Дамаск, Толедо никогда не возник бы».[7] Однако, во-первых, Толедо, именуясь тогда «Толетум», существовал и до прихода арабов, а во-вторых, уже в историографии XIX в. точки зрения на цивилизацию Аль-Андалуса и ее роль в истории существенно расходились.

«История мусульманской Испании – пишет ведущий во Франции знаток Аль-Андалуса Пьер Гишар - ... никогда не была спокойной историей».[8] Начиная с противостояния «либерала» Хосе Антонио Конде и «консерватора» Франсиско Хавьера Симонета в XIX в. и кончая сравнительно недавним спором в середине XX в. Клаудио Санчеса-Альборноса, сторонника «испанизма» Аль-Андалуса, и Америко Кастро, приверженца концепции равнозначности «трех религий и многих этносов» в этой стране, дискуссии о «сущности» арабо-мусульманского периода в истории Испании не утихают.[9] Но при любой интерпретации сути процессов, происходивших в Аль-Андалусе, уже мало кто сомневается в самобытности и определенной синкретичности его цивилизации, арабо-исламской по сути, но значительно и во многом неповторимо обогащенной вкладами всех ее творцов. К их числу, кроме арабов, принадлежали также берберы, сыгравшие важную роль в исламизации населения полуострова и обороне Аль-Андалуса.[10] Однако и те, и другие буквально тонули в массе

местных жителей – латинизированных потомков иберов, лузитан, кельтов, готов, аланов и прочих, в общей сложности насчитывавших до 6 млн. чел.[11] Само по себе примечательно, что подавляющее большинство всей этой массы согласилось принять язык, религию и культуру пришельцев.

Пришедшие на полуостров арабы превратили его в страну Аль-Андалус не только по названию. Они сумели решить проблемы, оказавшиеся не по плечу господствовавшим до них вестготам. Были восстановлена торговля и ремесла, прекращены преследования евреев, греков и прочих этноконфессиональных меньшинств, ослаблен экономический гнет. Рабы и закрепощенные крестьяне, принимавшие ислам, получали свободу. Многие представители вестготской знати, приняв ислам, стали в дальнейшем полноправными мусульманскими аристократами. Об этом говорят примеры сыновей предпоследнего готского короля Витицы, семейства арагонских графов Саракушты (Сарагосы), образовавших династию мусульманских правителей Бану Каси, кади Тулайтулы (Толедо) Хафса ибн аль-Барра, знаменитого историка Ибн аль-Кутыйя (т.е. «сын готянки») и других. Наряду с этим «арабы вступали в браки с местными женщинами, положив начало новому поколению мусульман арабо-романского и арабо-вестготского происхождения».[12]

Арабизация шла достаточно быстро: если первые три года в Аль-Андалусе чеканились монеты с надписями на латыни, еще через три года – на латыни и на арабском, то с 720 г.-только на арабском языке. Это объяснялось тем, что, наряду с метисизацией в условиях практиковавшейся арабами полигамии, еще большую роль играла аккультурация местного населения путем приобщения его к все более расцветавшей арабо-исламской цивилизации и его социальная адаптация к новому положению через систему отношений клиет-патрон, интеграцию в состав того или иного арабского или берберского племени или клана с усвоением соответствующей генеалогии, этнонима (нисбы) и солидарности (асабийи). Арабизация ускоря-

лась исламизацией, менявшей не только религиозную принадлежность новообращенных, но также их юридический и социальный статус, нередко – материальное и общественное положение.[13]

Почти восемь веков существования Аль-Андалуса (711-1492 гг.) не были временем всепоглощающего арабоисламизма. Для этого времени, наоборот, характерен редкий плюрализм социокультурных и этноцивилизационных форм. Даже арабы делились на «баладийюн» (т.е. укоренившихся в стране) и «шамийюн» («сирийцев»), пришедших позже. Кроме них, в стране жили «ар-рум аль-баладийюн» («христиане страны», не подчинявшиеся мусульманам) и «ан-насара альмуахидун» («христиане по договору», платившие подати подданные мусульман), берберы (которых обычно всегда было больше, чем арабов) и африканцы (чернокожие «афарика», обычно – рабы или наемники), новообращенные мусульмане из местных жителей («мусалимы», т.е. замиренные, и их потомки «муваллады», т.е. урожденные мусульмане). Новообращенные нередко еще долго отличались от остальных мусульман в культурно-языковом отношении. Мувалладыы (от этого термина впоследствии произошло и слово «мулат») вообще, как правило, сохраняли в быту романский язык (романсе), имевший хождение и при дворе халифов в Кордове. Известны случаи, когда шариатский судья (кади) Кордовы разбирал в мечети дела мусульман, понимавших только по-романски (через 200 лет после арабского завоевания!).[14]

Примерно 20% населения Аль-Андалуса составляли мосарабы (от арабского «мустаараб» - «арабизированный»). Они были фактически арабами по языку, культуре и нравам, оставаясь христианами по религии, юридическому статусу и социальному положению покровительствуемой, но все же немусульманской общины. С XII в. они стали переселяться на север, в христианские королевства, спасаясь (как и евреи) от преследований фанатиков из овладевших Аль-Андалусом берберских династий Альморавидов и Альмохадов. Но в IX в., когда их

никто не трогал, они почти полностью забыли латынь (хотя и сохраняли иногда в быту романский язык) и сочиняли стихи по-арабски, по горькому признанию епископа Толедо, «с большей красотой и искусством, чем сами арабы».[15]

Состав населения Аль-Андалуса был не только пестр, но и подвижен: многие христиане уходили к единоверцам на север, иногда за Пиренеи, а оттуда непрерывно вторгались франки и их союзники. На побережье полуострова постоянно нападали норманны, грабившие всех без разбора: и мусульман, и христиан, особенно в VIII-IX вв. Но кто-то из них попадал в плен и впоследствии оседал в Аль-Андалусе.[16] Берберы в приграничных областях постоянно проникали на христианский север, в горы Галисии и Астурии, напоминавшие им родной Атлас. Оказываясь на «ничьей земле»или в захваченных христианами районах, они легко ассимилировались, так как только их верхушка была арабизирована, причем поверхностно, да и в исламе все они не были тверды. Потомки этих «мавров – готов», или «марагатос», еще в XIX в. представляли собой специфическую этногруппу со своими особенностями в одежде, языке, обычаях.[17] Вносили свою специфику в общую картину арабо-исламской культуры Аль-Андалуса и другие этногруппы, в том числе прибывавшие из Египта и Сирии мастера самых разных профессий, которые творили «чудеса и удивительные вещи Аль-Андалуса», по выражению магрибинского историка аль-Маккари.[18]

В Аль-Андалусе долго держалась (до XII-XIII вв.) атмосфера веротерпимости, этноконфессиональной открытости. Этому способствовал и определенный синтез «восточных» и «западных» структур в арабо-андалусском обществе, что проявлялось в сочетании доарабских порядков с внедрением племенного фактора, относительной свободой положения женщин, сосуществования клановых структур и полностью детрибализированного населения в городах, усиления власти государства и сохранения «асабийи» (родо-племенного патриотизма), прежде всего у аристократии. В этой атмосфере каждая

группа населения находила свою нишу. Это относится как ко всем вышеупомянутым общинам, так и к довольно многочисленным выходцам почти из всех стран Европы и Средиземноморья, среди которых хотелось бы выделить «сакалиба», т.е. славян, обычно попадавших в Аль-Андалус через Францию, Византию или Италию в качестве рабов или военнопленных. Приняв ислам, они нередко делали успешную военную или политическую карьеру. Позднее, после распада Кордовского халифата в XI в., «сакалиба» даже создали собственные династии феодальных правителей Валенсии, Мурсии, Дении, Альмерии и Тортосы.[19]

Контакты и взаимодействие всех групп населения сделали иберийский опыт цивилизационного синтеза уникальным. Три религии (ислам, христианство и иудаизм) и множество этносов благодаря веротерпимости и открытости культурному взаимообмену давали возможность буквально каждой общине проявить себя и внести свой самобытный вклад в общую для них цивилизацию Аль-Андалуса. Поэтому данная цивилизация достигла изумительных успехов и долгое время была для Западной Европы и мира ислама таким же маяком культуры, каким Византия была для Восточной Европы. По уровню развития экономики Аль-Андалус долгое время, особенно в X-XIII вв., опережал христианскую Европу.[20] Достижения философов, поэтов, юристов, архитекторов, астрономов, агрономов и историков (образовавших целое сословие «ахль ат-таарих», т.е. «людей истории») восхищали современников (в том числе - из христианского мира) и продолжают восхищать потомков. В стране процветали земледелие, садоводство, градостроительство, ремесла, торговля, науки, искусство. Западноевропейцы вплоть до XIII в. учились у арабов Аль-Андалуса буквально всему![21]

Духовное и материальное наследие Аль-Андалуса, его культурное богатство и многообразные традиции живы до сих пор и в странах Магриба, куда в основном перебрались мавры Аль-Андалуса после завершения реконкисты, и в странах Ибе-

рийского полуострова. Достаточно вспомнить, что в современном испанском языке - 4 тыс. слов (в португальском - чуть меньше) арабского происхождения, а влияние арабов на поэзию, фольклор, музыку, архитектуру, художественные ремесла Испании и Португалии общеизвестно. Как считают многие исследователи, «непредубежденному взгляду видно, что сегодняшние художники и ремесленники Испании до сих пор черпают вдохновение из мусульманских источников».[22]

Более того, можно говорить о том, что цивилизация Аль-Андалуса является связующим звеном между Западной Европой и Магрибом, ибо установлено явное сходство материальной и духовной культуры Аль-Андалуса и Магриба, Сицилии, юга Италии, Прованса, да и всего Средиземноморья, особенно западного, в средние века. Арабо-андалусская поэзия и музыка, философия и медицина, архитектура и эстетика, военная техника, торговля и работорговля, повседневный быт вплоть до кулинарии, одежды и причесок наложили свою печать на представления и вкусы не только магрибинцев, хотя в Магрибе, прежде всего, выходцы из Аль-Андалуса с XI в. созидали то, что по выражению историка Роже Ле Турно, «позднее стало именоваться испано-мавританской цивилизацией». Эта цивилизация, по нашему мнению, явилась все же наиболее ярким проявлением определенной общности исторической и культурной жизни Средиземноморья с древнейших времен до наших дней.

Не имея возможности подробно доказывать этот тезис на материале всех регионов Средиземноморья, ограничусь лишь примерами Сицилии и Прованса, хотя известно, что мусульмане аль-Андалуса поощряли также приток на полуостров своих единоверцев из стран Ближнего Востока и Африки, а особенно – принявших ислам жителей Сардинии, Крита и Балеарского архипелага (преимущественно – учителей, торговцев и ремесленников).[23] Однако наиболее тесными были экономические, культурные, этносоциальные, эстетические и психологические связи аль-Андалуса с арабо-исламской Сицилией IX-

XI вв., также имевшей весьма пестрое население, состоявшее из принявших ислам местных жителей («ахль Сикиллийя»), в основном итало-греческого происхождения, и арабо-берберской верхушки, опиравшейся на немногочисленные племена арабов и берберов, но использовавшей труд и военные услуги африканских рабов и европейских пленников, в том числе «сакалиба». Впрочем, знаменитый географ Ибн Хаукаль считал, что среди последних преобладали не «славяне с берегов Черного моря», а выдававшие себя за них франки, германцы и ломбардцы. Среди средиземноморских островитян, попадавших в Аль-Андалус, прежде всего – сицилийцев, встречались представители чуть ли не всех известных тогда арабам народов, ибо войны, работорговля, паломничества и превратности коммерции (особенно на море) смешивали на островах италийцев, греков, африканцев, кавказцев, татар, арабов, далматинцев и кичаков.[24]

Сицилия была как бы культурной провинцией Аль-Андалуса. Но сходство между ними наблюдалось и в сельском хозяйстве, архитектуре, ремеслах, городской жизни. Здесь встречались персы, сирийцы, смешивавшиеся с местными мусульманами, каковых уже в 972 г. насчитывалось до 1 млн. чел. Многие сицилийцы поэтому (например, известный поэт Ибн Хамдис) переселялись в Аль-Андалуса, ибо сходство типов хозяйства, предметов быта и повседневного обихода, жилищ и укреплений, садов, рынков, фонтанов и художественных вкусов у жителей обеих стран было поразительным. Неудивительно, что и ныне 328 географических названий на Сицилии имеют арабское происхождение, а в современном сицилийском диалекте итальянского языка – сотни арабских заимствований.[25]

Меньше известно о влиянии цивилизации аль-Андалуса на жизнь и культуру Прованса. Арабы, вторгшиеся во Францию из-за Пиренеев в 721 г., в 731 г. были всего в 100 км от Парижа. Вытесненные за Пиренеи в 760 г., они продолжали нападать на юг Франции из Аль-Андалуса, Сицилии, Сардинии

и Корсики. Владея в 890-973 гг. горной областью Джибаль аль-Киляль («Горные вершины») к востоку от Марселя, они в середине X в. почти 20 лет контролировали Гренобль и горные проходы в Альпах. В то же время нападения франков на Аль-Андалус привели к образованию Испанской марки империи Карла Великого – ядра будущей Каталонии. В XII-XIII вв. расцвет медицины на юге Франции связывали с проживанием там многих христиан-мосарабов (да и некоторых мусульман) из Аль-Андалуса, среди которых, помимо моряков и торговцев, было немало врачей и переводчиков. Под их влиянием еще в XI в. возникла первая во Франции медицинская школа, а на ее базе в 1125 г. – первый (за 25 лет до Сорбонны) французский университет в Монпелье. И в этом не было ничего удивительного, так как вплоть до XVI в. медицина Европы лишь копировала арабскую.[26]

В Провансе и Лангедоке, этнолингвистически близких Каталонии и долгое время политически с ней объединенных, всегда существовало много общего в плане материальной и духовной культуры с остальными регионами западного Средиземноморья. Традиции трубадуров и вообще рыцарской поэзии Прованса восходят к хугларам (бродячим певцам – стихотворцам, сочинявшим свои произведения, на смеси арабского и романского языков). Сказалась и близость господствовавшего на юге Франции до XVI в. окситанского (провансальского) языка к кастильскому и каталанскому, испытавшим влияние арабского языка. Из провансальского многие арабские заимствования перешли во французский язык. В экономике Прованса долгое время использовался труд пленных арабов, берберов и прочих мусульман Средиземноморья, а местные жители с тех пор называют гречиху «сарацинским зерном», а рудники – «сарацинскими ямами». В устном творчестве, легендах, танцах, росписях посуды Прованса легко обнаруживается арабское влияние, как и в традиционных праздничных обрядах, шествиях, кукольных представлениях. «Сарацины, варварийцы, мавры, турки – все эти персонажи перемешались без различия мес-

та и эпохи в провансальском фольклоре» - пишет историк Прованса Филипп Сенак.[27]

Обширная зона западного Средиземноморья, включая и юг Франции, на протяжении пяти-восьми столетий была сферой чрезвычайно интенсивных межцивилизационных контактов и взаимосвязей, независимо от их характера оказывавших длительное воздействие на историю, культуру, социальный и духовный облик народов региона. Этой стороне исторического бытия данных народов в российском востоковедении уделяется явно недостаточное внимание. У нас востоковеды изучают Восток, знатоки всеобщей истории – Запад. Мы как бы исходим из их несовместимости и почти не интересуемся не такими уж редкими случаями западно-восточного синтеза, кстати, сыгравшего весьма серьезную и еще очень мало изученную роль и в отечественной истории. Между тем, западная историография достигла впечатляющих успехов в исследовании подобных явлений, в том числе, и прежде всего касающихся Средиземноморья.

Естественно, в первую очередь это относится к историографии ведущих стран Средиземноморья. В 90-е годы по инициативе ученых Италии и Франции состоялся ряд встреч в Экс-ан-Провансе (в июле 1996 г.), на Мальте (в апреле 1997 г.) и в Бари и Неаполе (в октябре 1997 г.), после чего в Риме в том же месяце было образовано Международное общество историков Средиземноморья (МОИС), целью которого, как гласит 1-я статья его устава, является «поощрение сотрудничества между всеми исследователями и, в более широком плане, между всеми народами без какой-либо религиозной, политической, этнической, идеологической или иной дискриминации». МОИС возглавил Руководящий совет из 10 чел. (4 от Италии, по одному – от Франции, Алжира, Ливана, Мальты, Венгрии и Финляндии). Председателем был избран профессор университета Перуджи Сальваторе Боно, вице-председателем профессор Алжирского университета Мулай Бельхамиси. К концу 1997 г. членами общества были свыше 50 представителей от 31 стра-

ны. Среди них преобладали итальянцы (12 чел.), французы (8 чел.), англичане (4 чел.), испанцы и тунисцы (по 3 чел.)[28]

Общество издает бюллетень, информирующий о проводимых им семинарах и дискуссиях, анонсирующий предстоящие конгрессы, конференции и симпозиумы по средиземноморской тематике в различных странах мира. Кроме того, бюллетень содержит информацию о состоянии изучения Средиземноморья в тех или иных государствах, а также – печатает рецензии на исследования средиземноморских проблем. В частности, в нем была опубликована рецензия на коллективную монографию Института Европы РАН «Европа - Средиземноморье - Россия», вышедшую в 1998 г. под редакцией Н.А. Ковальского.[29] Все номера бюллетеня содержат также довольно подробные списки новейшей литературы о Средиземноморье. Причем в эти списки нередко попадают и труды по смежной тематике, например – работы австрийского автора Кацарди-Херинг об эволюции семьи и поисках идентичности в Юго-Восточной Европе.[30]

Ряды МОИС растут: к 1999 г. количество вступивших в него ученых достигло 200, а Руководящий совет был расширен, в него вошли дополнительно делегаты Израиля, Испании, Туниса и Югославии. Практически каждый номер бюллетеня содержит имена вновь вступивших. Но точно так же каждый номер содержит призыв руководства к членам общества переводить на его счет добровольные взносы, хотя поначалу специально оговаривалась необязательность таковых.[31] Судя по всему, МОИС, как и всякая чисто научная организация академического плана, не располагает финансовыми средствами. На это же указывает и то обстоятельство, что почти все мероприятия МОИС организует совместно с ведомствами и министерствами Италии, муниципалитетами и иностранными посольствами, университетами и институтами.

Вместе с тем, как представляется, МОИС держит в поле своего зрения далеко не весь комплекс изучения истории Средиземноморья. Хотя в него вступили многие ученые Франции

и Испании, основная часть историков этих стран сторонится МОИС, располагая у себя на родине более значительными возможностями для научной деятельности. МОИС, концентрируя свое внимание на работе ученых Италии, Греции и стран Европы, далеких от Средиземноморья, пока что не стало сообществом, действительно объединяющим всех знатоков средиземноморской истории.

Можно назвать лишь несколько имен итальянских ученых, чьи работы получили признание за пределами их страны. Это, прежде всего, бессменный председатель МОИС Сальваторе Боно, специалист по средневековой и новой истории Средиземноморья, в которой он выделяет проблематику джихада, пиратства, работорговли и рабства, а также – всего комплекса отношений Европы и ислама, включая вопросы миграций и смены религий. Боно чаще других своих соотечественников выступает на международных симпозиумах и конференциях. С декабря 1998 г. по сентябрь 2001 г, например, он выступил на 14 форумах в Париже, на острове Санторин, в Реджионе, Марче, Бари, Гренобле, Неаполе, Бастиа, Ливорно, Кальтанисетте (на Сицилии), Барселоне, Ницце, Сегеде, Венеции, Риме. Он же – автор ряда работ о сицилийцах в Магрибе и трех фундаментальных монографий,[32] а также – большинства рецензий, выходящих в редактируемом им бюллетене МОИС. Джованна Мотта известна своими работами о роли Средиземноморья в контактах турок и Европы, Альберто Тененти – большой монографией о культурном влиянии Венеции в Средиземноморье в XIII-XVIII вв.[33] Из трудов последних лет, безусловно, заслуживают внимания книга Массимо Гвидетти и коллективная работа Пьетро Коррао, Марио Галлина и Клаудии Вилла.[34]

Конечно, авторов, касавшихся перечисленных тем, можно встретить в различных странах, в частности – в Великобритании, издавна проявлявшей интерес к Средиземноморью, и в США, преисполнившихся аналогичными стремлениями с начала XX в. Однако наиболее богатые традиции давнего и серьезного изучения Средиземноморья, особенно – в плане

межцивилизационного взаимодействия, неповторимого опыта культурного синтеза и духовного взаимовлияния, существуют, конечно, в Испании и Франции.

В Испании, пожалуй, наибольшее число ученых, занимающихся данными проблемами. Из 266 арабистов, работавших в 80-е годы в этой стране, свыше 70 исследовали историю, культуру и прочую проблематику Аль-Андалуса.[35] И это неудивительно, так как история Аль-Андалуса является частью национальной истории Испании. Однако точки зрения на эту историю у испанцев, как уже отмечалось, разные. Поэтому далеко не всех испанских историков-арабистов, в том числе – специализирующихся по Аль-Андалусу, следует считать сторонниками взгляда на Аль-Андалус как на пример полиэтничного и поликонфессионального синкретизма, наилучшим образом отражающего общность истории и культуры Средиземноморья. К сожалению, ушли в прошлое великие испанские арабисты начала XX в.: Эмилио Гарсиа Гомес, Мигель Асин Паласиос, Анхель Гонсалес Паленсиа. Сменившие их Хулио Каро Бароха, Мария Хесус Вигера Мартинес, Хорхе Вальво Бермехо придерживаются несколько иных взглядов и отличаются более узкой специализацией. Впрочем, сейчас тон задает уже новое поколение, среди которого выделяются каталонские ученые Жоан Вернет и Самсо Мойя. Причем первый из них, выдающийся историк «испано-арабской культуры» Запада, придерживается самых широких взглядов на ее роль и значение, выходящие, по его мнению, за пределы Средиземноморья и оказавшие влияние и на Иран, и на Туркестан.[36]

Начиная с 70-х годов испанских арабистов все более интересует связь их родины с Аль-Андалусом.[37] В результате усилилось внимание к особенностям формирования исторических областей страны в ходе их освобождения от арабского владычества и усвоения арабо-исламского наследия.[38] В 1970-1985 гг. резко возросло количество публикаций по Аль-Андалусу (одних монографий вышло 135, не считая бесчисленных статей), в том числе – комментированных текстов ан-

далусийских историков, философов, врачей, юристов, богословов, математиков, астрономов, литераторов, путешественников. С 1980 г. стали издаваться 4 новых журнала, посвященных истории арабов вообще, но основное внимание уделяющих Аль-Андалусу.[39] С испанскими специалистами тесно сотрудничают и современные арабские историки Аль-Андалуса , иногда издающиеся в Испании, такие как Мхаммад Бен Аббуд (Марокко), Мухаммед Абу-ль-Фадль и Мухаммед аль-Харири (Египет), Абд аль-Вахид Зу-н-Нун Таха (Ирак). Среди них особенно значим первый автор, выпускник университета Эдинбурга и знаток среды мавров, эмигрировавших в Магриб из Аль-Андалуса, к элите которых принадлежит и он сам.[40]

Специалисты по Аль-Андалусу во Франции тесно связаны со своими испанскими коллегами, нередко участвуя совместно с ними в коллективных работах. Это касается практически всех ученых Франции, которые работают в Испании, пользуясь документами и материалами испанских архивов, библиотек, ассоциаций и научных центров, таких как Королевская академия истории, Институт филологии Высшего совета научных исследований, Институт испано-арабского сотрудничества, Дом Веласкеса и Египетский институт исламских исследований в Мадриде, Институт исследований халифата в Кордове, Школа арабских исследований в Гранаде и др. Наиболее известные за пределами Франции затоки Аль-Андалуса Рашель Арье и Пьер Гишар многократно издавались в Испании или же переводились на испанский язык.[41] Ныне Гишар является ведущим не только во Франции, но и во всем мире специалистом в данной области, опубликовав свыше 50 работ, в том числе фундаментальные монографии о «восточных» и «западных» структурах в андалусийском обществе, о мусульманах Валенсии в XI-XIII вв., о сходстве и различиях арабо-исламской культуры в Аль-Андалусе и Сицилии в XI-XIII вв. Последняя его работа как бы подводит итог многолетним исследованиям.[42] Высоко оцениваются также (в том числе – за пределами Франции) работы Венсана Лагардера и Доминика Урвуа, а из

ученых предшествующих поколений – классика французского «андалусоведения» Эвариста Леви-Провансаля и литературоведа Анри Переса, чьи работы и сейчас чтятся и переиздаются.

Сказанное выше совершенно не зачеркивает работающих по данной тематике авторов из Великобритании и США, среди которых следует выделить шотландца Монтгомери Уотта, американца Дэвида Вассерштейна и британскую исследовательницу экономической истории Аль-Андалуса Оливию Реми Констэбл. Однако в этих странах нет тех школ и традиций, которые побуждают ученых со всех концов мира, от Пакистана до Аргентины, тяготеть к ведущим центрам изучения Аль-Андалуса (а также Сицилии и вообще мусульманского Средиземноморья), подобным упомянутым выше учреждениям Испании или же Институту арабского мира в Париже и Институту изучения арабского и мусульманского мира в Экс-ан-Провансе.

За последние 20-30 лет получило развитие новое направление изучения истории Средиземноморья – морисколог**и**я. Мориски – наследники Аль-Андалуса, потомки мусульман, оставшихся на полуострове после тожества реконкисты и насильно христианизированных, а через 120 лет - принудительно изгнанных в Африку. С тех пор не утихают споры: Действительно ли мориски стали христианами или только делали вид? Каково их значение для культуры и образа жизни Испании, Португалии, юга Италии и Франции, а также - стран Магриба и островов Средиземноморья? Каков их вклад в развитие арабских стран и Османской империи, в которую эти страны тогда входили? Этот перечень вопросов, проблем и задач можно продолжить. Вместе с тем, думается, что интерес к морискам был подогрет их бикультуризмом, синкретичностью их цивилизационного облика, вызывающими особое внимание в наше тревожное время масштабных миграций, столкновения культур и менталитетов, взаимовлияний, но и взаимоотталкиваний разных цивилизаций, религий, этносов и идеологий.

Морисками интересовались и раньше: первые научные статьи о них публиковались еще в начале XX в., а доклады –

звучали на конгрессах историков, исламоведов и арабистов, начиная с 1960-х годов. Но первый симпозиум морискологов состоялся в 1981 г. во Франции, в г. Монпелье, где был создан международный комитет по изучению морисков. С тех пор симпозиумы морискологов созываются раз в 2 года (с 1983 г.) в г. Загуан (Тунис) под эгидой Центра андалусско-морискских исследований, ныне переименованного в Фонд Темими для научных исследований и информации. Центр возглавляет профессор Тунисского университета Абд аль-Джалиль Темими, специалист по истории морисков и арабских провинций Османской империи XVI-XIX вв. Он – автор 19 книг и предисловий почти ко всем публикациям созданного им фонда (а их вышло около 100 за 1984- 2001 гг.).[43] Каждый симпозиум объединяет от 30 до 70 участников из самых разных арабских стран, Европы, Северной и Латинской Америки. Труды каждого симпозиума регулярно публикуются, причем на том языке, на котором были сделаны доклады (рабочим языками являются арабский, испанский, французский и английский). Наиболее фундаментальным был сборник трудов 5-го симпозиума, изданный в двух томах, объем каждого из которых превышал тысячу страниц.[44] Помимо этого Темими периодически издает неизвестные источники, воспоминания, документы, а также – сборники статей в честь того или иного выдающегося морисколога. Из этих публикаций наиболее заслуживают внимания сборники в честь ведущего морисколога Франции Луи Кардайяка и главного в мире знатока литературы морисков профессора университета Пуэрто-Рико Лусе Лопес Баральт.[45] В каждом из этих солидных двухтомников участвовали более 40 авторов из 20 с лишним стран, включая Россию.

Фонд Темими, несомненно, лидирует в морискологии по количеству публикаций, привлекаемых участников симпозиумов и размаху международных связей. Но все же крупнейшие морискологи живут во Франции и Испании. Среди французов это – Л. Кардайяк (ныне работающий в Мексике автор 55 работ, в том числе 5 книг), во многом положивший начало

современной морискологии[46], и Бернар Венсан, автор 70 работ, включая 5 книг, из которых наиболее известна написанная совместно с Антонио Домингесом Ортисом и изданная на разных языках «История морисков».[47] Среди испанцев это – ранее работавший в Тунисе (а теперь в Аликанте) Микель де Эпалса, автор 53 работ (включая 8 монографий) и Мерседес Гарсиа-Ареналь, автор 30 публикаций, в том числе 4 книг.[48]

Как видим, круг проблем в исследовании средиземноморской специфики, наиболее проявлявшейся в особенностях западно-восточного взаимодействия и синкретизма, как и круг ученых, занятых этими проблемами, достаточно широк. Вместе с тем обращает на себя внимание почти полное отсутствие соответствующих исследований в отечественном востоковедении. Если как-то еще поддерживаются традиции, в свое время намеченные И.Ю. Крачковским в изучении философии, культуры и искусства Аль-Андалуса (о чем свидетельствуют работы А.А. Игнатенко, Т.П. Каптеревой, А.Б. Куделина, А.В. Сагадеева, И.М. Фильштинского и Б.Я. Шидфар), то историки эти традиции никак не поддерживают, за исключением, может быть, К.П. Бойко, работа которого об арабо-андалусских историках, высоко оцененная за рубежом (в частности, в Испании), все же вышла 25 лет назад, в 1977 г.

Недавно защищенные диссертации Д.Е. Мишина о сакалиба (причем не только в Аль-Андалусе) и М.В. Рудаковой о распаде Кордовского халифата еще не опубликованы, представляют собой лишь первые шаги этих начинающих исследователей и достаточно далеки пока что от серьезного рассмотрения проблем Аль-Андалуса в ключе средиземноморского своеобразия межцивилизационных контактов. А в области морискологии сложилось вообще забавное положение, когда единственный ныне морисколог из России встречает на международных симпозиумах иногда до13 специалистов из одного только Пуэрто-Рико, не говоря уже о представителях других стран.

Думается, что такое положение, вполне объяснимое нынешними условиями ненормального функционирования отечественного востоковедения, ведущего борьбу за выживание, все же должно быть исправлено. Это необходимо не только для более всестороннего и полноценного освещения истории арабов и ислама. Это поможет и более полно представить историю Европы, и не только южной, постоянно связанной со Средиземноморьем. Это будет также полезно и для исследования некоторых спорных вопросов отечественной истории.

---

[1] Actes du Prèmier Congrès des cultures méditerranéennes d'influence araboberbere (Malte, 1972). – Alger, 1973. – P. 199-202, 478-489.

[2] **Уотт У.М., Какиа П.** Мусульманская Испания. – М., 1976. – С. 157-183; **Ahmad, Aziz.** La Sicile Islamique. – P., 1990. – P. 79-108.

[3] **Gonzalez-Raymond A.** La Croix et le Croissant. Les inquisiteurs des îles face à l'islam. 1550-1700. – P., 1992. – P. 8, 19-124.

[4] **Крачковский И.Ю.** Избранные сочинения. – М., 1956. – Т. 2. – С. 470.

[5] **Sanchez-Albornoz Cl.** L'Espagne musulmane. – /P., 1985/. P. 114-115.

[6] **Бартольд В.В.** Памяти Р. Дози // Известия Российской Академии Наук. – Пг., 1921. – Т 15. – С. 239.

[7] Inagural Speech of Dr **Najah al-Attar**, Minister of Culture in the Syrian Arab Republic (Damascus, 1990), p.5.

[8] **Guichard P.** Al-Andalus, 711-1492: Une histoire de l'Andalousie arabe. – P.. 200. – P. 7.

[9] Ibid., pp. 8-9; **Castro A.** The Structure of Spanish History. – Princeton, 1954. – P. 87; **Sanchez-Albornoz Cl.** Espãna. Un enigma historico. – Barcelona, 1983.

[10] По разным подсчетам, арабов на полуостров прибыло 30-50 тыс. чел., а берберов – до 60 тыс. чел. (**Conrad Ph.** Histoire de la Reconquista. – P., 1998. – P. 10-17; Annals ESC. – P., 1974. – № 6. – P. 1483-1513).

[11] Awraq. – Madrid, 1978. № 1. – P. 36.

[12] **Бойко К.А.** Арабская историческая литература в Испании. – М., 1977, – С. 19.

[13] **Guichard P.** Op. cit. – P. 29; **Guichard P.** Structures sociales "orientales" et "occidentales" dans l'Espagne musulmane. – Paris-La Haye, 1977. – P. 102-306.

[14] **Мухаммад аль-Хушани**. Книга о судьях. – М., 1992. – С. 96, 113, 141-142.

[15] **Крачковский И.Ю.** Арабская культура в Испании. – М.-Л., 1937. – С. 11-12.

[16] Историк из Коста-Рики Р. Марин-Гусман указывает на наличие среди жителей Аль-Андалуса в IX-X вв. потомков как «черных суданских рабов», так и «норманнских пиратов» (Islamic Studies. – Islamabad, 1991. – № 1-2. – P. 49-50). Он опирался, в частности, на свидетельства таких арабских историков, как Ибн Идари, Ибн аль-Асир, Ибн Хаййян и др., о «северных магах», т.е. норманнах, как соседях басков и «враждебных мусульманам язычниках» (Islam. Storia e civiltà. – Roma, 1992. – № 38. – P. 23-31).

[17] **Borrow G.** The Bible in Spain. – L., 1959. – P. 231; **Pérès H.** Les élements ethniques de l'Espagne musulmane et la langue arabe. – Alger, 1959. – P. 8-10.

[18] **Абу-ль-Аббас Ахмад аль-Маккари.** Нафху-т-тыб мин гусн аль-Андалус ар-ратыб (Аромат свежей ветви аль-Андалуса). – Дамаск, 1990. – С. 77-93.

[19] Ėtats, sociétés et cultures du Monde musulman medieval. X-XV siècles. – P., 1995. – P.64.

[20] **Constable O.R.** Trade and traders in Muslim Spain. – Cambridge, 1995. – P. 1-15; **Lévi-Provençal Ė.** L'Espagne musulmane au X-ème siècle. Institutions et vie sociale. – P., 1996. – P. 157-194.

[21] **Vernet J.** Ce que la culture doit aux Arabes d'Espagne. – P. – P. 11-14, 90-352.

[22] **Уотт У.М., Какиа П.** Указ. соч. – С. 157.

[23] **Pérès H.** Op. cit. – P. 7-12.

[24] Ibid.; **Bresc H.** Un monde méditerranéen. Economie et sociétar é en Sicile 1300-1350. – Paris-Palermo, 1986. – P. 439-444.

[25] Actes du Premier Congres des cultures méditerranéennes ... – P. 478-482; **Ahmad, Aziz.** Op. cit. – P. 47-52; **Correnti S.** Storia di Sicilia como storia di popolo siciliano. – Milano, 1971. – P. 83-111.

[26] **Dufourcq Ch.-E.** La vie quotidienne dans L'Europe Médiévale sous domination arabe. – P., 1978. – P. 16-17, 27; **Sénac Ph.** Provence et piraterie sarrasine. – P., 1982. – P. 17.

[27] Actes du Premier Congres des cultures méditerranéennes ... – P. 182-198; **Sénac Ph.** op.cit. – P. 58-59, 65; **Heinic L.** Aimer la Provence. – Rennes, 1993. – P. 5-9.

[28] SIHMED (Sciété Internationale des Historiens de la Méditerranée). – Lettre de liaison 2. – Università degli Studi di Perugia. – 15 déc. 1997. – P. 1-2.

[29] Ibid. – Lettre de liaison 4. – 30 oct. 1999. – P. 14.

[30] Ibid., – P. 20.

[31] Ibid. – Lettre de liaison 5. – 15 juil. 2000. – P. 3; Ibid. – Lettre de liaison 6. – 15 déc. 2000. – P.6.

[32] **Bono S.** I. Corsari barbareschi. – Torino, 1964; **Bono S.** Schiavi musulmani nell Italia modrna. – Napoli, 1999; **Bono S.** Il mediterraneo. Da Lepanto a Barcelona. – Perugia, 2000.

[33] **Tenenti A.** Venezia e il senso del mare. – Napoli, 1999.

[34] Guidetti M. Il Mediterraneo e la formazione dei popoli europei. – Milano, 2000; **Corrao P., Gallina M., Villa C.** L'Italia mediterranea e gli incontri di civiltà. – Bari, 2001.

[35] Arabismo. – Madrid, 1986. – Mar. – P. 3-39.

[36] **Vernet J.** Op.cit. – P. 12.

[37] **Oliver Asin J.** En torno a los origines de Castilla: su toponimia en relacion con los árabes y los bereberes. – Madrid. 1974; **Calmes Fuentes A.** Épica árabe y épica castellana. – Barcelona, 1978; **Viguera M.J.** Aragon musulman. – Zaragoza, 1981.

[38] **Pita Merce R.** Lerida árabe. – Lerida, 1974; **Tapia Garrido J.** Almeria musulmana. – Almeria, 1978; **Barceló Torres M.C.** Minorias islamicas en el país valenciano. – Valencia, 1984; **Bosch Vila J.** La Sevilla islámica. – Sevilla, 1984.

[39] Revue de l'Occident Musulman et de la Méditerranée. – Aix-en-Provence. 1985. – № 40. – P. 9-16.

[40] **Бен Аббуд М.** Ат-таарих ас-сиясий в-аль-иджтимаый ли Ишбилийя фи ахд дувваль ат-таваиф (Политическая и социальная история Севильи в эпоху удельных княжеств). – Тетуан, 1983; **Он же.** Джаваниб мин аль-ваки аль-андалусий фи-ль-карн аль-хамис аль-хиджрий (Аспекты положения Аль-Андалуса в пятом веке хиджры). – Тетуан, 1987.

[41] **Arié R.** España musulmana (siglos VIII-XV). – Madrid, 1982; **Guichard P.** España musulmana. Al-Andalus omeya (siglos 8-11). – Madrid, 1995.

[42] **Guichard P.** Al-Andalus, 711-1492. Une histoire de l'Andalousie arabe. – P., 2000.

[43] Восток. – 2001. – № 6. – С. 142-143.

[44] Le V-e Centenaire de la chute de Grenade. 1492-1992. – Zaghouan (Tunisie), 1993. – Fevr. – T. 1-2.

[45] Mélanges Louis Cardaillac. – Zaghouan. – 1995. – Avr. – T. 1-2; Mélanges Luce López-Baralt. – Zaghouan. 2001. – Mai. – T 1-2.

[46] Les Morisques et leur temps. – P., 1983; Les Morisques et l'Inquisition. – P., 1990 (Sous la direction de Louis Cardaillac).

[47] **Vincent B., Dominiguez Ortiz A.** Historia de los moriscos. Vida y tragedia de una minoria. – Madrid, 1978.

[48] **Temimi A.** Bibliographie générale d'études morisques. – Zaghouan, 1995, – P. 89-92, 112-113.

Н.М. Мамедова

Актуальные проблемы современной иранистики и международные связи иранистов ИВ РАН

На развитие отечественной иранистики конца XX и начала XXI вв. огромное влияние оказали:

- Изменение характера и системы власти в Иране,
- Изменение характера власти в России,
- Изменение географической характеристики самой России, в результате чего:

а) Иран и Россия лишились непосредственной границы, а если Каспий будет разделен по секторам, то мы можем лишиться и совместной морской границы,

б) на месте бывших республик Средней Азии и Закавказья возник регион, примыкающий и к России и к Ирану. Этот регион – и соединяет Россию и Иран, и разъединяет. Это – один из наиболее проблемных регионов мира как с точки зрения социальной напряженности, так и экономического неблагополучия.

Все эти новые геополитические моменты ставят перед современной иранистикой новые проблемы, нуждающиеся в научном осмыслении, которые могут быть вынесены в качестве обсуждения на Конгресс востоковедов:

1. исследование феномена иранской революции - ее причин и последствий без давления такого факта как официальная советская идеология,
2. исследование различных аспектов исламского режима, его эволюции, его потенциальных возможностей развития, осо-

бенно с точки соотношения внутренних и внешних факторов развития, Представляется, что особое значение при этом должна занять проблема особенностей иранской цивилизации в современный период, проблема межцивилизационных отношений, возможные формы и степень участия в исламском проекте, отношения с мировым сообществом, с международными организациями.

3. роль иранского фактора в регионе Центральной Азии и Закавказье, проблемы которого привлекают пристальное внимание зарубежных ученых и политологов (например, Московский фонд Карнеги, в частности, Марта Олкотт). Чрезвычайно важным может стать не только современный период отношений Ирана с государствами региона, и констатация их культурной общности в прошлом, но и история этих отношений, особенно в свете возможных стремлений некоторых зарубежных иранистов, если не свести, то сместить акценты в истории этих связей на "имперские" устремления России.
4. Каспийская проблема, самые различные её аспекты: политический, экономический, правовой, экологический.
5. Возникла необходимость нового переосмысления истории отношений России и Ирана, особенно касающиеся советского периода, России и ИРИ. При разработке этой темы, постоянно являющейся одной из основных в отечественной иранистике, в настоящее время весьма актуальным становится такой аспект как связи ИРИ с отдельными регионами России, прежде всего, с мусульманскими. Московская иранистическая школа традиционно занималась разработкой проблем современного Ирана, главным направлением деятельности сектора Ирана ИВ РАН является именно исследование наиболее актуальных проблем политических, социально-экономических и культурных процессов в Иране, особенно в период исламского правления.

Иранская проблематика является одной из наиболее острых в отечественном и мировом востоковедении, что обу-

словлено её политической актуальностью, сопряженностью со многими международными проблемами, в частности с ближневосточной, с афганской, с международным терроризмом, с особенностями политического процесса в исламских государствах, в частности, с практикой деятельности партий духовенства, с проблемойвывода на мировые рынки каспийских энергоресурсов.

Сам перечень даже этих нескольких проблем делает актуальным сотрудничество московских иранистов с другими центрами иранистики, особенно зарубежными учеными. Крайне актуальным может стать реализация совместных проектов по любой из названных тем, каждая из которых может быть раскрыта с разных позиций. В последние пять лет контакты сектора Ирана с зарубежными учеными, дипломатами и политиками не просто участились, а приобрели практически постоянный характер. Это - политологи из США, Англии, Японии, Армении, Грузии, Украины и других стран СНГ, и, конечно, Ирана. Необходимость реализации совместных проектов по исследованию наиболее актуальных тем признается всеми, однако в настоящее время такие совместные проекты осуществляются преимущественно с участием Ирана и некоторых стран СНГ. Из стран СНГ наиболее активен Центр иранистики в Ереване, который одним из первых провел международную конференцию по проблемам "диалога цивилизаций".

В ИВ РАН исследователями из Ирана были защищены несколько кандидатских диссертаций, диссертант сектора Ирана, защитившийся в конце 1997 г. в настоящее время возглавляет Аракский университет (в Иране). В течение 2001 г. в работе сектора активное участие принимал ученый из Тегеранского университета Эслами Торбати, выступавший с докладами на международных конференциях, проведенных в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. Крайне полезным и плодотворным были его консультации по вопросам исламского права, традиций, особенностей политической жизни ИРИ. Сектор Ирана поддерживает связи не только с аспирантами, зани-

мающимися проблемами, связанными с иранистикой и персидским языком, но и занятыми разработкой других тем, которые впоследствии могут представить интерес при написании справочников, энциклопедических словарей и т.п.

С иранской стороны в научных связях с иранистами института наиболее активное участие принимает посольство ИРИ в России, Культурный центр во главе с г-ном Санаи, защитившим в Москве кандидатскую диссертацию и автором нескольких монографических работ, Министерство культуры ИРИ, Министерство образования, представители университетов. С помощью иранской стороны оборудовано несколько иранских кабинетов в ИСАА, ИВ РАН, ИФ РАН. Иранский кабинет в ИВ РАН сейчас располагает значительной библиотекой на персидском языке, в том числе за счет поступления от МИД ИРИ. Иранская сторона выступает, главным образом, в качестве финансового донора совместных проектов, в большинстве случаев и одним из их организаторов. Во многом благодаря иранской поддержки были проведены международные конференции в ИВ РАН, ИФ РАН, в ДА МИД РФ, в Казани, С-Петербурге и др. городах. В 1999 г. сектор Ирана ИВ РАН и иранская сторона провели международную конференцию, посвященную наиболее актуальным проблемам иранской революции, в работе которой приняли участие ученые из стран Центральной Азии. По материалам конференции был издан сборник статей. Многие научные совместные мероприятия проводятся в рамках российско-иранского общества дружбы, особенно это касается мероприятий, связанных с традиционными иранскими праздниками, открытием различных выставок и т.д. Несколько международных конференций было проведено в Москве по проблемам иранистики, в том числе в 2001 г. сектором Ирана. В этом же году ИВ РАН и Посольство Ирана опубликовали по материалам этой конференции книгу "Иранистика в России и иранисты". В 2001 г. в Москве состоялась международная конференция по фундаментальным проблемам иранистики, организаторами которой выступили ИФ и ИВ

РАН и Центр культурных и международных исследований Ирана. В начале 2002 г. при финансовой поддержке и при участии иранских ученых впервые был осуществлен такой проект, как проведение на базе международных курсов по персидскому языку и литературе ИСАА МГУ, на которых членами сектора Ирана ИВ РАН был прочитан цикл лекций по истории и экономике. На эти курсы были приглашены студенты и преподаватели востоковедных центров России-Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Владикавказа, Махачкалы, Астрахани, Новосибирска, Астрахани, а также Украины и Молдавии.

Сотрудничество с Ираном в области иранистики имеет ряд особенностей, связанных как с заинтересованностью тех иранских организаций, которые принимают в этом сотрудничестве участие, так и с характером власти в Иране. Наибольшую активность проявляет иранская сторона в распространении персидского языка, исламской философии. Благодаря этому открыты курсы персидского языка при различных востоковедных центрах, в периферийных учебных заведениях России. На их базе стало возрождаться или возникать вновь иранистическое направление в востоковедении. Наиболее ярко это проявляется в Казани, Астрахани, Новосибирске, Саратове. Для того, чтобы повысить заинтересованность в изучении персидского языка, иранская сторона выступает инициатором проведения конференций, выставок и т.п. Показательным в этом отношении было проведение конференции в Казани в конце 2000 г." Иранистика в Татарстане", в которой приняли участие ученые-иранисты Москвы, Петербурга, Казани и Ирана. Одновременно с конференцией была проведена выставка части архивных материалов, которые были отобраны для обмена между МИДами РФ и ИРИ.

Обмен архивными документами - это один из совместных российско-иранских проектов культурного сотрудничества, предусмотренных в рамках Долгосрочной программы, подписанной в 1989 г. Экспертом со стороны российской стороны

выступала Л.М. Кулагина. Открытие выставки архивов было проведено как в Москве, таки Тегеране.

Конференция в Казани была третьей после конференций в С-Петербурге и Москве, проведенных именно по инициативе иранской стороны по проблемам иранистики. Благодаря финансовой поддержке посольства ИРИ, сектору Ирана удалось издать сборник по материалам конференции, проведенной по проблемам иранистики в Москве и Казани. Оба сборника - "Иранистика в России и иранисты" (отв. ред. Л.М. Кулагина) и "Россия и Иран. Иранистика в Татарстане" (отв. редакторы А.З. Егорин и Н.М. Мамедова) вышли в 2001 г. К сожалению, в сборник не попали интересные доклады, сделанные иранскими учеными, непосредственные контакты с ними для получения статей для сборников оказались затрудненными".

Иранская сторона наиболее активное участие в работе иранистов ИВ РАН стала принимать с конца 1997 г. При финансовой поддержки иранского посольства был издан в 1998 г. сборник "Исламская республика Иран в 90-е годы", Когда в 1999 г. сектор Ирана наметил проведение международной конференции, приуроченной к 20-летию революции в Иране, Культурный центр Ирана предложил свою финансовую помощь, благодаря чему были приглашены ученые из Ирана и стран СНГ. Издание по материалам конференции сборника "Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее" также было осуществлено с финансовой поддержкой Культурного центра.

Частичное финансирование осуществляла иранская сторона и при издании сборника "Иран : ислам и власть", 2001 г. (отв.ред. Н.М. Мамедова и Санаи).

Финансовая помощь была оказана иранской стороной при издании таких работ как "Грамматика персидского языка" Ю.А. Рубинчика, "Русско-англо-персидского внешнеэкономического словаря" Г.Г. Наджафова.

Большие международные конференции по инициативе иранской стороны были проведены в Москве, посвященные

Хомейни и Имам Али, диалогу цивилизаций и др. Иранское посольство и Культурный центр Ирана приняли самое активное участие в конференции сектора, посвященной диалогу цивилизаций (2001 г.). Сборник должен выйти из печати до конца 2002 г. В процессе подготовки к печати находится сборник по материалам яркой и интересной конференции, проведенной в 2002 г. в ИВ РАН - "Иран и страны СНГ". Рассматривается проект совместного проведения в 2003 г. международной конференции, посвященной отношениям России и Ирана.

Реализуется программа проведения ежегодных российско-иранских круглых столов, организаторами которых выступают Центр стратегических исследований ИВ РАН, возглавляемый В.В. Наумкиным, и Институт стратегических и политических исследований МИД Ирана, проводимые поочередно в Тегеране и Москве.

Конечно, в процессе такого сотрудничества могут возникать и возникают разного рода проблемы. Так как ученые сектора заняты разработкой наиболее острых проблем современности, видение которых может отличаться от иранского, сложным является и определение тематики конференций, и состав приглашенных, и содержание докладов и статей.

Неоднократно и на разных уровнях говорилось о полезности издания совместных работ , посвященных определенным проблемам экономики и политики, но рассмотренных с точки зрения российских и иранских ученых, создании совместного научно-информационного центра, российско-иранского научного журнала. К настоящему времени результатом этих проектов является выпуск журнала "Персия". В состав редколлегии входят многие ведущие иранисты нашей страны, но журнал пока носит преимущественно познавательный характер, а в отдельных выпусках превалируют работы иранских авторов.

В процессе рассмотрения находится вопрос о совместном выпуске специальной серии сборников, в которых публиковались бы ирановедческие работы студентов и аспирантов.

В.А. Моисеев

Востоковедение на Алтае: состояние, проблемы, перспективы

Алтайский край и Республика Алтай - естественное продолжение Большого Алтая, - располагаясь практически в центре Азии, на протяжении тысячелетий жили общей исторической жизнью Центральной Азии и Дальнего Востока, представляя собой единое историко-географическое и культурное пространство. Многочисленные и разнообразные этнические, культурные и экономические связи коренных, прежде всего тюркских насельников региона с соседями не были разорваны и после включения Южной Сибири в состав Русского государства в XVII-XVIII вв. Алтайский горный округ, как форпост России в Центральной Азии, привлекал внимание ученых-востоковедов, этнографов, путешественников, таких как П.П. Семенов-Тян-Шанский, Г.Н. Потанин, А.А. Адрианов, А.А. Бунге, В.И. Вербицкий, А.Г. Влангали, И.Г. Георги, П.С. Паллас, Т.Г. Гмелин, Г.Е. Щуровский, А. Гумбольдт, Г.А. Миллер, П.А. Чихачев, В.В. Сапожников , Н.М. Ядринцев и многих других [1]. Большой интерес, хотя и с практическим уклоном, проявляли к сопредельным странам Востока власти и специалисты округа, не случайно Барнаульская казенная библиотека насчитывала сотни изданий по Китаю, Монголии, Казахстану и другим странам, а Горный музей в Барнауле располагал интереснейшей восточной коллекцией. Страстным собирателем и коллекционером восточных древностей и памятников литератур Востока, создателем уникального " китайского кабинета" в

Барнауле был замечательный изобретатель Начальник Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролов [2]. Наверное также не случайно популяризатором сибирских и азиатских древностей стал быший служащий Алтайских рудников и заводов Г.И. Спасский - основатель таких журналов как " Сибирский вестник"(1818- 1825гг.) и " Азиатский вестник" (1825-1827 гг.)[3].

Понимая, как важно на этой далекой сибирской окраине России иметь свои кадры востоковедов, выдающийся государственный деятель и реформатор М.М. Сперанский, посетив в 1820 г. округ, предложил правительству учредить в Барнауле филиал Восточного факультета Казанского университета. Кратковременный период его пребывания в Сибири и противодействие его начинаниям в столице помешали ему реализовать этот проект[4].Говоря об истории востоковедных исследований на Алтае нельзя не сказать и о выдающемся тюркологе академике В.В. Радлове, который как ученый состоялся именно в алтайский период своей жизни и в архиве Алтайского края (Центре хранения архивного фонда) хранятся до сих пор не опубликованные подлинники его научных отчетов и переписка[5]. Вообще не будет преувеличением сказать, что алтайский период жизни В.В. Радлова еще ждет своего исследователя.

В советский период востоковедение на Алтае было наиболее весомо представлено в трудах и исследованиях таких ученых как С.Г. Лившиц[6], Е.М. Залкинд[7], А.П. Уманский[8].Особенностью их научного творчества является своеобразный дуализм: рассмотрение сибиреведческой проблематики в контексте истории Востока и наоборот. Эти ученые, таким образом, осуществили синтез востоковедения и сибиреведения. Эта традиция сохраняется и ныне в трудах местных историков Сибири и Алтая.

Современное состояние востоковедения на Алтае характеризуется созданием специальных востоковедных структур, резким количественным ростом и диверсификацией исследований. Одним из первых таких подразделений была созданная в 1994 г. при кафедре всеобщей истории Барнаульского госу-

дарственного педагогического университета научная лаборатория "Россия и Восток". За восемь лет своего существования лаборатория провела семь научных конференций регионального и международного уровня, в целом определилась с объектом и проблематикой исследований. Это - международные отношения в Центральной Азии в XIX - XX вв. Раз в два года лаборатория проводит чтения, посвященные памяти С.Г. Лившица[9] и один раз в два года конференцию на тему: "Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур"[10]. Сотрудниками лаборатории издано несколько десятков статей, а ее руководителем Барминым В.А. защищена докторская диссертация о политике СССР в Синьцзяне в 1917- 1949 гг.[11] В январе 2000 г. на историческом факультете Алтайского государственного университета была создана кафедра востоковедения. За сравнительно небольшой период существования на кафедре были подготовлены и защищены три кандидатских диссертации, опубликовано свыше 100 статей и несколько монографий и сборников статей[12]. В учебном плане кафедра обеспечивает преподавание базовых курсов истории стран Востока с древнейших времен до настоящего времени, истории международных отношений на Востоке в новое и новейшее время, китайского языка и ряд спецкурсов и спецсеминаров. Китайский язык изучают на факультете студенты специальности "международные отношения". Формально китайский язык идет вторым языком. Фактически его преподавание начинается с первого курса и заканчивается на пятом курсе. Общий объем аудиторной нагрузки по китайскому языку составляет в общей сложности чуть более одной тысячи часов. Для постановки каллиграфии, произношения приглашаются проживающие в городе китайцы. Студенческий клуб "Восток" проводит совместные вечера с китайскими студентами и аспирантами. В этом году впервые две группы наших студентов, изучающих китайский язык, поехали на языковую стажировку в Синьцзянский университет (г. Урумчи) и Шеньянский университет (провинция Ляонин).

1 октября 2001 г. в Барнауле была создана научная общественная организация "Алтайский центр востоковедных исследований". Цель создания центра - объединение и координация деятельности востоковедных сил города и края. Задачами центра являются: проведение исследований в области истории сопредельных стран Востока, прежде всего, Китая, Монголии, Казахстана и других государств Центральной Азии; изучение современных экономических, политических, социальных и культурных процессов; анализ и экспертиза межгосударственных и межэтнических взаимоотношений, построение прогностических моделей развития на постсоветском пространстве в Центральной Азии, моделей взаимоотношений и взаимодействия государств региона с Китаем, Россией и другими государствами. Важнейшей задачей центра является также пропаганда достижений стран Востока, знакомство общественности края с культурой и искусством Китая, Индии, Ирана и других стран и цивилизаций Востока. В настоящее время в состав центра входит около 60 человек, из них 4 доктора и 29 кандидатов наук. При центре существует студенческий клуб "Восток", вечерние курсы китайского языка.

Приоритетным объектом изучения центром, кафедрой востоковедения, лабораторией "Россия и Восток" является Центральная Азия, Синьцзян, Западная Монголия, Афганистан. В то же время, есть специалисты изучающие Индию, Японию, Корею. Формируются и основные направления исследований , ведущими из них являются: изучение взаимоотношений императорской России с государствами и народами Центральной Азии и Китаем, политики СССР в этом регионе Азии, международных отношений и внешней политики центральноазиатских государств в новое время, анализ общих закономерностей и специфики создания экономических и политических моделей в постсоветской Центральной Азии, исследование истории и современного состояния востоковедения в Западной Сибири и национальных историографий в Казахстане и других бывших советских республиках.

Международные связи алтайских востоковедов и историков крепнут и расширяются с каждым годом. Так, алтайский государственный университет имеет договоры о сотрудничестве с Синьцзянским университетом СУАР КНР, Политехническим университетом в Харбине, Павлодарским и Восточно-казахстанским университетами РК, университетом Баян-Ульгийского аймака Республики Монголия и другими вузами этих стран. Происходит обмен делегациями, научной литературой, в некоторых областях (археологии, географии) осуществляются совместные научные исследования. Достаточно регулярно организуются международные научные конференции Из наиболее значимых из них отмечу лишь некоторые: региональная научно-практическая конференция на тему " Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность", состоявшаяся в Барнауле 12-13 октября 1999 г. , в работе которой приняли участие ученые из СУАР КНР[13]. В следующем 2000-м году администрация Алтайского края, лаборатория "Россия и Восток" в рамках второй международной выставки-ярмарки приграничной торговли "Сибирь-Азия. Сотрудничество без границ", провели международную научно-практическую конференцию " Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия, в работе которой приняли участие ученые и представители административных структур из Китая и Казахстана[14].В феврале 2002 г. кафедра востоковедения АГУ и Научно-образовательный форум по международным отношениям (г. Москва, А.Д. Богатуров), организовали и провели в Барнауле международный семинар на тему:"Безопасность в "контактных зонах" Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений" с участием ученых РК и Великобритании[15].В мае в г. Белокуриха совместно с научно-образовательным форумом по международным отношениям и Международным институтом стратегических исследований (Лондон) при финансовой поддержке ряда общественных фондов Алтайский центр востоко-

ведных исследований провел достаточно крупную международную конференцию "Российская Западная Сибирь - Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика, безопасность". В работе ее принимали участие представители власти, бизнеса, науки из всех государств постсоветской Центральной Азии (за исключением Таджикистана) , Монголии, США, Великобритании, Швеции. Научный и организационный уровень конференции был достаточно высокий. Материалы конференции готовятся к печати.

Проблемы, трудности, которые стоят перед востоковедением на Алтае, достаточно типичны и для других регионов Сибири. Это - нехватка кадров, отсутствие специальной литературы, разрыв научных связей с бывшими советскими республиками, ограниченность финансовых ресурсов. Финансовые сложности при организации языковых стажировок студентов и преподавателей за границу. Конечно, все они как-то решаются. Кадры готовим у себя в аспирантуре. Средства ищем в фондах и у бизнесменов, заинтересованных в кадровом обеспечении торгово-экономических связей с Китаем и другими странами.

Думается, что у востоковедения на Алтае неплохие перспективы. Алтайский край, Республика Алтай все более активно развивают приграничную торговлю с Китаем, Казахстаном и Монголией, разрабатывают и осуществляют долгосрочные экономические проекты. Это сотрудничество должно подкрепляться соответствующими кадрами, научной экспертизой проектов. На рынке труда спрос на специалистов со знанием восточных языков растет. Мы должны отвечать на вызов времени. Сейчас наступает такой период, когда нам в университете и в крае нужно определяться с выбором еще одного восточного языка. На наш взгляд таким языком должен быть казахский. Республика Казахстан - наш ближайший сосед, на его долю падает львиная доля экономического сотрудничества края, сфера деятельности русского языка в этой республике сужается и нам нужно быть готовым к тому, что через несколько десятилетий там будет совершенно иная этническая и языковая

ситуация. Думаем и о подготовке кадров по монгольскому языку и истории. Однако имеющийся опыт показывает, что дальнейшее развитие востоковедения невозможно без создания самостоятельной учебно-научной структуры в виде отделения, факультета или филиала одного из ведущих вузов России. Соответствующий материально-технический, информационный и кадровый потенциал для этого у нас в университете практически создан.

---

[1] Подробно см.: Исследователи Алтайского края. XVIII - начало XX века. Биобиблиографический словарь. Под ред. А.Д. Сергеева. – Барнаул: Изд-во "Алтайский полиграфический комбинат". – 2000.

[2] **Уманский А.П.** О судьбе собраний П.К. Фролова // *Алтай. – Барнаул, 1962. – № 1(20)*; **Курныкина Г.И.** Путь к диалогу: из истории изучения Китая на Алтае в XIX в. // *Актуальные вопросы российско-китайских отношений. История и современность. - Барнаул, 2000.*

[3] О жизни и деятельности Г.И. Спасского см.: **Алексеенко Н.В.** Хранители памяти. - Алма-Ата: Казахстан, 1988. - С. 30-45.

[4] **[Сперанский М.М.]** Проекты и записки. – М.;Л., 1961.

[5] **Курныкина Г.И.** Алтайский период в жизни и творчестве академика В.В. Радлова // *Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: изд-во АГУ, 2000.* – С. 380-387.

[6] **Лившиц С.Г.** Политика Англии в Китае в период восстания Ихэтуаней в 1899-1901 гг. – М.,1960. – Дисс. на соискание уч. степ. к.и.н.; **Он же.** Политика Японии в Сибири в 1918-1920 гг. Учебное пособие. – Барнаул, 1991.

[7] О его жизни и научно-педагогической деятельности см.: Памяти Е.М. Залкинда. Под ред. В.А. Моиссева. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998.

[8] **Уманский А.П.** Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. – Новосибирск, Наука, 1980; **Он же.** Телеуты и их соседи в XVII - первой четверти XVIII века. – Барнаул, 1995. – Ч. 1-2.

[9] См.: Первые востоковедческие чтения, посвященные памяти С.Г. Лившица (Тезисы докладов и сообщений 7 мая 1996 года). Под ред. В.А. Моисеева. – Барнаул, изд-во БГПУ, 1996; Вторые востоковедческие чтения памяти С.Г.Лившица (Тезисы докладов и сообщений 21 апреля 1998 года). Под ред. В.С. Бойко и Л.Г.Семихатовой. – Барнаул, 1998; Третьи востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы III региональной конференции 24 октября 2000 г. Под ред. В.С.Бойко. – Барнаул, 2000.; Четвертые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы IV регио-

нальной конференции 26 апреля 2002 г. Под ред. В.А. Бармина. – Барнаул, 2002.

[10] Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы II региональной конференции 26 октября 1999 г. Под ред. В.А. Бармина. – Барнаул, 1999; Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы III международной научно-практической конференции15-16 ноября 2001 г. Под ред. В.С. Бойко. – Барнаул, 2001.

[11] Результаты диссертации отражены в монографиях: **Бармин В.А.** Советский Союз и Синьцзян 1918- 1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). – Барнаул, 1998; **Он же.** Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг. – Барнаул, 1999.

[12] **Курныкин О.Ю.** Парадоксы политической биографии С.Ч. Боса. – М.: Изд. Дом "Муравей-Гайд", 2000; **Боронин О.В.** Двоеданничество в Сибири: XVII 60-е гг. XIX вв. – Барнаул: изд. " Азбука", 2002; **Омельченко О.А.** Социально-экономическая история Синьцзяна (1949- 1978 гг.) – Барнаул, 2002; **Моисеев В.А.** Россия - Казахстан: современные мифы и историческая реальность. – Барнаул, 2001; Алтайская губерния - Казахстан.1917-1925. История административно-территориального разграничения (сборник документов и материалов). Сост. Разгон Н.И., Моисеев В.А. – Барнаул, 2001.; Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект). Под ред. В.А.Моисеева. – Барнаул: Изд-во АГУ. 2001.

[13] Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность. – Барнаул, 2000.

[14] Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия. – Барнаул, 2000.

[15] Россия - Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002.

Н.М. Рогожин

Дипломатическая документация Посольского приказа как предмет международного востоковедческого сотрудничества

Основу коллекции дипломатических документов России за период с конца XV до начала XVIII века составляют посольские книги. В Российском государственном архиве древних актов г. Москвы (далее – РГАДА) хранится 610 посольских книг по связям России с 17 иностранными государствами и 156 – по связям с народами, позднее вошедшими в состав Российского государства. Всего 766 книг. Однако наиболее ранние книги относятся к взаимоотношениям со странами и народами Востока. Древнейшие посольские книги составлены по связям России с Крымом, к тому же это и самый многочисленный корпус – 82 книги (1474–1695). Затем по хронологии следуют: ногайские книги – 12 (1489–1659), турецкие – 28 (1512–1700), персидские – 23 (1588–1692), хивинские – 4 (1616–1743), бухарские – 7 (1619–1743), китайские – 15 (1654–1697), калмыцкие – 7 (1673–1684).[1] Всего 178 книг.

Это ценный источник не только по внешней политике, но и также – по исторической географии, этнографии, лингвистике и дипломатическому церемониалу. Посольские книги по своему происхождению являются результатом деятельности Посольского приказа – центрального государственного учреждения средневековой России.[2].

В основном, это документы текущего делопроизводства. Порядок и очередность их появления обуславливались непо-

средственным поводом (отправление и приезд русских и иностранных посольств). Состав и содержание посольских книг являются адекватным отражением динамики и характера отношений России с державами Востока и тюркскими народами, позднее вошедшими в ее состав. Это локальный архив по тому или иному дипломатическому вопросу, который решался в ходе переговоров между государствами.

Книги обобщают содержание ряда первоисточников (подлинники грамот и договоров, документы в столбцах), многие из которых не сохранились, тем самым значительно возрастает их ценность. Все документы, появлявшиеся в ходе подготовки и во время посольств как русских за рубеж, так и иностранцев в Россию, подшивались в хронологической последовательности и образовывали "столбцы". По завершению посольства из них выбирались те документы, которые были необходимы для дипломатической практики, переписывались в определенном порядке в тетради, а затем переплетались в книгу. Важно отметить, что столбцы не уничтожались, а продолжали храниться как рабочий материал.

Известны следующие разновидности документов, тексты которых входили в посольские книги: грамоты главам государств, грамоты "любительные" для проезда через границы в страну назначения, грамоты подорожные, "указные", выдававшиеся лицу, провожавшему посла, грамоты договорные перемирные, содержащие условия мира, заключаемого между странами, руководства для дипломатов – "наказы" (инструкции), в которых подробно перечислялись поручения, а также предполагаемые вопросы к послу и заранее подготовленные на них ответы. Эта часть наказов содержит значительное количество объективной информации о подлинном соотношении политических сил. В некоторых случаях документы выражают официальную правительственную концепцию тех или иных событий, подготовленную специально для распространения за рубежом. Формуляр наказов имеется даже в самых древних книгах. По-

слам вручались также "росписи" подарков главам правительств и их приближенным.

Основным отчетным документом Приказа были статейные списки. Доклады послов – чрезвычайно ценный источник не только для изучения международных отношений, но и подробнейший рассказ о быте, нравах, политических столкновениях. Они включали сведения общепознавательного характера (об экономическом состоянии страны, ее политическом устройстве, полезных ископаемых и т.д.). С появлением постоянных русских дипломатических представительств за рубежом устанавливается регулярная переписка агентов с внешнеполитическим ведомством, поэтому с начала XVIII века посольские книги постепенно исчезают из делопроизводства.*

Наличие посольских книг XVI–XVII веков зафиксировано в Описях Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614, 1626, 1632 и 1673 годов.[3] Сопоставление сохранившихся книг с указанными описями показало, что в действительности их, книг, было значительно больше. Вероятно, определенная часть книг была утрачена во время стихийных бедствий (пожары Москвы 1571, 1602, 1702 гг.), событий "Смутного времени", войны 1812 года. Некоторые из книг пришли в ветхость и пропали. Какое-то их количество помимо РГАДА различными путями попало в другие архивохранилища.

---

* Автором разработана информационно-справочная система, рассчитанная на широко распространенные персональные компьютеры семейства IBM. Электронная база данных "Посольские книги России конца XV – начала XVIII вв." – расположена в сети Internet: http://www.relarn.ru:8080/members/irh/basa/. См. **Рогожин Н.М., Богуславский А.А., Горбунов Д.Н.** Представление базы данных «Посольские книги России конца XV-начала XVIII вв.» в Интернете // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. – М.1999. – Вып.7. – С.236-244.

При исследовании и сопоставлении описей архива Посольского приказа XVII в. автору удалось установить комплексы посольских книг, которые исчезнули полностью.[4]

Утрачены книги о взаимоотношениях Российского государства с Астраханским ханством.[5] В Описи Царского архива зафиксированы "книги астраханские" 1508–1617 и 1521–1534 годов.[6] В посольской книге по связям России с Ногайской Ордой 1548–1549 годов имеется запись о приезде от астраханского царя посла Халкомана в 1550 г. При этом отмечено, что его приезд "писан в астраханских книгах"[7].

Утрачены "книги тюменские" по сношениям с Тюменским ханством, которое к середине XVI века находилось в степях нижнего течения р. Терек.[8]

Исчезли "тетради гирейские" о взаимоотношениях России с Крымом времен правления дома Гиреев.[9]

Не сохранился значительный комплекс посольских книг по связям с Казанским ханством. В ногайской посольской книге под 1501 годом есть упоминание о "казанских тетратех"[10]. Утраченные казанские книги 1518 года содержали материалы о приезде посла Шахбердея от казанского царя Магмет-Аминя и об ответном посольстве И.Ф.Наумова[11], нет книг 1524 года – о том, как великий князь Василий Иванович пожаловал "Сафа-Кирея царя и всех казанцев и мир остался"[12]. Ссылки Василия III с царем Сафа-Гиреем с 1524 до 1531 года были зафиксированы в "книгах казанских"[13]. Существовали также "5 тетрадей" о связях Ивана IV с казанским ханом Шиг-Алеем (Шигалей) с 1552 по 1564 год и дипломатических отношениях царей Федора Ивановича и Михаила Федоровича с касимовским ханом Арсланом Али (1585–1614).[14]

За десять лет – с 1558 по 1567 год русские послы шесть раз отправлялись к кабардинскому князю Темрюку Айдаровичу в ответ на его посольство 1557 года с просьбой о принятии "в холопство"[15].

В 1555 году к Ивану IV прибыли послы "от сибирского князя Едигеря и ото всей земли Сибирской" с челобитьем,

"чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял бы в свое имя". Послы Едигера приезжали в Москву в ноябре 1556, 1557, 1558, а также в сентябре 1563 годов.[16] Материалы этих посольств составляли содержание утраченных "сибирских книг", которые, вероятно, датировались 1555–1563 годами.[17]

В начале XVII века существовали также книги "шамохейские" с материалами посольств "шамохейских князей с великим князем Иваном и великим князем Василием"[18]. Известно, например, посольство "о любви", прибывшее от Махмуд-Салтана из Шемахи в марте 1499 года[19], упоминаются и "тетради шемахейские" без даты.[20] В ноябре 1563 года к Ивану IV из Шемахи от Абдулы, царя шемахейского, прибыли послы Коземак, Судолей и Араслан-ага.[21]

Этим исчерпывается информация о комплексах посольских книг, полностью исчезнувших.

Первоначальный состав сохранившихся посольских книг также можно установить по данным описей архива Посольского приказа XVII в. Их содержание восполняется столбцами, летописями и другими источниками.

В РГАДА хранятся 28 "турецких" посольских книг с 1512 по 1699 год. Имеются сведения об утраченных тетрадях 1615 года посольства И. Одадурова и восьми тетрадях посольства Ф.Лызлова, которые содержат записи расходов во время сопровождения им турецких послов от Воронежа до Москвы.[22]

Столбцы восполняют утраты. Именно здесь сохранились документы, связанные с посольством И. Одадурова (1614–1615).[23] К тому же, в столбцах обнаружены материалы посольства П.Мансурова (1615)[24], которых нет в книгах: отписки[25], статейный список черновой[26] и статейный список беловой[27].

Период с 1669 по 1743 год характеризуется данными посольских книг по связям России с Бухарским ханством. За это время имеется всего семь книг. Согласно описи Царского архива, в XVI столетии были известны более ранние документы о сношениях с Бухарой, освещавшие 1549–1551 годы.[28].

О дипломатических отношениях с бухарскими ханами во второй половине XVI века повествовали также 100 тетрадей бухарского посольства 1576 г. и 9 тетрадей бухарского ж посольства с 1584–1589 г. [29]. В описи 1673 года зафиксировано 10 тетрадей 1576 года и раскрыто их содержание: приезд к царю Ивану IV посла Баальзыт Шиха от бухарского хана Абдулы.[30] Как достоверно отмечают описи XVII века, действительно существуют более ранние документы по связям России с Бухарой; но не в книгах, а в столбцах.[31]

В настоящее время исследователи располагают 82-мя посольскими книгами об отношениях России с Крымом за период с 1474 по 1695 год. Не сохранились книги за период 1540–1544 и 1549–1562 годы[32], но информация о событиях, которые могли составить их содержание имеется в летописных источниках и Описи царского архива[33].

Столбцы "крымских" посольских дел за указанные периоды с 1540 по 1544 г. и с 1549 по 1562 г., как и книги, тоже отсутствуют. Но в существующих столбцах есть материалы, позволяющие дополнить сохранившиеся посольские книги за период с 1579 по 1623 год[34].

По связям России с Калмыцким ханством сохранилось семь посольских книг за период с 1672 по 1684 год. Среди столбцов, напоминающих по формуляру посольские книги, сохранились документы с 1620 по 1669 г. [35] Между 1677 и 1683 годами среди посольских книг имеется хронологическая лакуна, которую можно заполнить аналогичными материалами в столбцах.[36] Последняя посольская книга по связям России с Калмыцким ханством заканчивается событиями 1684 года, между тем как интенсивные отношения и взаимный обмен продолжался постоянно, о чем свидетельствуют многочисленные столбцы с 1685 по 1700 гг.[37] Всего с 1684 по 1719 год зафиксировано прибытие в Москву 97 посольств от различных калмыцких правителей. Отправлено же в калмыцкие улусы – 30.

Связям России с Ногайской Ордой посвящены 12 сохранившихся книг с 1489 по 1659 год. В 1614 г., согласно опи-

си, существовали также: "книга ногайская 7031-го по 42-й год" (1523–1534) с дипломатическими материалами, относящимися к периоду княжения в Ногайской Орде мурзы Мамая[38]; "книга с лета 7079-го по лето 7084-го" (1571–1576) дипломатических ссылок царя Ивана IV с ногайским князем Тинехматом; "книги ногайские с лета 7091-го по 93-й год" (1583–1585)[39], о содержании которых в описях сведений не сохранилось, но они обнаружены нами в столбцах:

Подводя итоги, можно констатировать, что не сохранились наиболее ранние комплексы посольских книг по взаимоотношениям Российского государства с Астраханским, Тюменским, Казанским и Крымским ханствами, Кабардой, Шемахой и Сибирью, относящиеся к концу XV – середине XVI веков.

Что касается сохранившихся документов по связям России с Востоком, то в большинстве случаев отсутствующие в них книги упоминаются в описях XVII века во множественном числе. Иногда же они фигурируют как заготовки будущей книги – "тетради". Поэтому трудно определить, сколько конкретно по каждой стране утрачено книг. Однако в основном они относятся к периоду последней четверти XV – середине XVI веков. Кроме того, столбцы и летописи являются надежным источником в процессе реконструкции утраченных посольских книг,

Осуществленная реконструкция состава посольских книг создает более полное представление о многообразии и интенсивности дипломатических связей Российского государства. Она позволяет выявить наиболее ранние из утраченных посольских книг, заполнить в какой-то степени лакуны и более определенно говорить о времени возникновения этой разновидности источников – уже в конце XV столетия.

В заключение несколько слов об издании посольских книг.

Интенсивно их публикация велась лишь во второй половине XIX в. В этот период было осуществлено несколько серийных изданий: в "Древней Российской Вивлиофике", "Памятниках дипломатических сношений древней России с держа-

вами иностранными" (ТТ. 1–10.) Спб., 1851–1871) и "Сборниках Русского исторического общества" (10 томов). В дальнейшем издания носили эпизодический, выборочный характер. Отбирались отдельные, наиболее древние источники. Во многих случаях, даже в фундаментальные издания включался не весь комплекс документов посольских книг, а лишь наиболее важные из них (грамоты, наказы или статейные списки). Поэтому публикации этих материалов нельзя признать удовлетворительными. Достаточно сказать, что в настоящее время из 766 всех сохранившихся книг издано всего 153. Что касается 178-ми посольских книг по связям с восточными странами и тюркоязычными народами, то из 82 крымских книг опубликовано только 11, из 12 ногайских книг изданы полностью три и частично –5, из 28-ми турецких книг опубликованы 3 и те лишь во фрагментах, из 23-х персидских книг изданы только 3, по отношениям России с Хивинским ханством сохранилось 4 книги и ни одна не опубликована, из 7-ми бухарских книг издана только одна, из 15 китайских книг опубликованы полностью 2 книги и частично 4, а из 7-ми калмыцких книг две подготовлены к печати, но ни одна еще не опубликована. В целом из 178-ми указанных посольских книг опубликованы полностью только 20.[40]

Издание дипломатической документации - одна из актуальнейших задач дальнейшего успешного развития востоковедения. На наш взгляд, пофондовая серийная публикация посольских книг должна стать одним из важнейших направлений международной издательской деятельности Общества востоковедов совместно с Институтом российской истории РАН и РГАДА, а также научными центрами СНГ.

Определенные шаги в этом направлении сделаны в последние годы. Институт Российской истории опубликовал полные тексты посольских книг: по связям России с Англией 1613–1614 годов, с Грецией 1588–1594 годов, с Ногайской Ордой 1489–1549 годов, с Молдавией 1674–1691 годов; сданы в печать – по связям России с Калмыцким ханством (1673–1675)

и Турцией.(1512-1564)[41]. Кроме того, совместно с Йельским университетом (США) издана посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 годов на английском языке.[42]

Целесообразно направлять усилия на последовательную (в хронологическом порядке) публикацию всех посольских книг по отдельным регионам. Причем, публикация должна воспроизводить тексты всех документов; без каких-либо сокращений. Учитывая, что первоисточники нередко содержат документы, не вошедшие в книги, их следует помещать в изданиях с подстрочными примечаниями и приложениями. Подобные издания могли бы носить совместный межрегиональный и международный характер.

---

[1] См.: Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА. Составитель Н. М. Рогожин. – М., 1990

[2] Подробнее см. **Рогожин Н.М.** Посольские книги России конца XV - начала XVII в. – М., 1994.

[3] Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подготовка текста и комментарий А.А.Зимина. – М.,1978; Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О.Шмидта. – М.,1960; Опись архива Посольского приказа 1626 г. – М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 г. – М., 1990.

[4] Более подробно см. **Рогожин Н.М.** Посольские книги России как источник по истории стран народов Востока // *Гасырлар Авазы / Эхо веков: Историко-документальный журнал. – Казань, 2000. – №3/4.* – С.212–221.

[5] Об истории Астраханского ханства см.: **Кушева Е.Н.** Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVIII вв. – М., 1963. – С.186–198.

[6] Описи Царского архива... 1614 г. – Л. 228.

[7] РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Д.3. – Л. 135–135 об.

[8] **Кушева Е.Н.** Указ. соч. – С.42, 93.

[9] Государственный архив России XVI столетия... – С.41.

[10] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М., 1984. – Л. 33.

[11] Опись архива Посольского приказа... 1626 г. – Л. 365 об.

[12] Государственный архив России XVI столетия... – С.183.

[13] Описи Царского архива... 1614 г. – Л. 228 об.

[14] Опись архива Посольского приказа... 1626 г. – Л. 366.

[15] **Кушева Е.Н.** Указ. соч. – С. 231–235.

[16] ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 313, 370, 376, 385.
[17] Государственный архив России XVI столетия... – С. 471.
[18] Там же. – С. 51.
[19] ПСРЛ. – Т. VI. – С. 43.
[20] Описи Царского архива... 1614 г. – Л. 228 об.
[21] ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 371.
[22] Опись архива Посольского приказа...1626 г. – Л. 352 об. – 353 об.
[23] РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 194.
[24] Там же. – Д. 2. – Л. 108.
[25] Там же. – Д. 3. – Ч. 1. – Л. 159.
[26] Там же. – Д. 2. – Л. 267.
[27] Там же. – Д. 4. – Л. 268.
[28] Государственный архив России XVI столетия... – С. 338.
[29] Опись архива Посольского приказа... 1626 г. – Л. 369 об. – 370.
[30] РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 3. – Д.3, 4.
[31] РГАДА. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 5, 6, 8, 12, 95, 156, 291; – Д. 2. – Л. 6.
[32] Описи Царского архива... 1614 г. – Л. 211 об. – 214 об.
[33] ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 143, 231, 232, 234, 239-240, 261-262, 276; Государственный архив России XVI столетия ... – С. 298.
[34] РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 57, 94, 103, 116, 118, 129, 174, 176; – Д. 2. – Л. 86, 107, 132, 156, 158, 176, 192, 324, 359; – Д. 3. – Л. 41, 51, 61, 114, 129, 143, 200; – Д. 4. – Л. 12, 71, 78, 89, 90, 138, 175, 290, 329; – Д. 5. – Л. 9, 58, 100, 130; – Д. 6. – Л. 90, 104, 173; – Д. 7. – Л. 60, 61; – Д. 8. – Л. 79, 93, 146; – Д. 9. – Л. 76, 162; – Д. 11. – Л. 89; – Д. 13. – Л. 87; – Д. 16. – Л. 125
[35] Там же. Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 3, 61, 82; – Д. 2. – Л. 8, 22, 23, 27, 48, 53, 61, 70, 72, 92, 100, 118, 181 192; – Д. 3. – Л. 4, 20, 29, 149, 167, 205, 341; – Д. 4. – Л. 9, 13, 94; – Д. 5. – Л. 31, 75, 163; – Д. 6. – Л. 15; – Д. 7. – Л. 62; – Д. 8. – Л. 4; – Д. 9. – Л.2 6.
[36] Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2; – Д. 3. – Л. 100; – Д. 2. – Л .4.
[37] Там же. – Д. 1. – Л. 14, 82; – Д. 2. – Л. 4, 19, 49; – Д. 3. – Л. 5, 9, 22, 25, 43, 66; – Д. 4. – Л. 6, 8, 10, 11, 14; – Д. 5. – Л. 12, 24, 38, 316; – Д. 6. – Л. 5, 12, 21, 24, 292; – Д. 7. – Л. 7, 48, 51; – Д. 8. – Л. 25; – Д. 9. – Л. 16, 27; – Д. 10. – Л. 27; – Д. 11. – Л. 114; – Д. 13. – Л. 52; – Д. 15. – Л. 11; – Д. 16. – Л. 108.
[38] Описи Царского архива... 1614 г. – Л. 226.
[39] Там же. – Л. 227.
[40] Подробно см.: Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА. Составитель Н.М. Рогожин. – М., 1990.

[41] Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. / Под ред. В.И. Буганова. Подготовка текста Н.М.Рогожина. – М.,1979; Посольская книга по связям России с Грецией 1588–1594 гг. / Под ред. В.И. Буганова. Подготовка текста М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. – М.,1988; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / Под ред. В.И. Буганова. Подготовка текста М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. – М., 1984; Посольская книга по связям Молдовы с Россией 1684 г., 1690–1691 гг. / Под ред. В.И. Буганова. Составители И.А. Еремия, Н.М. Рогожин. – Кишинев, 1993; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. / Под ред. В.И. Буганова. Составители: И. Вашари. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин. – Махачкала, 1995.

[42] England and the North. The Russian Embassy of 1613–1614 / Ed. by M. Jansson and N. Rogozhin. Transl. by P. Bushkovitch. Under the direction of V. Buganov. – Philadelphia, 1994.

Е.С. Соболева, М.З. Эпштейн

Проблемы российского востоковедения сквозь призму методики маркетингового подхода к управлению научной организацией

В данном сообщении авторы предпринимают попытку рассмотреть проблемы российского востоковедения, используя методику маркетингового подхода к управлению научной организацией, включающую рассмотрение цепочки потребность - товар - рынок - сбыт.

I. Товар в востоковедении.

Традиционно научное производство в области востоковедения ориентировалось на обслуживание государственных интересов, понимаемых как интересы определенных государственных органов, в первую очередь партийного руководства. Соответственно формировался портфель заказов институтов, занимающихся проблемами востоковедения. Вопрос об эффективности влияния данных работ на развитие общества фактически оставался вне рассмотрения.

В настоящее время государственные органы являются только одним из нескольких классов потребителей информации и услуг в области востоковедения, востребованных современным обществом. Для выживания в экономической среде XXI века российским востоковедческим организациям необходимо удовлетворять потребности всего спектра потенциальных клиентов, так как, во-первых, государственные ресурсы весьма ограничены, и оно не в состоянии поддерживать на должном

уровне существование этих организаций; во-вторых, усилилась конкуренция со стороны вновь возникающих частных предприятий и организаций.

Из этого следует вывод об особой важности определения потребностей и знания конъюнктуры рынка востоковедческой продукции и ориентации на него.

II. Рынок продукции российского востоковедения.

На сегодняшний день можно выделить следующие сегменты рынка продукции востоковедения:

1) фундаментальные научные исследования в области истории, филологии, политики, экономики, философии, этнографии, культуры, искусства народов и стран Востока;
2) популяризация научных знаний;
3) обслуживание групп интересов (политических, экономических, этнических, социальных);
4) предоставление образовательных услуг.

Сегмент фундаментальных исследований, на наш взгляд, характеризуется:

- резким сокращением государственного финансирования,
- усилением международного сотрудничества,
- появлением иностранных заказчиков,
- слабой инфраструктурой распространения информации,
- отсутствием целенаправленной политики финансирующих организаций.

Результаты профинансированных исследований не находят своего потребителя по следующим причинам:

- количество потенциальных клиентов невелико,
- недофинансирование или игнорирование необходимости продвижения данного продукта на рынке, отсутствие / нехватка каталогов, электронных баз данных, рекламы, сбытовой сети и т.д.

Сегмент популяризации научных знаний характеризуется:

- ростом конкуренции с другими видами деятельности (развлечения, туризм),
- сокращением у подавляющего большинства населения (по сравнению с советским периодом) бюджета, выделяемого на потребление научно-популярной литературы.

Здесь можно выделить следующие тенденции:
- большее разнообразие тем, интересующих потребителя,
- сокращение количества людей, интересующихся конкретной темой, и, следовательно, уменьшение объема каждого сегмента.

Обслуживание групп интересов - относительно новое явление и направление деятельности в востоковедении. Оно включает в себя, в частности, экспертизу законопроектов, подготовку программ, публикацию пропагандистских и др. материалов, проведение заказных исследований и т.п.

Особую популярность, как в центрах, так и в регионах имеет деятельность по оказанию образовательных услуг, что обусловлено усилением международных связей, особенно приграничных, и значительными миграционными потоками.

III. Потенциал российского востоковедения.

Организации, работающие в области востоковедения, это, прежде всего, профильные учреждения в системе РАН, а также музеи, архивы, университеты, библиотеки. Российские ученые добились значительных достижений в области изучения традиционных культур народов Востока. Российская востоковедческая наука занимает лидирующее положение в ряде направлений (дуньхуановедение, тангутоведение, сабеистика, изучение тюркской руники, курдоведение) и в некоторых других областях[1]. Основные результаты в этих направлениях обеспечили поколения ученых, пришедших в эту область науки в 1950-1960-е годы. Собиравшиеся на протяжении нескольких веков источники и релевантные научные фонды, которыми обладают старейшие российские востоковедческие учреждения, имеют мировое значение.

В настоящее время складывается достаточно опасная ситуация, связанная со сменой поколений, поскольку в последнее время, в основном из-за низкой заработной платы, наблюдается недостаточный приток молодых ученых, и велика текучесть кадров, особенно среди молодых возрастов. В результате в этой области науки остаются работать лишь единицы перспективных ученых.

Серьезная ситуация сложилась с информационным обеспечением фундаментальных исследований. С одной стороны, сняты идеологические запреты и административные рогатки, а с другой - уровень финансирования не позволяет получить необходимую информацию в достаточном объеме.

Наблюдается определенный отток научных кадров за рубеж и в коммерческие структуры. С другой стороны, Российская Федерация стала центром притяжения для ученых соответствующего профиля из других стран СНГ. Кроме того, в данной области науки заметен приток местных кадров, мигрантов и их детей. В результате этих процессов формируются региональные центры востоковедения, которые успешно конкурируют с московскими и петербургскими организациями.

Следует отметить серьезную конкуренцию в области востоковедения, которая, в частности, выражается в том, что значительная часть работы выполняется с помощью или при сотрудничестве иностранных специалистов, в том числе на базе имеющихся в Российской Федерации материалов (например, подготовка каталогов фондов учреждений).

IV. Направления развития российского востоковедения.

На наш взгляд, первоочередной задачей является определение государственной политики в области востоковедения. Это не означает, что государство должно будет полностью финансировать все выделенные направления. Очевидно, предстоит провести определение приоритетов и выработать соответственные механизмы развития перспективных направлений, обеспечить, в том числе, информационную поддержку и сис-

тему продвижения соответствующих научных направлений. Следует обеспечить баланс развития фундаментальных и прикладных направлений с помощью разработки инструментов защиты интеллектуальной собственности и оплаты подготовки специалистов соответствующего уровня.

Необходимо повышение качества управления научными организациями, усиление их ориентации на потребителей и повышение эффективности деятельности, в частности, путем внедрения проектного менеджмента, использования маркетинговых приемов и концепций.

Как шаг в этом направлении следует расценивать ставшие традиционными обмен мнениями и выработку рекомендаций на организационно-научных съездах Общества востоковедов РАН. По нашему мнению, было бы целесообразно данную тематику специально обсудить на международном съезде востоковедов в Москве

---

[1] Санкт-Петербургский Научный Центр Российской Академии наук. – СПб: <Наука>, 2001. – С.84-85

И.Г. Тихонова

Формализация описаний письменных памятников Востока и задачи современной каталогизации

Проблема формализации описания письменных памятников Востока (ППВ) не нова. Она неоднократно возникала на различных этапах каталогизации фондов рукописей и ксилографов в разное время. Сегодня снова она актуальна в связи с широким применением сетевых телекоммуникационных технологий. Наибольшие проблемы электронная каталогизация вызывает у хранителей сложных фондов, состоящих из огромного числа разнообразных письменных памятников. Примером такого фонда является собрание Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАН. Коллекция СПб ФИВ РАН насчитывает более 67000 единиц хранения на 45 восточных языках, выполненные на различных носителях – бумаге, пергаменте, коже, пальмовых листьях, дереве, металле, камне и т.д. Рукописи и ксилографы являются письменными памятниками различных культур и времен. Впервые серьезная массовая каталогизация коллекции СПб ФИВ РАН была проведена в 60-е годы. Предварительно были разработаны схемы описания ППВ специалистами соответствующих направлений (ближневосточные, дальневосточные, грузинские и др. рукописи). Результат работы отразился в появлении целого ряда печатных каталогов рукописей и ксилографов из собрания СПб ФИВ РАН (тогда еще ЛО ИВАН). В предисловиях этих каталогов можно найти схемы описания, к сожалению, иногда они приводятся в свободной повествовательной форме. Коллективом

Института была проведена колоссальная и очень важная работа. Фонд стал доступным для научной работы специалистов не только рукописного отдела. Именно после выхода печатных каталогов резко возрос интерес к коллекции СПб ФИВ РАН. Необходимо отметить, что принципы каталогизации письменных памятников востока, выработанные в те годы, не потеряли своей значимости и сегодня.

С появлением персональной компьютерной техники востоковедение пережило всплеск создания баз данных описаний письменных памятников. Число таких баз данных, думаю, приблизительно равно числу активно работающих востоковедов. Это возможно было бы и не плохо: много материалов переведено в машиночитаемую форму, созданы электронные ресурсы, облегчающие поиск, хранение и передачу информации. Проблема заключается в том, что практически каждый специалист создавал свою схему описания для конкретной группы памятников, использовал имеющиеся у него программные средства для работы с базами данных, не заботясь о совместимости с другими БД. Конечно, в описаниях были общие поля (шифр, название сочинения, автор, время/место издания и т.д.), но формат этих полей все же был различен. Также не стремились к использованию единых программных оболочек для создания и поддержки баз данных. Ситуация эта , к сожалению, характерна не только для отдельных ученых, но и для институтов, университетов, исследовательских центров, и связана в первую очередь с недостаточным финансированием учреждений науки и культуры. О случаях приобретения лицензионного ПО в гуманитарной среде мы стали слышать не более 2-3 лет. Таким образом, новый уровень описания ПП В (по сравнению с печатным каталогом) – базы данных привели не столько к объединению усилий многих ученых по созданию электронных данных о коллекциях, а скорее к их разобщенности, т.к. созданные в различных востоковедных центрах базы данных обычно не совместимы ни на каком уровне.

Сегодня уже можно сформулировать уровни несовместимости имеющихся информационных ресурсов:

А) схема описания

Б) формат описания

В) используемое программное обеспечение (в т.ч. системное)

Г) версии программного обеспечения

Д) аппаратный уровень

Последние три можно отнести к организационно-техническим, для преодоления которых необходимо централизованное обеспечение, своевременное обновление техники, программ, а также конвертация информации в новые версии. Первые же два и составляют понятие формализации описания ППВ, т.е. выбор единой схемы описания и выбор формата представления этого описания.

Наиболее актуально встал вопрос о формализации именно сейчас, на современном этапе развития и активного использования телекоммуникационных технологий. Вопрос формализации это по существу вопрос стандартизации, очень плохо воспринимаемой в гуманитарных исследованиях. Тем не менее, необходимо учитывать, что все программные средства широкого применения опираются на международные стандарты. Поэтому для участия в проектах, связанных с программным обеспечением, необходимо вырабатывать единые подходы и стандарты.

В области описания письменных памятников, подлежащих каталогизации, в качестве такого единого формата выступает Международный коммуникативный стандарт UNIMARC, используемый библиотеками. Российский коммуникативный формат RUSMARC официально включен Постоянным комитетом по формату UNIMARC в список национальных адаптаций формата UNIMARC. Международный код Российского коммуникативного формата: RUSMARC.

Полезно рассмотреть опыт разработки и применения единого формата в библиотечной среде Министерства культуры РФ.

Российский коммуникативный формат разработан по заказу Министерства культуры в рамках программы LIBNET под эгидой Российской Библиотечной ассоциации. Утвержден Приказом Министра Культуры РФ № 45 от 27.01.98 в качестве обязательного формата при обмене библиографическими записями среди библиотек сети Министерства Культуры РФ. Формат предназначен быть посредником при осуществлении обмена библиографическими записями и способствовать решению следующих задач:

а. Улучшению доступности библиографической информации

б. Созданию сводных каталогов

в. Сокращению затрат при каталогизации

Для внедрения и использования единого формата в России был предложен Проект "Российский коммуникативный формат". Проект разрабатывается в рамках программы LIBNET с октября 1995 года. Целью проекта является разработка национального коммуникативного формата на все виды каталогизируемых документов и национального формата каталогизации. В проекте принимают участие представители ведущих библиотек России. Существует Национальная Служба развития системы форматов RUSMARC

Национальная Служба развития системы форматов RUSMARC образована на базе Российской национальной библиотеки. В рамках службы функционирует Экспертный совет, состоящий из представителей ведущих организаций России в области библиотечного дела. В настоящее время RUSMARC адаптирован для каталогизации :

- составных частей однотомного издания
- составных частей многотомного издания
- составных частей сериального издания
- нотного издания
- старопечатного издания

Собрания рукописей и ксилографов занимают промежуточное место между библиотеками и музеями (по сложности

описания). Основная задача формализации описания письменных памятников востока для задач современной каталогизации – минимизация описания ПТВ без ущемления поисковых возможностей электронного каталога с одной стороны, расширение формата RUSMARC дополнительными полями – с другой стороны. За последнее десятилетие появлялись работы, посвященные структурам описания сложных объектов – рукописных и музейных экспонатов. Число полей в них с каждой публикацией растет. На мой взгляд, возникает определенное противоречие между работой специалистов, изучающих рукописи, и специалистов по программному обеспечению. Противоречие заключается в стремлении первых расширить описание памятника, вложить в это описание как можно больше известной им информации, для вторых же это оборачивается созданием сложных, занимающих много памяти и системных ресурсов, неповоротливых систем. Разрешение этого конфликта возможно, с моей точки зрения, в разграничении функций печатного и электронного каталога. Печатный каталог может быть очень подробным, соответственно изученности группы памятников, содержать развернутые комментарии, дополнительные сведения, описание особенностей. Основная функция его – помочь исследователю ориентироваться в фонде на основе уже изученного материала. В то время как электронный каталог преимущественно служит для удаленного поиска рукописей и ксилографов, поэтому часть информации может быть исключена из описания ПТВ. Это, с одной стороны, облегчит ввод информации, ускорит поиск, с другой стороны, заставит исследователей обращаться к печатным каталогам и оригиналам для получения полного представления о памятнике.

Представляется актуальным создание координационного Совета для разработки описания письменных памятников востока, утверждение его и рекомендации для использования во всех хранилищах Академии наук, а также дальнейшая поддержка этого формата (учет и координация возможных изменений).

А.А. Хаматова

Международные связи Восточного института Дальневосточного государственного университета и их перспективы

Дальневосточный государственный университет (ДВГУ), который берет свое начало от Восточного института, – первого высшего учебного заведения на Дальнем Востоке, открытого во Владивостоке в 1899 году, – объявил одним из своих важнейших принципов, наравне с духовностью и фундаментальностью, принцип интернационализации образования и науки. Интернационализация образования – это мировой процесс, и пренебрегать этим явлением нельзя. Без вхождения в мировое образовательное сообщество сегодня невозможно быть современным образовательным учреждением и давать качественное образование. В настоящее время у ДВГУ широкие и прочные связи с десятками высших учебных заведений самых разных стран – Япония, США, КНР, Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея, Вьетнам, Индия и т.д. Некоторые международные программы университета являются поистине уникальными: это и программа с Мэрилендским университетом (США), дающая выпускникам возможность одновременно учиться в двух вузах и получать два диплома о высшем образовании – американский и российский. Это и филиал ДВГУ в г. Хакодате (Япония), где выпускникам-японцам выдается диплом ДВГУ, и многие другие программы. Но поскольку мой доклад посвящен международным связям Восточного института (ВИ) ДВГУ, то я и буду освещать именно эти связи.

ВИ ДВГУ поддерживает и развивает международные отношения прежде всего со странами, языки которых изучают студенты, – это Китай, Япония, Корея, Вьетнам, Индия и Таиланд. Несомненно, отношения эти разные как по объему, так и по качеству, что связано не только с состоянием взаимоотношений России с этими странами, но и количеством студентов, изучающих эти страны, и традициями ВИ по подготовке специалистов по той или иной стране зарубежного Дальнего Востока. К началу 2002/2003 учебного года в ВИ ДВГУ обучается 1100 студентов, из которых 480 изучают Китай, 272 – Японию, 258 – Корею, 65 – Вьетнам, 23 – Индию, 16 – Таиланд.

Ещё 15-20 лет назад мы мечтали лишь об одном: получить хотя бы одного-двух преподавателей – носителей восточного языка, организовать стажировку или кратковременную практику студентов в стране изучаемого языка. За последние 10-12 лет международные связи с зарубежными странами, вузами, организациями и фондами приобрели небывалый размах и включают не только академический обмен, стажировки и командировки, но и совместные научные и учебные проекты, международные конференции, совместные публикации, открытие культурных, научных и методических центров. Результаты такого взаимодействия вуза с иностранными партнерами и коллегами сказываются на уровне подготовки специалистов, научной работе преподавателей и студентов и значительно укрепляют материальную базу ВИ. Попробую показать это на конкретных примерах.

Прежде всего, о взаимодействии с Японией. У Института очень давние и прочные связи с Японским Фондом, которые начались еще задолго до объявления г. Владивостока открытым городом. Первые шаги этого Фонда были направлены на поддержку преподавания японского языка как иностранного и выражались, прежде всего, в обеспечении факультета японоведения учебными материалами. В настоящее время эти связи осуществляются в следующих формах:

1) работа на кафедре японской филологии преподавателей, направленных ассоциацией содействия развития японской дипломатии (Society for Promotion of Japanese Diplomacy);
2) участие в ежегодных программах Фонда, предназначенных для образовательных структур, в которых ведется преподавание японского языка и изучение культуры, истории и экономики Японии;
3) участие в программе, созданной специально для факультета японоведения и получившей название «Совместные исследования по теме: «Комплексное изучение развития гуманитарных и экономических связей в регионе бассейна Японского моря и роли языка и культуры»».

Работа преподавателей-японцев, направленных через Японский Фонд для работы на факультете Ассоциацией содействия развитию японской дипломатии, ведется постоянно. Как правило, это высококвалифицированные преподаватели, имеющие опыт работы за рубежом. В данном случае интересы японской стороны (помощь в преподавании японского языка) гармонично сочетается с нашими потребностями в постоянном присутствии квалифицированных преподавателей – носителей японского языка. Этот канал взаимоотношений с Фондом чрезвычайно важен для факультета и дает хорошие результаты. Он действует постоянно и с минимальными затратами для университета.

По сложившейся в Японском Фонде практике, ежегодно Генеральное Консульство рассылает бланки и в срок до 01.12 принимает заполненные заявки на участие в программах Фонда. Здесь реализуются следующие направления:
1) стажировки преподавателей японского языка в Международном центре японского языка в г. Китаурава (Токио). Через эту форму повышения квалификации прошли многие преподаватели факультета;
2) заявки на литературу для факультета японоведения подаются и удовлетворяются ежегодно;

3) приглашение японских профессоров для чтения лекций студентам факультета японоведения.
4) участие в проведении регионального семинара по проблемам преподавания японского языка.

Первый такой семинар «Проблемы преподавания японского языка в вузах Сибири и Дальнего Востока» состоялся 19-21 февраля 1997 г. В семинаре, помимо преподавателей факультета, приняли участие представители Иркутского государственного лингвистического университета, Камчатского государственного педагогического института, Камчатского гуманитарного колледжа, Сибирского Института экономики и права (г. Иркутск), Магаданского международного педагогического университета, Южно-Сахалинского государственного педагогического института, Хабаровского государственного педагогического института, Якутского государственного университета, Владивостокской государственной Морской Академии, Дальневосточного государственного технического университета, Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Проведение семинара и одновременно конкурса японского языка было организовано при содействии Генеральных консульств Японии в гг. Владивостоке и Хабаровске, экономического факультета университета Канадзава, префектур Тоттори, Тояма и Ниигата, Японского Фонда и Ассоциации содействия японской дипломатии. Столь представительный состав организаторов и участников семинара свидетельствует о высоком авторитете факультета японоведения ДВГУ как в нашей стране, так и в Японии. В выступлениях участников семинара подчеркивалась ведущая роль ДВГУ в японоведении на Дальнем Востоке. По итогам конференции изданы материалы на японском языке за счет Фонда.

Следующий семинар на базе ДВГУ был проведен в ноябре 1999 г. Круг участников остался прежним. Имеются письменные отзывы участников семинара и Ассоциации содействия развития японской дипломатии о хорошей организации и

уровне подготовки участников семинара и конкурса японского языка.

Самым значимым видом сотрудничества с Японским Фондом является программа совместных исследований «Комплексное изучение развития гуманитарных и экономических связей в регионе бассейна Японского моря и роли языка и культуры». Эта программа начала осуществляться с 1996 г. В результате реализации этой программы ВИ получил компьютерный класс, целый ряд научных командировок как в Японию, так и в Москву, издает ежегодно с 1996 г. специальный выпуск «Известий Восточного института ДВГУ», посвященный японоведению, издал двенадцать учебных пособий по истории, экономике, литературе Японии. Всего за пять лет действия данной программы факультет получил оборудование, издал учебные пособия и монографии, выполнил зарубежные и внутрироссийские научные командировки преподавателей и аспирантов на сумму 17 миллионов 663 тысячи иен и 79785 долларов США (сюда не входит стоимость литературы, ежегодно получаемой от Японского Фонда по заявкам факультета). В реализации гранта приняли участие 18 преподавателей и аспирантов трех кафедр: японской филологии, страноведения, экономики и финансов стран АТР.

Факультет японоведения поддерживает также связи с университетом Сока, Канадзава, Тояма, Осака, Осакским университетом экономики и права, университетами Токай, Васэда, Рицумэйкан, Ниигатским госуниверситетом, Ниигатским университетом международной информации и рядом других.

Кафедрой японской филологии в мае 2002 г. была организована и проведена российско-японская конференция, посвященная 100-летию пребывания во Владивостоке выдающегося деятеля японской культуры Фтабатэя Симэя. В конференции приняли участие ученые из Токио, Осака, Киото. Второй год факультет японоведения проводит регулярные конференции по обмену опытом преподавания японского и русского языков с университетом Васэда с помощью Интернет. Так в

международное сотрудничество внедряются новые дистанционные технологии.

Не имеющим прецедента в истории российско-японских связей в области образования можно назвать создание частным лицом, гражданином Японии Муто Коити, благотворительного фонда имени его отца, Муто Сигэтаро. Муто Сигэтаро в 1945 г. оказался в качестве военнопленного в Советском Союзе и за время пребывания в нашей стране проникся самыми добрыми чувствами к русскому народу. Сын Муто Сигэтаро явился инициатором создания фонда. Фонд предназначен для материальной поддержки студентов и преподавателей факультета японоведения, для развития материальной базы, прежде всего, кафедры японской филологии, а также для организации кратковременных стажировок двух студентов факультета в г. Акита ежегодно.

В декабре 2001 г. на базе факультета японоведения совместно с Генеральным консульством Японии в г. Владивостоке впервые на Дальнем Востоке был проведен квалификационный экзамен на определение уровня знания японского языка. Это большое и важное мероприятие потребовало больших усилий по его организации и проведению. Были задействованы все преподаватели кафедры японской филологии. Среди тех, кто показал знания, соответствующие высшему (первому) уровню, есть молодые преподаватели и студенты.

Особо хочется сказать об открытии Высшего колледжа корееведения в Восточном институте. Торжественное открытие колледжа 2 октября 1995 г. стало возможным благодаря усилиям ректора ДВГУ В.И. Курилова и одной из ведущих промышленно-финансовых групп Республика Корея КОХАП. Впервые в истории отношений между Россией и Республикой Корея был реализован проект в области образования. В кратчайший срок (10 месяцев) во Владивостоке при почти полной финансовой поддержке группы КОХАП (затраты ДВГУ были значительно меньше) было построено прекрасное пятиэтажное здание, в котором созданы все условия для учебы и научной

деятельности: уютные аудитории, библиотека, читальный зал, видео- и компьютерные классы, лингафонный кабинет. В комплектовании библиотеки огромную безвозмездную помощь оказывают Национальная библиотека Кореи, Корейский Фонд, Корейский научный фонд, научно-исследовательский фонд Дэу и др.

Высший колледж кореeведения ДВГУ поддерживает тесные связи с Кённамским университетом, Сеульским национальным университетом, университетом Кёнги, университетом Енсей, университетом Пукенг, Ульсанским университетом и другими вузами Республики Корея, что позволяет интенсивно развиваться как академическому, так и научному обмену.

Кореeведы ВИ активно работают с различными фондами Кореи: Korea Foundation, Korea Research Foundation, Korea Art Foundation и т.д. Гранты этих фондов позволяют реализовать целый ряд научных и учебных проектов.

В октябре 2000 г. начал работать Центр кореeведческих исследований ДВГУ (ЦКИ), третий в РФ после Международного центра кореeведения МГУ и Центра корейской культуры и языка СПб ГУ. ЦКИ получил трехлетний грант Korea Foundation в размере 300 тысяч американских долларов. Возглавляет Центр ректор ДВГУ В.И. Курилов. Центр объединил не только кореeведов, но и историков, экономистов, юристов ДВГУ, что позволило создать уникальные издания, такие как: «Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.). Документы и материалы», «Развитие корейской экономики: уроки переходного периода». Сдан в печать сборник «Некоторые аспекты законодательного регулирования российско-корейских отношений». Центр кореeведческих исследований провел за два последних года две научные международные конференции с участием ученых из России, Кореи, Китая и Венгрии. Сборники материалов конференции получили широкий резонанс в кореeведческих кругах. Гранты научно-культурного фонда «Корё» (Республика Корея) позволили в 2001 году провести третью международную конференцию по

методике преподавания корейского языка и международную научную конференцию «Ан Джунгын и антияпонское освободительное движение на территории России». На грант Korea Art Foundation была издана хрестоматия по современной корейской литературе, составителями которой являются преподаватели Высшего колледжа корееведения.

В мае прошлого года на базе ДВГУ была проведена третья совместная конференция ректоров вузов России и Республики Корея (грант МО РФ и МО РК). В июле этого года в ДВГУ состоялась международная научно-практическая конференция «Роль Транссиба в развитии сотрудничества стран АТР». В конференции приняли участие ученые вузов, НИИ и представители различных транспортных компаний России, Республики Корея, Китая, Японии, Австрии. Конференция была проведена по инициативе и финансовой поддержке Korea Research Foundation. Такие конференции выходят далеко за рамки влияния на учебный и научный процесс в ВИ.

Уже много лет на базе нашего Института функционирует Центр просвещения Республики Корея. Этот Центр совместно с Высшим колледжем корееведения уже дважды проводил региональный экзамен на уровень знания корейского языка как иностранного.

Факультет китаеведения осуществляет международное сотрудничество как на базе межправительственного соглашения России с КНР, так и на основе межвузовских соглашений ДВГУ с вузами КНР.

По межправительственному соглашению ежегодно один преподаватель и 10-11 студентов имеют возможность стажироваться в одном из вузов Китая, а 3-4 студента направляются в Китай на четырехлетнее обучение. Естественно, что такое право получают самые лучшие студенты факультета, но 13-14 студентов – это слишком мало для почти полутысячного коллектива студентов факультета. Именно поэтому факультет использует межвузовские соглашения для академического и научного обмена. Такие соглашения заключены с Хэйлунцзянским уни-

верситетом, Даляньским университетом иностранных языков, Ляонинским и Цзилиньским университетами, Аньшаньским педагогическим университетом, Яньбяньским университетом, Шэньянским педагогическим институтом, Фуданьским университетом и др. Эти соглашения позволяют значительно расширить число студентов-стажеров в Китае, проводить месячные практики в летний период в КНР, постоянно иметь преподавателей – носителей языка.

В 2000 г. ДВГУ подписал соглашение с Министерством образования КНР, в соответствии с которым на факультете китаеведения открыт второй в России центр по приему экзамена на уровень знаний китайского языка как иностранного и создан региональный центр китайского языка. С этого момента на базе факультета китаеведения уже трижды проводился региональный экзамен HSK, а в октябре 2001 г. состоялось официальное открытие Центра китайского языка. К моменту открытия Центра он получил от МО КНР 900 наименований учебной и научной литературы, 300 аудиокассет и 50 видеокассет и мультимедийный класс на 24 посадочных места стоимостью 85 тысяч американских долларов. Это значительно улучшило материальное обеспечение учебного процесса. На базе Центра китайского языка проводятся региональные конкурсы китайского языка, методические семинары по преподаванию китайского языка в вузах и средних школах.

Значительным событием для факультета китаеведения было посещение ДВГУ Председателем Постоянного Комитета ВСНП Ли Пэном и присвоение ему звания почетного доктора ДВГУ. Делегация, возглавляемая Ли Пэном, а также прибывшая одновременно делегация китайских бизнесменов, передали в дар факультету 3 компьютера, 12 ноутбуков, проигрыватели DVD-дисков, аудио-и видеоматериалы, энциклопедические словари.

В июне 2002 г. состоялся визит делегации Академии общественных наук КНР в ДВГУ, итогом которого стало подписание договора о сотрудничестве, а факультет китаеведения

получил в дар справочную литературу, словари, научную литературу по экономике, истории и философии Китая.

В 1978 г. в Пекине была создана международная ассоциация преподавателей китайского языка как иностранного. С момента ее создания факультет китаеведения ВИ является ее членом, а представитель ДВГУ уже шестой раз избирается членом правления этой международной организации, что позволяет факультету регулярно получать методическую литературу по преподаванию китайского языка как иностранного и научную литературу по китайскому языкознанию, используемую для написания курсовых, дипломных и кандидатских работ.

Уже третий год ВИ участвует в программах с Хэйлунцзянским университетом и Даляньским университетом иностранных языков, целью которых является совместная подготовка студентов и получение ими дипломов двух вузов – китайского и российского.

Второй год ВИ работает над совместным проектом с Хэйлунцзянским университетом по созданию комплекса учебников по китайскому языку для российских вузов и средних школ. Комплект включает и методическое руководство для преподавателей к каждому учебнику. Этот проект осуществляется на грант МО КНР.

В июле этого года ДВГУ посетила большая делегация китайских чиновников, в том числе министров и замминистров, возглавлял которую вице-премьер КНР Ли Ланьцин. Результатом визита стал новый проект сотрудничества ДВГУ с вузами КНР. Проект находится на рассмотрении в МО КНР, и мы очень надеемся, что его реализация может помочь дальнейшему развитию китаеведения в нашем вузе.

Отделение стран Южной и Юго-Восточной Азии – самое молодое и малочисленное в ВИ, но и оно не могло бы развиваться без международного сотрудничества. Кафедра филологии стран Юго-Восточной Азии поддерживает связи с Ханойским университетом на основании межправительственного

соглашения, Хайфонским педагогическим университетом (межвузовский договор подписан 22 июня 2001 г.). Имеются договоры с университетом города Хошимина, с редакцией Большой вьетнамской энциклопедии. Практически все студенты-вьетнамисты ВИ имеют возможность пройти годичную стажировку во Вьетнаме. Три года ведется в Институте подготовка специалистов по тайской филологии. Это стало возможным благодаря соглашению ДВГУ с Рамканхэнгским университетом (г. Бангкок).

Подготовка индологов началась в ДВГУ с 1993 года. В ноябре 2001 г. в ВИ была создана кафедра индологии во исполнение Меморандума о взаимопомощи между ДВГУ и Культурным центром имени Джавахарлала Неру посольства Индии в Москве, подписанного 5 ноября 2001 г. в Санкт-Петербурге ректором ДВГУ В.И. Куриловым и послом Индии в РФ господином К. Рагхунатхом. Согласно этому Меморандуму кафедра индологии получает ежегодный грант на свое развитие.

Следует отметить, что ВИ ДВГУ ведет очень активную работу с генеральными консульствами стран изучаемого языка в г. Владивостоке. Благодаря поддержке Генконсульств Индии и Вьетнама, например, на базе ВИ созданы Центры вьетнамской культуры и индийской культуры. В октябре 2002 г. ВИ совместно с Генеральным консульством Индии, Центром индийской культуры ДВГУ проводит третий международный симпозиум «Россия – Индия: взаимодействие в области науки, культуры и образования». Симпозиум является традиционным, проводится один раз в три года при участии видных ученых-индологов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, а также гостей из-за рубежа. Это лишь отдельные примеры сотрудничества ВИ с дипломатическими миссиями зарубежных стран.

Международные контакты и взаимодействия ВИ с зарубежными вузами, фондами, дипломатическими миссиями помогают воспитательной работе со студентами, развитию студенческого творчества. В Институте созданы замечательные самодеятельные ансамбли корейских барабанщиков, индийско-

го и вьетнамского танца, проводятся вечера, посвященные памятным датам зарубежных стран, отмечаются восточные новогодние праздники и т.д. Все это способствует пониманию национально-культурных особенностей народов зарубежного Дальнего Востока, прививает будущим специалистам-востоковедам любовь к познанию стран изучаемого языка.

ВИ принимает активное участие в реализации международных программ и договоров, заключенных непосредственно ДВГУ. Так, факультет китаеведения принимает участие в разработке международного проекта «Совершенствование политических наук в конце XX – начале XXI веков и повышение качества специалистов по проблемам стран Азиатско-Тихоокеанского региона». Проект осуществляется на средства Мирового банка и Национального фонда подготовки кадров (НФПК). В рамках проекта преподаватели-китаисты разработали новый курс «Политическая культура и проблемы межкультурной коммуникации в странах АТР», заканчивается подготовка к изданию учебника китайского языка для политологов. Эта работа предусматривает зарубежные командировки в страны АТР, консультации у зарубежных специалистов. Преподаватели-востоковеды приняли участие и в двух международных конференциях, проводимых ДВГУ в рамках этого проекта: «Политология и политологическое образование» и «Толерантность, сотрудничество и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Новые планы ВИ связывает с открытием на базе ДВГУ Межрегионального института общественных наук (МИОН). В 2001 г. ДВГУ на конкурсной основе выиграл грант для открытия МИОНа. Донорами и организаторами программы являются Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США), МО РФ, Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Институт перспективных российских исследований им. Кеннона (США), АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)». Целью предоставления данного гранта является поддержка в формировании и консо-

лидации отечественных интеллектуальных и профессиональных ресурсов России и более тесная интеграция российских ученых в международное научное и образовательное сообщество. Концепция МИОН - Россия и АТР: всеобъемлющая безопасность, конфликты и сотрудничество в XXI веке. ВИ принимает самое активное участие как в подготовке документов и концепции МИОН для получения гранта, так и в реализации двух научных направлений:

1. Изучение многосторонних взаимодействий в Азиатско-Тихоокеанских интеграционных процессах. Пути формирования этнокультурной и межконфессиональной толерантности и всеобъемлющей безопасности в контактной зоне глобального значения.
2. Россия в системе социально-экономических отношений в АТР: проблемы и конкурентные преимущества.

В план работы МИОНа включены публикации научных монографий, материалов международных конференций, семинаров, круглых столов, стажировки молодых ученых. Планируется, что международная конференция «Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век», которая проводится МИОН в конце октября 2002 г., станет регулярной, а отечественные и зарубежные ученые – участники конференции станут авторами коллективной, многотомной монографии, дающей представление о развитии цивилизационных процессов в АТР за последние 250 лет. Междисциплинарные исследования по региональной тематике в рамках и под эгидой МИОН должны стать базой для принятия системных решений, которые позволят найти альтернативы вызовам современности, т.е. эти исследования – предпосылка управления цивилизационными процессами в наступившем тысячелетии.

Таким образом, международные связи ВИ ДВГУ способствуют улучшению качества образовательного процесса. Ежегодно 20-25 преподавателей ведущих вузов Японии, КНР, Республики Корея, Вьетнама, Индии, Таиланда принимают

непосредственное участие в обучении студентов восточным языкам. Кроме того, 3-5 иностранных лектора приезжают с кратковременными визитами для чтения циклов лекций по культуре, истории, экономике изучаемых стран. Студенты и преподаватели получают возможность регулярных языковых и научных стажировок, как на основе межправительственных соглашений, межвузовских договоров, так и в результате конкурсов, проводимых различными образовательными, административными и дипломатическими организациями. В результате проведения экзаменов на уровень знания восточных языков как иностранных стало возможным получить объективную оценку знаний студентов. Международные контакты и гранты значительно оживили научно-методическую и научно-исследовательскую работу преподавателей, что непосредственно отражается на качестве подготовки специалистов-востоковедов. Значительно улучшилась и материальная база учебного процесса, что позволило внедрить в учебный процесс современные образовательные методики и технологии.

Хохлов А.Н.

Востоковеды А.К. Казем-бек и В.П. Васильев: общие профессиональные интересы и тесные творческие связи*

Известный востоковед В.П. Васильев (1818–1900), предостерегая исследователей от легковесного и поверхностного подхода к изучению проблем востоковедения, в рецензии на новый труд в России о влиянии буддизма на коренное население Южной Сибири указывал в 1858 г.: «Напрасно думают, что изучение Востока есть дело легкое, что оно может достаться с первого приступа, и еще скорее, чем всякая другая наука. Во-первых, заметим, что в других науках для начинающего [исследователя] готовы руководства, для продолжающего подобраны и подготовлены материалы; здесь же открывается новое поприще, на котором приходится всё разрабатывать самому; нет еще ни одной аксиомы, которую нельзя бы оспаривать. Во-вторых, тут открывается множество наук, которые [взятые в отдельности] вызывают [в ходе их изучения] огромное число деятелей»[1]. В справедливости данного высказывания уже сложившегося, зрелого ученого убеждает история изучения стран Востока в Казанском университете, возникшем в 1804 г. в центре активного взаимодействия культур разных цивилизаций[2].

---

* В основу данной публикации положен доклад «Мирза Казем-Бек и В.П. Васильев: характер научного общения», прочитанный автором на Международной научной конференции «Мирза А.К. Казем-Бек и отечественное востоковедение XIX–XX вв.», состоявшейся 24–25 мая 2000 г. в Казани.

Положение Казани как крупного торгового центра Поволжья, где сходились традиционные и вновь формируемые маршруты многих российских купцов, поддерживавших тесные связи с Турцией, Ираном, самостоятельными владениями Средней Азии, Монголией и Китаем, благоприятно влияло на складывание условий для изучения стран азиатского континента в стенах Казанского университета, этого уникального в системе народного просвещения России высшего учебного заведения. Многообразная деятельность в этом городе на Волге представителей разных народов Азии, составлявших примерно четвертую часть его населения, с их непривычной для глаза иноземца оригинальной культурой придавали этому крупнейшему в Верхнем Поволжье торгово-административному центру особый восточный колорит. Известный российский литератор и общественный деятель А.И. Герцен, посетивший Казань в 1835 г., писал по этому поводу: «Значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке; здесь они от беспрерывного действия друг на друга сжались, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру. Казань – главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу»[3].

Многоликость населения Казани, расположенной в центре проживания различных народов, преимущественно тюркской и угро-финской групп, и ее городская архитектура зримо присутствуют в письме В.В. Горского, сделавшего с другими членами нового состава Пекинской духовной (православной) миссии в этом городе остановку – на пути следования в далекий Китай через сибирские земли и степи Монголии. Сообщая своим родителям-костромичам о пребывании в Казани, будущий китаевед и тибетолог следующим образом суммировал свои впечатления от первой встречи с ним: «Признаюсь, этот город произвел на меня довольно сильное впечатление, и по справедливости он считается после Петербурга и Москвы – третьим городом в северном краю России. Эта странная смесь

европейского образования с азиатскою простотою, исламизма с христианством, русских с татарами, вид христианских церквей с многочисленными главами и мусульманских мечетей с остроконечными минаретами, звук колоколов и дикое, пронзительное завывание муэдзинов, ... русские дома, отличающиеся богатством и красотою своей, и дома татарские, деревянные, одноэтажные, с закрытыми ставнями, с высоким забором. Одним словом, вся эта картина, составленная из таких резких противоположностей, в общей панораме – поразительна, и невольно увлекает глаза, мысль, воображение и чувство зрителя»[4].

Будучи единственным высшим учебным заведением на громадном пространстве от Москвы до восточного побережья Тихого океана, Казанский университет в 30–40-е годы XIX века являлся одним из главных российских центров изучения истории и филологии стран Востока, где, по выражению А.И. Герцена, «в обширном объеме» преподавались восточные языки, причем нередко выходцами из стран Азии. В его музеях, как подчеркивал русский писатель, «больше одежды, рукописей, монет китайских, маньчжурских, тибетских, нежели европейских». «Удивитесь ли вы после этого, – обращался А.И. Герцен к своему читателю, – встретив в рядах его [Казанского университета] студентов-бурят?»[5]

Как свидетельствуют материалы, в том числе архивные, главная роль в успешной научной деятельности Казанского университета принадлежала видному ученому-математику Н.И. Лобачевскому (1793–1856), проявлявшему интерес к странам Востока. Своим творческим служением отечественной науке, он личным примером и умелыми распоряжениями создал подлинно творческую атмосферу в стенах Казанского университета. О его подходе к преподаванию научных дисциплин позволяет судить, например, его речь на выпускном акте университета, состоявшемся 5 июня 1828 г. Полагая, что в данное время «тень древней схоластики» едва «бродит» по российским университетам, и, оценивая деятельность преподавательского

состава Казанского университета, Н.И. Лобачевский подчеркивал: «Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения. Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что известно одним праздным умам»[6].

Благодаря энергичным и настойчивым усилиям Н.И. Лобачевского, являвшегося ректором Казанского университета с 1827 по 1846 гг. (на этот пост его избирали шесть раз), при философском факультете в разные годы были созданы кафедры арабо-персидских, турецко-татарских, монгольского, китайского и армянского языков, а также санскрита. Научные командировки воспитанников университета О.М. Ковалевского и А.В. Попова в Забайкалье в 1828–1832 гг. и особенно поездка первого из Кяхты через монгольские степи в Пекин (в качестве письмоводителя при дипломате-приставе, сопровождавшем новых членов духовной миссии в китайскую столицу и старых ее членов в Кяхту, на родину) в 1830–1831 гг. способствовали не только активизации исследований по монголистике, но и дальнейшему росту интереса к истории и культуре собственно Китая. Между тем успешный опыт преподавания китайского языка в кяхтинском училище, учрежденном в 1835 г. при участии Н.Я. Бичурина, со всей очевидностью указывал на возможность организации изучения этого языка в университетских стенах. Что касается Казанского университета, то здесь подобная идея подкреплялась не только личным примером О.М. Ковалевского, ставшего благодаря собранным в Пекине материалам авторитетным специалистом в области китаеведения, но и административной поддержкой со стороны Н.И. Лобачевского и тогдашнего попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, проявлявшего искреннюю заботу о развитии отечественного востоковедения и прежде всего в казанском научном центре. Во время поездки в Петербург М.Н. Мусин-Пушкин 5 марта 1837 г. представил министру народного просвещения С.С. Уварову ходатайство относительно учреждения кафедры китайского языка в Казанском

университете, необходимость которой обосновывал следующими соображениями:

«Казанский Университет есть то высшее учебное заведение, где по местному удобству полезно сосредоточить преподавание восточных языков.

Теперь существуют уже там три кафедры восточных языков: а) арабского и персидского, в) турецко-татарского, с) монгольского. К ним необходимо присоединить еще три, а именно языков: 1) китайского, 2) тибетского и 3) маньчжурского. Первое внимание наше должен обратить на себя язык китайский. До сего времени несмотря на частые и важные (для) России с Китаем торговые сношения, на существование в Пекине с давнего времени духовной [православной] миссии, отправления туда чрез каждые 7 или 10 лет студентов для изучения китайского языка, ни в одном из русских университетов не учреждено кафедры, где бы молодые люди, назначаемые для будущих духовных миссий, могли получить основательные предварительные познания в этом трудном языке [чтобы] не приезжать в Пекин вовсе невеждами. Я не упомянул здесь о необходимости иметь хороших по границе переводчиков не только для облегчения, но и для распространения торговых и политических с Китаем сношений.

Честь учреждения при Казанском Университете кафедры для китайского языка будет принадлежать Вашему Высокопрев-ву, ибо ныне для этого представляется возможность.

Архимандрит Златоустовского в Москве монастыря Даниил [Сивиллов] был долгое время в качестве студента при Пекинской духовной миссии. Он приобрел там основательные в китайском языке сведения и может быть хорошим преподавателем его. В проезд мой ныне чрез Москву я объяснялся с ним лично, и он изъявил готовность занять при Казанском Университете место профессора китайского языка.

Если Ваше Высокопрев-во мысль мою одобрить изволите, то я просил бы покорнейше утвердить следующие пред-

положения, представляемые на Ваше, милостивый государь, благоусмотрение:

1-е. Учредить при Казанском Ун-те кафедру китайского яз.

2-е. Профессору этого яз. назначить 4000 руб. в год жалованья наравне с прочими ординарными профессорами.

3-е. Профессором китайского яз. утвердить архимандрита Златоустовского в Москве монастыря Даниила, для чего и перевести его в Ивановский 3-е классный в Казани монастырь, которым управляет теперь игумен.

4-е. Приобрести для Казанского Ун-та за 5 тыс. руб. ассигн. предлагаемое архимандритом Даниилом редкое собрание китайских книг и рукописей.

Копию с письма ко мне архимандрита Даниила от 22 прошедшего февраля и два подлинных реестра китайских книг у сего представить честь имею»[7].

На основе указанного ходатайства М.Н. Мусина-Пушкина в мае 1837 г. в Казанском университете была создана первая в России кафедра китайского языка, которую в разные годы возглавляли архимандрит Даниил (в миру Дмитрий Петрович Сивиллов), бывший с ним в Пекине врач О.П. Войцеховский (1793–1850) и В.П. Васильев, вернувшийся в Казань в 1850 г. из китайской столицы, куда его в качестве светского члена Российской духовной миссии направил Казанский университет для изучения восточных языков[8].

На фоне достижений Казанского университета в области востоковедения особенно значимой фигурой среди прочих преподавателей-востоковедов был А.К. Казем-Бек[9], появление которого в Казани и в Казанском университете стало возможным благодаря стечению, казалось бы, случайных обстоятельств, о которых достаточно полно повествуют приводимые ниже архивные материалы.

Интересные сведения о пребывании А.К. Казем-Бека на Кавказе в 20 гг. XIX в. содержатся в сообщении генерала А.П. Ермолова, направленном 28 октября 1824 г. графу К.В. Нессельроде, возглавлявшему Коллегию Иностранных

дел. В этом письме, в частности, говорилось: «В 1820 г. открыты были вредные для [Российского] правительства сношения с беглецом Ших Али-ханом некоторых дербентских жителей, по большей части сектов (священнослужителей), вышедших... из Персии, и по утвержденному мною приговору Военного суда многие из них отправлены на жительство в Астрахань. Сын одного из них – муллы Гаджи Казим-Бека Мирза Магомед Али-Бек, будучи сослан туда вместе с отцом его в прошлом 1823 г., обращен находившимися в Астрахани шотландскими миссионерами в христианскую веру и по исходатайствованному бывшим министром духовных дел Высочайшему соизволению приобщен ими к англиканской церкви. После сего миссионеры сии предназначали его к выполнению разных со стороны их миссий поручений.

По полученному мною уведомлению о сём [от] г. Астраханского гражданского губернатора, [а также] принимая в соображение, что сын персиянина... получивший некоторое образование под руководством великобританцев, мог быть употреблен ими не в одном качестве миссионера..., я предписал г. губернатору, дабы он отнюдь не допускал сего молодого человека до выполнения поручений от миссионеров... и впредь до разрешения не позволял бы ему отлучаться из Астрахани ни под каким предлогом.

Вслед за сим г. Астраханский губернатор представил ко мне прошение Магомед Казем-Бека, принявшего по крещении имя Александр... об определении его на службу в Коллегию Иностранных дел. Полагая, что персиянин сей по знанию его восточных языков, в особенности персидского, может быть употреблен по Иностранной коллегии в должности переводчика с большою пользою, я счел обязанностью моею означенную просьбу его препроводить... Вашему Сиятельству»[10].

В прошении А. Казем-Бека относительно его желания поступить на службу в Коллегию иностранных дел, в частности, говорилось:

«Прошлого 1823 г. июня 29 дня принял я христианскую веру протестантского исповедания из магометан Дербентской провинции... а сего месяца [сентября 1824] ...г. Астраханский гражданский губернатор Иван Иванович Попов предложил мне избрать род жизни, вследствие чего я объявил желание вступить в [российскую] службу». В заключительной части прошения, составленного и переписанного набело коллежским секретарем Михаилом Карловичем Шиманом, содержалось пожелание А.К. Казем-Бека, чтобы «Высочайшим указом повелено было сие мое прошение принять и меня... определить в Коллегию Иностранных дел»[11].

Еще до того, как данное прошение было получено Коллегией Иностранных дел (29 ноября 1824 г.), к графу К.В. Нессельроде обратился князь А.Н. Голицын, министр духовных дел, занимавшийся вопросами народного образования. Получив от генерала А.П. Ермолова сообщение о том, что по его распоряжению А.К. Казем-Беку было предложено воздерживаться от каких-либо поручений со стороны английских миссионеров до определения на российскую государственную службу, А.Н. Голицын 3 августа 1825 г. обратился к министру иностранных дел с письмом следующего содержания:

«До Государя императора дошли сведения о том, что... Александр Казем-Бек получил от ... генерала Ермолова повеление вступить в российскую службу... Через некоторое... время получил он от него же другое приказание, чтобы не вступать ему ни в какую службу по желанию членов шотландской колонии и не отлучаться из пределов г. Астрахани. Его Величество указать мне соизволили снестись с Вашим Сиятельством, дабы Вы доложили о том Государю Императору»[12].

На основе писем, полученных от А.П. Ермолова и А.Н. Голицына, руководитель внешнеполитического ведомства подготовил для Николая I докладную записку, в которой, в частности, указал, что Казем-Бек «по знанию им восточных языков может быть употреблен при учрежденном в Омске Азиатском училище» с окладом жалованья в размере 800 руб. в год

из сумм, предназначенных для «азиатских посланцев» и выдачею ему «из оных же сумм 1000 руб. на проезд [к месту назначения]».

17 сентября 1825 г. Коллегия Иностранных дел сообщила астраханскому гражданскому губернатору о переводе ему из Петербурга 1000 руб. ассигнациями, при этом предложило «выдать сию сумму упоминаемому Казем-беку и, снабдив его надлежащим видом [свидетельством], отправить в Омск к генерал-губернатору Западной Сибири»[13].

После получения денег из Петербурга А.К. Казем-Бек 23 ноября 1825 г. отправился из Астрахани в Омск, куда так и не добрался из-за обморожения ног в результате наступивших зимних морозов. По приезде в Казань ему пришлось сделать длительную остановку для восстановления здоровья, пошатнувшегося в пути. Суровые испытания, которым он подвергся из-за перемены привычного теплого климата на континентальный – с крепкими морозами в зимнее время, побудили Казем-Бека отказаться от дальнейшего путешествия в Западную Сибирь, где его ожидали пронизывающие до костей степные метели и снежные бураны. Болезненное состояние, а еще более возможность найти здесь подходящую работу в качестве преподавателя восточных языков и, в частности, в Казанском университете укрепили Казем-Бека в решимости начать новую жизнь в Казани, ставшей ему впоследствии второй родиной. Своими мыслями относительно физической невозможности выполнить волю вышестоящего начальства Казем-Бек поделился с А.Н. Голицыным, который в свою очередь рассказал о них министру иностранных дел. Ссылаясь на полученное от Казем-Бека письмо, он 23 апреля 1826 г. писал К.В. Нессельроде:

«Ныне пишет он [Казем-Бек] ко мне, что астраханский гражданский губернатор сообщил ему предписание Вашего Сиятельства об отправлении его в Омск... и на таковое отправление выдал ему 1000 руб., а он, доехав только до Казани, обморозил себе ноги и с 10 декабря должен был остаться там

для излечения... [Казем-Бек] просит о перемещении его, буде возможно, сюда или же, если служба его при Коллегии [Иностранных дел] не нужна, то дозволить принять место учителя восточных языков в Казанском университете вследствие сделанного ему от оного предложения»[14].

Осторожный в принятии решений касательно приема на дипломатическую службу лиц с компрометирующим прошлым, особенно после событий 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади Петербурга, К.В. Нессельроде только 8 мая 1826 г. прислал А.Н. Голицыну ответ, касающийся дальнейшей судьбы А.К. Казем-Бека:

«Персиянин сей есть сын одного из дербентских жителей, изобличенных в преступных против России сношениях с изменившим ей Ших Али-ханом... Сии соумышленики его удалены из Дербента в Астрахань и находятся там под особым надзором...

Связи родства Казем-Бека с обнаруженными злоумышленниками заставили обращать особое внимание и на его поступки...

Из вышеизложенного Вы... усмотреть изволите, что и ныне Казем-Бек не может быть принят, как он того желает, в государственную Коллегию Иностранных дел, тем более, что те же, близкие ему обстоятельства существуют и доселе. Что же касается до увольнения его от настоящего места и перемещения в Казанский университет учителем восточных языков, то не предстоит к сему никакого препятствия»[15].

Тем временем А.К. Казем-Бек, войдя в контакт с руководством Казанского университета, направил в Коллегию Иностранных дел новое прошение на имя графа К.В. Нессельроде, в котором, в частности, говорилось:

«Из представляемого у сего свидетельства о болезненном моем состоянии Ваше Прев-во увериться изволите, что я не только не могу продолжать путь в Омск, но ниже и предпринять его когда-либо, ибо ежели здешний климат так для меня вреден, то каким образом без очевидной и неминуемой

опасности могу я жить в гораздо холоднейшем. По сей причине... прошу... исходатайствовать мне увольнение (о коем в то же время обратился я с просьбою и к генерал-губернатору Западной Сибири) от Омского училища [и] дозволить служить в Казанском университете»[16].

О глубокой заинтересованности Казанского университета в знатоках восточных языков, каковым оказался А.К. Казем-Бек, позволяют судить материалы полуофициальной переписки университета с влиятельными чиновниками внешнеполитического ведомства и, в частности, письмо Михаила Магницкого от 17 мая 1826 г., адресованное К.К. Родофиникину. В нем первый из Казани сообщал своему столичному адресату следующее:

«Узнав коротко сего учителя [Казем-бека] и удостоверяясь в отличном его знании языков: арабского, персидского, татарского, турецкого, английского и хорошем знании русского, я нахожу его весьма полезным для университета, где именно для [постановки] произношения давно нужен природный азиатец. А как польза для службы здесь принесена им будет в круге гораздо обширнейшем, то я решился... подкрепить просьбу Казем-бека и моим ходатайством... Казем-бек при отличных нравственных свойствах получил классическое воспитание»[17].

Окончательное решение на министерском уровне относительно зачисления А.К. Казем-Бека на должность преподавателя персидского языка в Казанском университете было принято после того, как он успешно сдал специальный экзамен по восточным языкам. Об этом тогдашний министр просвещения адмирал А.С. Шишков не замедлил сообщить в Коллегию Иностранных дел. Основываясь на ходатайстве Совета Казанского университета о допущении А.К. Казем-Бека к преподаванию персидского языка, А.С. Шишков 22 сентября 1826 г. сообщал управляющему Коллегией Иностранных дел:

«Начальство имп. Казанского университета представило мне, что природный персиянин Мирза Александр Казем-Бек

входил в Совет Казанского университета с прошением о допущении его к экзамену по восточным языкам... По испытании Казем-бека найдено, что он имеет хорошие сведения в языках: арабском, персидском и турецком и может быть полезен университету в звании лектора персидского языка. Посему университетское начальство и просит на сие моего утверждения»[18].

После получения из Коллегии Иностранных дел уведомления относительно перевода Казем-бека в Казанский университет Министерство народного просвещения 31 октября 1826 г. известило Казань о своем согласии утвердить Казем-Бека лектором персидского языка в Казанском университете[19].

Связав свою судьбу с Казанским университетом, А.К. Казем-Бек сделал немало полезного и важного для развития на казанской земле отечественного востоковедения. Настойчиво и самоотверженно работая над конкретными задачами, стоявшими перед местными учеными, он привлекал к их решению близких ему людей, в том числе отца – «дербентского персиянина», ставшего активным корреспондентом Казанского университета (с 1838 г.) и своего младшего брата, начавшего преподавать турецкий язык сначала в 1-й Казанской гимназии (с 1840 г.), а затем в Казанском университете (с 1845 г.)[20].

По воспоминаниям казанского сторожила Г.И. Горталова, записанным в 1888 г., А.К. Казем-Бек был очень красивым и приятным в общении человеком. Дом его находился на том месте Грузинской улицы, где позднее, в 80-х гг., появился особняк известного в Казани купца И.В. Александрова. По рассказам Г.И. Горталова, записанным Н.Я. Агафоновым – автором «Казанского летописца», А.К. Казем-Бек был женат на Прасковье Александровне Костливцевой, умершей в 1855 г. Его дочь была замужем за Н.Е. Баратынским, а сын – женат на М.Л. Толстой[21].

Имение А.К. Казем-Бека находилось в деревне Верхняя Ия Лаишевского уезда Казанской губернии, и хозяйственными делами по его управлению после переезда А.К. Казем-Бека в Петербург в 1855 г. занимался по доверенности ученого его

младший брат-преподаватель Казанского университета[22], где после перевода восточников в российскую столицу сохранилось преподавание татарского языка.

Как правило, А. К. Казем-Бек оставлял Казань лишь в каникулярное время – летом (например, в 1838 г., когда он преподавал в I-й Казанской гимназии, будучи одновременно педагогом в Казанском университете)[23] или зимой (например, в 1854 г., когда ему в декабре было разрешено съездить на каникулы в Москву и Петербург)[24].

С 1849 г. А.К. Казем-Бек стал преподавать восточные языки в С.Петербургском университете, продолжая оставаться в штате Казанского университета[25].

На фоне кипучей и неутомимой деятельности А.К. Казем-Бека в Казанском университете менее впечатляющими в изучении восточных языков казались успехи молодого, но не менее талантливого В.П. Васильева, появление которого в Казани в 1834 г. было связано с его желанием получить высшее образование в Казанском университете после окончания Нижегородской гимназии. Еще в гимназические годы явно обнаружились его недюжинные способности к изучению иностранных языков. Не случайно преподаватель немецкого языка в указанной гимназии Н.В. Баталин предсказывал ему великое будущее, почему-то называя его «восточной звездой». Преподаватель немецкого языка обратил внимание на В.П. Васильева еще в пору его учебы в уездном училище. Его дикция при чтении стихов на выпускном акте в этом училище так понравилась Н.В. Баталину, что впоследствии, когда В.П. Васильева приняли в гимназию, он выпросил у отца способного мальчика разрешение сечь его сына «сколько душе угодно», чтобы последний «не избаловался и тем не загубил свой талант». В свидетельстве, выданном В.П. Васильеву в июле 1832 г., в частности, указывалось: «Во все продолжение пребывания своего в гимназии вел себя: 1-ое, в отношении к учащимся скромно и дружелюбно; 2-ое, в отношении к начальству почтительно, оказывая должное к оному повиновение, к учению оказывал

вообще должное прилежание и в посещении классов был всегда исправен, *обнаруживая к словесным наукам особенную привязанность* (Здесь и далее курсив мой. – *А. Х.*)»[26].

После окончания Казанского университета и защиты диссертации, посвященной анализу буддийской сутры на монгольском языке, молодой магистр В.П. Васильев отправился на 10 лет в Китай, где в качестве светского члена при Российской духовной (православной) миссии в Пекине активно занялся изучением восточных языков, особенно тибетского, в связи с планами руководства университета открыть кафедру тибетологии.

18 сентября 1850 г. В. П. Васильев приехал из Пекина в Казань и, получив отпуск, уехал в Н.-Новгород, чтобы увидеться с матерью после длительной 10-летней разлуки. Когда преподаватель китайского и маньчжурского языков О.П. Войцеховский стал жертвою очередной холерной эпидемии в Казани, Н.И. Лобачевский поручил В.П. Васильеву преподавание этих языков, а также чтение лекций по истории и литературе Китая. С этого времени у преуспевающего магистра начались деловые контакты с А.К. Казем-Беком, которые в конечном итоге привели начинающего преподавателя к сближению с многоопытным педагогом-практиком на почве общих профессиональных интересов и общих научных проблем, волновавших тогда ориенталистов-филологов. Как и А.К. Казем-Бек†, В.П. Васильев

---

† В ноябре 1832 г. А.К. Казем-Бек (адъюнкт профессора восточной словесности Казанского университета) предложил Московскому университету приобрести у него некоторые рукописи из его обширной коллекции. В его письме, направленном в Совет Московского университета, в частности, говорилось: «При сем имею честь представить реестр редким рукописям с означением цены каждой по мере ее достоинства. Если почтеннейший Совет найдет приобретение таковых полезным для своего Университета, то оные могут быть вытребованы – по доставлении денег за них – чрез Правление нашего Университета или прямо чрез г-на профессора восточной словесности Алексея Феодоровича Болдырева, к которому имею честь писать о сем особое письмо». См.: ЦИАМ, ф. 418, оп. 1, д. 386, л. 1.

серьезно интересовался книгами и рукописями на восточных языках, о чем свидетельствует привезенная им из далекого Китая богатая книжная коллекция. Как и А.К. Казем-Бека, В.П. Васильева глубоко интересовала восточная нумизматика. Общая включенность в единый учебный процесс помогла этим ученым при большой разнице в возрасте находить время для деловых встреч и для бесед на научные и иные темы.

После перевода восточников-преподавателей и студентов из Казани в Петербург А.К. Казем-Бек в мае 1855 г. возглавил Комиссию по приему книг и рукописей на восточных языках, передаваемых из Казанского университета в Петербургский. В ее состав вошли, помимо А.К. Казем-Бека, ставшего деканом факультета восточных языков Петербургского университета, монголист А.В. Попов и китаевед В.П. Васильев, возглавивший в 1851 г. кафедру маньчжурско-китайской словесности Казанского университета. Совместная работа в указанной комиссии позволила А.К. Казем-Беку не только ближе познакомиться с деловыми качествами своих казанских коллег, которые считались высококвалифицированными специалистами в области филологии и истории Центральной и Восточной Азии, но и сблизиться с ними на почве общих научных интересов. В свою очередь А.В. Попов и В.П. Васильев смогли полнее оценить глубокие познания и организаторские способности своего нового патрона, в котором удачно сочеталось глубокое знание своего предмета с талантом умного и компетентного администратора.

Работа по разбору и приему книг и рукописей Казанского университета, доставленных в специальных деревянных ящиках в Петербург, началась 15 августа 1856 г. (через пять месяцев после сформирования Комиссии), когда в город на Неве прибыла первая партия библиотечного груза из Казани в числе 46 ящиков в сопровождении библиотекаря Казанского университета И.Ф. Готвальда, специалиста в области арабского и персидских языков, оставшегося в Казани благодаря своей службе в университетской библиотеке[27].

На начальном этапе работа по приему части библиотечного имущества Казанского университета тормозилась отсутствием в Петербургском университете подходящего помещения для книг и рукописей на восточных языках, но с решением этой проблемы на месте, серьезные затруднения вскоре возникли из-за медленной и нерегулярной доставки в Петербург очередных партий необычного груза, в котором остро нуждались и преподаватели и студенты. Это побудило А.К. Казем-Бека в феврале 1858 г. обратиться к ректору Казанского университета с настоятельной просьбой ускорить доставку передаваемых из Казани в Петербург библиотечных фондов.

Новые осложнения с приемом библиотечного имущества от Казанского университета возникли вскоре после того, как И.Ф. Готвальд, принимавший участие в заседании комиссии в октябре 1858 г., неожиданно уехал в Казань, что вынудило ее членов принять «остальное имущество в том виде, в каком оно, по отъезде Готвальда, оказалось». Затянувшаяся на несколько лет история с приемом восточных книг и рукописей от Казанского университета, связанная с деловым общением известных специалистов-востоковедов, лишь сблизила последних с А.К. Казем-Беком, на плечи которого легла основная тяжесть ответственной и трудоемкой работы по каталогизации и распределению восточных книг, требующих не только глубоких познаний в избранной научной области, но и огромного кропотливого труда по описанию редких рукописей, бесценных по форме и содержанию.

Пользуясь списками книг, переданных Казанским университетом Петербургскому, члены комиссии, руководимой А.К. Казем-Беком, выявили повреждения их от невнимательной транспортировки и даже недостающие экземпляры. Так, при приеме печатных и рукописных книг на китайском, монгольском, тибетском и калмыцком языках, а также на санскрите (на основе рукописных каталогов, полученных от М.Н. Мусина-Пушкина, ставшего попечителем Петербургского учебного округа), была зафиксирована нехватка шести книг, причем в

ряде случаев в названиях некоторых книг и рукописей обнаружены серьезные неточности, на что было указано комиссией при подведении итогов своей деятельности в докладе, представленном Совету Петербургского университета 10 августа 1861 г.[28]

В Петербурге научно-педагогическая деятельность А.К. Казем-Бека протекала столь же плодотворно, как и в Казани, но более результативно в плане реализации разносторонних творческих планов благодаря расширившемуся кругу его личных знакомств в столичном обществе. Огромный вклад А.К. Казем-Бека в отечественное востоковедение был высоко оценен в связи с 50-летним юбилеем его научно-практической деятельности, тесно связанной с его пребыванием в двух ведущих университетах России. Подробно характеризуя научные заслуги А.К. Казем-Бека в области ориенталистики в связи с вручением ему (согласно решению Совета Петербургского университета) почетного докторского диплома, «Журнал Министерства Народного Просвещения» по этому поводу сообщал:

«Декан Факультета восточных языков С.Петербургского университета А.К. Казем-Бек приобрел право считаться патриархом ориентализма в нашем отечестве. Службу свою он начал в 1826 г. профессором в Казанском университете, а в С.Петербургском университете состоит профессором с 1849 г. Литературную же деятельность он начал с 1819 г., написав на 18-м году жизни арабскую грамматику на арабском языке. Таким образом, *50-летний юбилей С.Петербургского университета совпадает с 50-летием авторской деятельности г. Казем-Бека, обогатившей отечественную, западноевропейскую и мусульманскую литературу множеством ученых трудов, из коих иные только им одним в целой Европе и могли быть совершены с тем знанием дела, которым [он] отличался.* В 55-ти напечатанных работах г. Казем-Бека на языках арабском, персидском, турецком, русском, французском и английском, он касается мусульманского Востока в отношениях историческом, религиозном, юридическом, лингвистическом,

литературном, внося всюду при глубокой мусульманской учености своей, соединяющейся с европейским образованием, фактическое знание и верную мысль... Изучению тюркских наречий содействовал он изданием превосходной грамматики турецко-татарского языка и учебных пособий по тому же языку для Военной Академии. «Ключ к словам и выражениям Корана», составленный г. Казем-Беком, есть пособие, за которое в высшей степени благодарны ему как мусульманский мир, так и ориенталисты всех стран, исследующие этот мир. Сочинение его: "Баб и бабиды" – лучший источник для ознакомления с религиозным брожением в современной Персии».

«Сын мусульманских родителей, г. Казем-Бек, – подчеркивал упомянутый журнал, – принял христианство сознательно и, ревнуя о распространении его между бывшими иноверцами своими, перевел на татарский язык: четырех евангелистов, деяния и послания апостольские, псалтирь, часослов, литургию св. Иоанна Златоуста, пространный катихизис и некоторые другие религиозные книги, напечатанные по благословению Св. Синода. Но важнейшими трудами г. Казем-Бека считаются труды его по ознакомлению христианского мира с законоведением мира магометанского». Упомянув наиболее значимые из 55-ти опубликованных работ А.К. Казем-Бека, редакция «Журнала Министерства Народного Просвещения» в заключительной части своего пространного сообщения сочла необходимым с сожалением подчеркнуть: «Обширные труды его на арабском языке по истории литературы мусульманского мира, а на русском – по истории географии Кавказа – остаются, за недостатком средств, неизданными»[29].

С учетом того, что было сделано отечественными ориенталистами в последующие 120–130 лет, нетрудно представить, величие научного подвига А.К. Казем-Бека, пользовавшегося и после своей кончины огромным авторитетом не только у своих коллег-современников, но и продолжателей лучших традиций отечественного востоковедения в наши дни.

А.К. Казем-Бека и В.П. Васильева связывала не только совместная преподавательская работа (сначала в Казанском университете, а затем в Петербургском), но и общие научные проблемы. Порой они самостоятельно занимались разработкой взаимосвязанных исторических сюжетов, в том числе касающихся истории исповедующих ислам народов Центральной Азии (уйгуров, хуэй и др.). Еще в 1841 г. А.К. Казем-Бек опубликовал в «Журнале Министерства Народного Просвещения» статью под названием «Исследования об уйгурах», заинтересовавшая впоследствии В.П. Васильева. Среди восточных рукописей, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская Национальная библиотека, С.Петербург) есть рукопись 1885 г. под китайским названием «Хуэй-хуэй юань-лай», содержащая сведения о мусульманах в Китае, начиная с династии Тан (618–907). На рукописи имеются многочисленные пометы В.П. Васильева со свободным переводом содержания её отдельных пассажей. На одной из ее страниц В.П. Васильев оставил следующую запись: «В У[ниверситете]тской библиотеке есть подобная поэма (четыре книжечки) почти под тем же названием и трактующая о том же»[30].

О деловом характере контактов между А.К. Казем-Беком и В.П. Васильевым свидетельствует, например, хроника заседаний Совета Петербургского университета в период пребывания первого на посту декана факультета восточных языков. Достаточно характерна такая протокольная запись: «15 апреля [1866 г.] Факультет вост. яз. донес, что приготовление речи к предстоящему университетскому акту принял на себя проф. Васильев и что его сочинение [для публичного выступления] будет озаглавлено: «О движении мусульманства в Китае»[31].

7 мая 1866 г. декан факультета восточных яз. Казем-бек сообщил на заседании фак-та о своем желании отправиться на каникулы в Казанскую, Новгородскую (м.б. точнее Нижегородскую. – *А. Х.*) и Астраханскую губернии. В связи с этим бы-

ло решено ходатайствовать о поручении В. П. Васильеву выполнять во время отсутствия Казем-Бека обязанности декана[32].

О том, как высоко А.К. Казем-Бек оценивал научные труды В.П. Васильева, позволяет судить, например, факт представления им своего коллеги к награждению. В документе, составленном по этому поводу 3 марта 1869 г. за подписью декана факультета восточных языков, в частности, подчеркивалось: «Когда он [Васильев] принял на себя преподавание маньчжурского языка, то в России не было решительно никаких руководств для занятий этим предметом. Проф. Васильев издал следующие сочинения: 1) Маньчжурскую хрестоматию, 2) Маньчжурско-русский словарь, 3) географию Маньчжурии и 4) Маньчжуры во времена династий Юань и Мин. Сверх того, составлена маньчжурская грамматика, на печатание которой Советом университета выдано пособие, и если этот труд [еще] не издан, то вследствие других изданий, предпринятых г. Васильевым». «Таким образом, – подчеркивалось в представлении А.К. Казем-Бека, – профессором *Васильевым положено прочное основание к изучению маньчжурского языка в России»* (преподаванием которого В.П. Васильев занимался 13½ лет. – *А. Х.*)[33].

В этой связи уместно подчеркнуть, что маньчжуроведение являлось лишь одной сферой приложения исследовательского таланта В.П. Васильева. Чтобы полнее представить его научный подвиг, достаточно обратиться к оценкам опубликованных работ этого ученого ведущими востоковедами (тюркологами И.Н. Березиным и А.К. Казем-Беком, индологами И.П. Минаевым и С.Ф. Ольденбургом), которые в разные годы (чаще всего в качестве рецензентов высоко оценивали научные достижения В.П. Васильева, обладавшего, по словам современников, чудовищною по своей глубине и широте эрудицией относительно всего того, что касалось Востока. Между тем, наука о Востоке во времена В.П. Васильева еще только складывалась, причем порой воспринималась малокомпетентными авторами как довольно легкое занятие[34].

Довольно разностороннюю характеристику В.П. Васильеву по случаю его 60-летней научной деятельности дала популярная петербургская газета «Новое время», которая 24 декабря 1899 г. (5 января 1900 г.) предложила своим читателям следующую информацию:

«Сегодня, 23 декабря торжественно чествовалось 60-летие ученой деятельности заслуженного ординарного профессора С.Петербургского университета по кафедре китайского языка и [маньчжурской] словестности, ординарного академика имп. Академии Наук, доктора восточной словестности д.т.с. Василия Павловича Васильева. *Многочисленный ряд выдающихся ученых работ в области востоковедения давно уже доставил маститому юбиляру европейскую известность и поставил его имя в ряду первейших европейских синологов и знатоков крайнего* [Дальнего] *Востока.* Василий Павлович с самого же начала, по окончании курса Казанского университета по разряду монгольского и татарского языков посвятил себя изучению истории языков и литературы китайской, тибетской и маньчжурской вначале в качестве члена Пекинской духовной миссии, а потом – профессора Казанского и Петербургского университетов, обнаруживая поразительную неутомимость в работе и внося всюду присущий ему интерес к научным вопросам.

Из множества ученых работ, обогативших науку и русскую литературу, особенно видное место занимают его сочинения по буддизму и вообще по религиям Востока, переведенных с русского на европейские языки: «Буддизм, его догматы, история и литература», «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм» и др. Не меньшее значение имеют и его крупные труды по разным другим отделам знаний, в том числе по географии: «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях», «Описание Маньчжурии» и др.; по истории: «История и древность восточной части Средней Азии от X до XIII в.», «Русско-китайские трактаты».

В Петербургском университете, профессором которого Василий Павлович состоит с самого основания факультета восточных языков (с 1855 г. – *А. Х.*) ему пришлось озаботиться составлением учебников и руководств для студентов по китайскому и монгольскому языкам и *его учебники* «Китайская хрестоматия», три част[и] с примечаниями, «Очерки китайской литературы», «Анализ китайских иероглифов», две час[ти], «Маньчжурская хрестоматия», «Маньчжурско-русский словарь» и др., *написанные несколько лет назад, до сих пор служат главной основой [обучения] на китайско-маньчжурско-монгольском разряде Восточного факультета*. Особенную же его заслугу в этом отношении составляет изобретенная им графическая система китайских иероглифов, до сих пор являющаяся единственной системой, вполне пригодной для изучения китайской письменности[35].

В ознаменование его особых заслуг С.Петербургский университет в 1887 г. избрал его по случаю 50-летней службы в свои почетные члены. Неизменная доброта, сердечная отзывчивость, постоянная готовность помогать всем, обращающимся к нему, характеризуют личные качества маститого ученого, и все, как сослуживцы, так и слушатели глубоко ценят его, относясь к нему с величайшею любовью и уважением».

Касаясь подробностей юбилейных торжеств, посвященных В.П. Васильеву, газета «Новое время», в частности, сообщала:

«Поздравить юбиляра явился к нему на квартиру весь факультет восточных языков в полном составе. Декан факультета барон В.Р. Розен прочел от имени факультета весьма сочувственный адрес, который тут же и вручен был юбиляру. Глубоко тронутый приветствием, юбиляр горячо благодарил своих товарищей за память о нем. Затем представилась специальная депутация студентов от всех курсов Восточного факультета, в свою очередь поднесшая [свой] приветственный адрес, вложенный в изящную папку, в котором характерно очерчена светлая личность юбиляра как учителя и человека.

В течение дня являлись многие академики, друзья и почитатели. Присланы и телеграфные приветствия».

Как и в 1887 г., когда научная общественность России широко отмечала 50-летие научно-педагогической деятельности В.П. Васильева, по случаю нового юбилея делегация Казанского университета, возглавляемая проф. Александровым, навестила знаменитого востоковеда в с. Каинки Свияжского уезда, где находилось имение, оставленное ему женой – дочерью И.М. Симонова (участника кругосветной экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в 1819–1821 гг., и ректора Казанского университета в 1845–1855 гг.). Основываясь на сообщении местной печати о визите делегации представителей научных организаций Казани к В.П. Васильеву, одна из ведущих российских газет рассказывала об этом событии: «Делегация от Казанского университета, прибыв в Каинки, застала там многочисленных родных и знакомых, собравшихся поздравить маститого ученого. В числе их были и такие, которые на редкий юбилей прибыли из Средней Азии... университетская депутация приветствовала В.П. Васильева от имени его alma matris и по прочтении адреса вручила его юбиляру..., после чего проф. Александров прочитал адрес от имени Казанского Археологического общества. Почтенный юбиляр был глубоко тронут горячими поздравлениями университета и со слезами на глазах благодарил родной университет за память и поздравления, тем более для него важные и приятные, что с Казанским университетом связаны лучшие годы жизни и деятельности его. Несмотря на свои 80 лет, юбиляр был бодр и весел, острил и шутил, любуясь забавами и увеселениями своего молодого поколения, играми и танцами своих внучат, старавшихся развлекать и забавлять своего маститого и знаменитого деда».

Успехи Казанского университета в области ориенталистики, неразрывно связанные с научно-педагогической деятельностью А.К. Казем-Бека и В.П. Васильева, явились прочным фундаментом для последующего развития отечественной науки. Благодаря животворной преемственной связи между

представителями казанской школы и петербургской российское востоковедение на новом этапе своего развития обогатилось новыми разработками наиболее актуальных научных проблем, что позволило не только значительно расширить круг изучаемых дисциплин, но и сделать новые важные открытия, касающиеся истории и культуры народов Азии. Благодаря археологическим и этнографическим находкам в Центральной Азии Россия на рубеже XIX–XX веков заняла прочные позиции в мировом востоковедении, что стало возможным благодаря инициативным действиям многих русских исследователей, опиравшихся в своих изысканиях на труды А. К. Казем-Бека и В. П. Васильева.

Заметный след, оставленный этими учеными в истории казанского востоковедения, не был забыт россиянами даже в трудные годы русско-японской войны. Не случайно 5 ноября 1904 г. на страницах газеты «Русские ведомости» появилась пространная статья, приуроченная к 100-летию Казанского университета, в которой особое внимание было уделено роли Казани и ее университета в изучении Востока. В этой статье, в частности, говорилось: «Казань, бывшая столица татарского ханства, с ярко сохранившимися следами татарского периода в памятниках и населении, благодаря своему географическому положению, по мнению современников, была предназначена судьбой для того, чтобы сделаться «деятельным центром изучения» в России восточного мира. Учрежденный... с целью «приуготовлять юношество для вступления в различные звания государственной службы», Казанский университет должен был служить звеном, связывающим население восточной окраины с великорусским народом...

Один из тогдашних газетных хроникеров, приветствуя высокопарным стилем «казанских муз» основание нового «вертограда», писал: «Здесь Европа подает руку Азии, и гордая, древняя в сединах своих Азия смиряется перед юною образованною Европой», [здесь] «воздвигается в столице бывшего царства татарского храм просвещения, долженствующий про-

лить свет свой от Кавказа до Кыхтока в Америке, почти от пределов Малороссии и московских [пределов] до китайских, [чтобы] среди многочисленных племен [и] народов, в шалашах, кибитках, пещерах и палатах оживлять пособием своим [распространением знаний] промышленность, земледелие, торговлю, жизнь общественную. «Отсюда, – говорил на торжественном акте открытия Казанского университета профессор красноречия, стихотворства и языка российского Василий Перевозчиков, – выйдут купцы, дальновидные в торговых соображениях; отсюда выйдут знающие судьи, отсюда выйдут искусные воины, *отсюда выйдут и наставники юношества просвещенные, благоразумные, которые спасительным светом науки озарят и самые хижины, следовательно, водворят в них возможное счастье на земле*».

«Уже в первые годы деятельности университета мы, – указывал автор юбилейной публикации, – встречаемся с несомненным успехом (в области математических наук – в это время университет воспитал нашего знаменитого математика Лобачевского...). Ранее других [факультетов] сформировался в Казанском университете восточный факультет, почва для которого была подготовлена еще в XVIII веке, когда в казанских гимназиях было преподавание татарского языка, а в 1802 г. заведена была и мусульманская типография. Меры эти были вызваны практическою необходимостью иметь переводчиков для международных и внутренних сношений с восточно-азиатскими народами. ...прочное основание восточному отделению Казанского университета было положено трудами знаменитого ориенталиста [Христиана-Мартина-] Френа и проф. Эрдмана.

По уставу 1835 г. преподавание восточных языков вводилось в известных пределах на философских факультетах всех университетов, но особенно усиленно оно было в Казанском университете, где в течение 1837–1842 гг. были последовательно открыты кафедры китайского, персидского, армянского языков и санскрита. В это время здесь выдвинулись такие уче-

ные, как знаменитый монголист О.М. Ковалевский, синолог В.П. Васильев, языковеды [Александр Касимович] Казем-Бек, Попов, Петров, Березин. К сожалению, Казанский университет очень скоро лишился... восточного факультета: в 1854 г. последний был переведен вместе с восточным отделом библиотеки, богатым собранием рукописей и обширным минц-кабинетом в Петербургский университет».

Интересной и значимой представляется оценка научно-педагогической деятельности А.К. Казем-Бек в стенах Петербургского университета, которую удалось найти в случайных и хаотичных дневниковых записях В. П. Васильева, не предназначенных для опубликования. В одной такой записи от 6 мая 1891 г. ученым предпринята попытка оценить историю петербургского востоковедения с точки зрения вклада в нее каждого крупного ориенталиста, работавшего на факультете восточных языков. К этому шагу В.П. Васильева подвигнул юбилей его давнего коллеги по Казани и Петербургу И.Н. Березина (1818–1896). Разделив востоковедов, преподававших на факультете восточных языков Петербургского университета с момента его основания в 1855 г., на пять групп, В.П. Васильев отдавал пальму первенства А.К. Казем-Беку, причислив его к первому высшему разряду. При этом В.П. Васильев отнес себя ко второму разряду, к которому он причислял И.Н. Березина, К.Ф. Голстунского, В.В. Григорьева, К.А. Коссовича, Д.И. Чубинова. Нетрудно представить, сколь высоким авторитетом среди коллег-востоковедов в Казани и Петербурге пользовался Мирза А.К. Казем-Бек, если он удостоился столь высокой похвалы от требовательного к себе и людям акад. В.П. Васильева, открывшего, подобно А.К. Казем-Беку, новые горизонты в изучении духовной и материальной культуры народов Востока[36].

Следуя лучшим традициям казанского и петербургского востоковедения и используя новые подходы в разработке наиболее актуальных проблем, российские ученые не только значительно расширили границы изучаемых дисциплин, но и сде-

лали важные открытия, стяжавшие им славу не только в России, но и за ее пределами до и после 1917 г.

---

[1] **Васильев В.П.** Рец. на кн.: Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям, обитающим в Сибири. Соч. Нила, архиепископа Ярославского. – СПб., 1858 // *ЖМНП. – 1858. – № 11. – Отд. VI.* – С. 93.

[2] Подробнее см.: **Валеев Р.М.** Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX в.). – Казань, 1998.

[3] **Герцен А.И.** Письмо из провинции. – Собр. соч. – М., 1954. – Т. 1. – С. 131.

[4] Богословский вестник. – 1898. – Янв. – С. 92.

[5] Герцен А.И. Указ. соч.

[6] Казанский вестник. – 1832. – Авг. – С. 590.

[7] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 42. – Д. 5. – Л. 1–2.

[8] Подробнее о начальном этапе жизненного пути и творческой деятельности Василия Павловича Васильева см.: **Хохлов А.Н.** Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // *История и культура Китая (Сб. памяти акад. В.П. Васильева). – М., 1974.* – С. 28–70.

[9] Подробнее о преподавательской и научной деятельности Александра Касимовича Казем-Бека (Мирзы Мухаммеда Али) см.: История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.. 1990. – с. 129–134.

[10] АВПРИ. – ф. Главный архив II–12. – 1824. – д. 2. – л. 1–2.

[11] Там же. – Л. 3.

[12] Там же. – Л. 4.

[13] Там же. – Л. 8.

[14] Там же. – Л. 14.

[15] Там же. – Л. 16.

[16] Там же. – Л. 17.

[17] Там же. – Л. 19.

[18] Там же. – Л. 21.

[19] Там же. – Л. 23.

[20] Отдел рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета. – Ед.хр. 217. – Л. 62.

[21] Там же. – Л. 48.

[22] Там же. – Л. 204.

[23] ЦГА Татарстана. – Ф. 87. – Оп. 1. – Д. 3616.

[24] Там же. – Ф. 977. – Оп. 1. – Д. 9904 (1854 г.). – Л. 752.

[25] Подробнее о научной деятельности А.К. Казем-Бека в Петербургском университете см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – С. 8–10 и др.

[26] Цит. по: **Хохлов А.Н.** В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани. – С. 33.

[27] ЦГА Татарстана. – Ф. 87. – Оп. 1. – Д. 7296 (1854 г.). – Л. 116.

[28] Там же. – Л. 117.

[29] ЖМНП. – 1869, – № 3, – с. 22–25.

[30] ГПБ, Отдел рукописей. Кит. н. п. – № 118.

[31] ЖМНП. – 1866. – № 7. – Отд. II. – С. 126; Там же. – № 12. – Отд. II. – С. 396.

[32] ЖМНП. – 1868. – № 8. – Отд. II. – С. 351.

[33] ГИАЛО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 5501. – Л. 236.

[34] Подробнее о научной деятельности В.П. Васильева в Петербургском университете см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – С. 266–274, 309–320 и др.

[35] Подробнее см.: **Хохлов А.Н.** Востоковед В.П. Васильев и его графическая система расположения китайских иероглифов // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. X Международная конференция. Материалы. Москва, 20–21 июня 2000 г. – М., 2000,* – С. 189–202.

[36] СПб. филиал Архива РАН. – Ф. 777. – Оп. 1. – Д. 214. – Л. 47

Как свидетельствуют архивные и опубликованные материалы, А.К. Казембек и В.П. Васильев энергично выступали против контрафакции («пиратских действий») относительно своих переводов восточных сочинений другими лицами. См., например: РГАЛИ. – Ф. 215. – Оп. 1. – Ед.хр. 15. – Л. 64 (судебный иск А.К. Казем-бека, выдвинутый в 1861 г.).

Принятые сокращения названий архивов и библиотек

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
ГИАЛО	– Государственный исторический архив Ленинградской области
ГПБ	– Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП	– Журнал Министерства Народного Просвещения
ЦГА Татарстана	– Центральный государственный архив Татарстана
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы

З.М. Шаляпина

Система японско-русского автоматического перевода ЯРАП/1: первые экспериментальные результаты [1]

1. Введение

Задача исследования японского языка с точки зрения автоматизации перевода с него на другие языки уже давно привлекает внимание как лингвистов, так и специалистов по искусственному интеллекту. При этом рассматривается соотношение японского языка, прежде всего, с английским и немецким языками (см., например, [Nagao et al. 1985], [Miura et al. 1992], [Rqsner 1986] и др.), а также с рядом других европейских и азиатских языков, в том числе и с русским. Однако русский язык до настоящего времени представлен большей частью лишь в простейших компьютерных словарях и гипертекстовых разработках прикладного характера ([Юрченко-Блехман 1991], [Загребельный 2001]). Систематических фундаментальных исследований, которые были бы ориентированы на задачи автоматического перевода и допускали экспериментальную верификацию, почти не ведется. Практически единственным научным проектом, восполняющим этот недостаток, является экспериментальный комплекс ЯРАП для лингвистических исследований по японско-русскому автоматическому переводу, раз-

[1] Исследование выполняется при частичной финансовой поддержке РФФИ (гранты №№ 01-01-00598, 04-01-00623).

рабатываемый в Институте востоковедения РАН ([Шаляпина 1980], [Modina-Shalyapina 1994], [Шаляпина и др. 2001]). К настоящему времени в рамках этого комплекса создана первая действующая версия экспериментальной системы японско-русского автоматического перевода – ЯРАП/1, результаты работы которой и будут нами рассмотрены.

Лингвистическое обеспечение системы ЯРАП/1 основано на сущностном подходе к описанию языка [Шаляпина 1999] [2]. Согласно данному подходу, основной единицей описания для любого языкового уровня является элементарная лингвистическая сущность (*ЭЛ-сущность*, или просто *сущность*), рассматриваемая в совокупности своих свойств. Основное требование к ЭЛ-сущности диктуется ее элементарностью и состоит в том, что она либо в принципе нечленима на более мелкие компоненты, либо имеет свойства, не выводимые из свойств ее компонентов. Других ограничений определение ЭЛ-сущности не содержит: она может относиться к любому лингвистическому уровню и быть любой степени общности. ЭЛ-сущностями являются, например, графемы, морфы, морфемы, морфологические категории, лексемы, идиоматические словосочетания, лексико-семантические классы, части речи и т.п.

Все свойства, характеризующие ту или иную языковую ЭЛ-сущность, задаются в сопоставляемом ей отдельном описании – *статье* данной ЭЛ-сущности. В число этих свойств, помимо различного рода категорий, признаков и характеристик самой описываемой сущности, входят также правила и отношения, определяющие способы функционирования в языковой системе и в тексте как самой данной сущности, так и

---

[2] В более ранних наших работах данный подход назывался лексикографическим [Шаляпина 1975] или словоцентрическим [Шаляпина 1991], однако термин "сущностный" передает его смысл более точно, поскольку, как показано ниже, понятие сущности в центральном для этого подхода противопоставлении "сущность" – "отношение" не ограничено только лексическими (словесными) единицами.

единиц, "представителем" которых в том или ином аспекте она может служить. В общем случае языковая ЭЛ-сущность выступает в роли такого "представителя" одновременно для двух типов единиц: более частных и более крупных, чем она сама.

Первый тип составляют языковые или текстовые конкретизации рассматриваемой сущности, или ее *инстанциации*. Для лексем, морфологических показателей и других максимально конкретных языковых ЭЛ-сущностей инстанциациями являются текстовые ЭЛ-сущности, представляющие собой их употребления. Для обобщенных ЭЛ-сущностей, задающих формально-грамматические или лексико-семантические классы более частных языковых ЭЛ-сущностей, множество инстанциаций включает как все языковые ЭЛ-сущности, входящие в соответствующий класс, так и все конкретизации этих последних, вплоть до текстовых инстанциаций наиболее конкретных из них. Так, конкретизациями частеречной ЭЛ-сущности являются, во-первых, все более мелкие грамматические классы, выделяемые в рамках данной части речи, во-вторых, все относящиеся к ней лексемы и идиоматические словосочетания и, в-третьих, все текстовые инстанциации всех этих лексем и словосочетаний.

Ко второму типу представляемых ЭЛ-сущностью единиц относятся все те неэлементарные и неидиоматичные единицы, которые являются по отношению к ней более крупными целыми, т.е. содержат в себе данную сущность или некоторую ее конкретизацию (инстанциацию) в качестве своего составного компонента того или иного уровня вложения.

В результате такая, например, ЭЛ-сущность, как лексема или граммема, является в той или иной мере "представителем" всех словоформ, содержащих инстанциации этой ЭЛ-сущности, всех словосочетаний, содержащих эти словоформы, всех предложений, содержащих такие словосочетания, и т.п. Соответственно, в статье ЭЛ-сущности в общем случае отражаются свойства всех таких единиц – в той части, в которой эти свойства коррелируют с тем фактом, что рассматриваемые

единицы инстанциируют данную ЭЛ-сущность или содержат ее инстанциации. И наоборот, свойства любой неидиоматичной языковой или текстовой единицы могут быть вычислены как результат *наследования* ею свойств всех представляющих ее ЭЛ-сущностей (с учетом их позиций в составе этой единицы) по тем или иным правилам такого наследования [3].

В соответствии с данным подходом, вся описательная (информационная) часть лингвистического обеспечения системы ЯРАП формируется как инвентарь статей конкретных и обобщенных (грамматических) ЭЛ-сущностей. По типам описываемых сущностей и вводимых ими лингвистических свойств их статьи в описании каждого языка организованы в лексические и грамматические словари соответствующих типов, которые и служат источником лингвистических знаний для всех предусматриваемых в системе процедур обработки текстов. Сами процедуры строятся в ней как автономные относительно учитываемых ими конкретно-лингвистических знаний, т.е. опираются только на формат их записи, но не содержат их непосредственно и при обработке тех или иных единиц текста всякий раз обращаются за релевантными для этих единиц знаниями к соответствующим словарям. Таким образом, система, вообще говоря, универсальна относительно участвующих в ней языков и может в дальнейшем явиться базой для построения на ее основе многоязычного текстового процессора.

Математическое обеспечение системы ЯРАП/1 разрабатывается с опорой на объектно-ориентированный подход, в рамках которого все лингвистические единицы, от ЭЛ-сущностей до предложения и текста, интерпретируются как объекты, связанные между собой отношениями наследования. Тем самым обеспечивается активная роль текста и словаря в организации процедур лингвистической обработки, что повы-

---

[3] О типах наследования, реализуемых в разных компонентах системы см., например, [Модина-Шаляпина 1995], [Шаляпина и др. 1999].

шает эффективность этих процедур и способствует сокращению выполняемых ими переборов.

Ниже кратко перечисляются типы лингвистических операций, моделируемые описываемой первой версией комплекса ЯРАП, приводятся примеры полученных на ее базе экспериментальных переводов и дается комментарий к этим примерам. В комментарии указываются, в частности, возможности улучшения получаемых переводов в рамках тех типов лингвистических знаний, которые могут быть заданы средствами уже реализованного в рамках данной версии комплекса формального аппарата.

2. Лингвистические операции, моделируемые в рамках системы ЯРАП/1

Японский язык рассматривается в системе ЯРАП/1 в своей графической форме. Для ввода японских текстов в рамках комплекса ЯРАП разработана специальная система ИРИС (*И*ероглифический *Р*едактор *И* *С*правочник по японской иероглифике и лексике), ориентированная на русскоязычных пользователей. Система обеспечивает как редакторские, так и справочные функции, включая доступ к словарной базе комплекса ЯРАП, которая может использоваться при этом в качестве японско-русского и русско-японского словаря [Любченко и др. 1999].

При вводе японских текстов средствами системы ИРИС они кодируются в формате ari с помощью мнемонической кодировки, разработанной специально для комплекса ЯРАП [Шаляпина 1986, 1987] и позволяющей существенно упростить создание и отладку его программ. Коды иероглифов опираются на традиционную ключевую систему их словарной организации, коды знаков слоговых азбук (хираганы и катаканы) базируются на японском табличном алфавите годзюон [4]. Исходные

---

[4] Код иероглифа начинается с буквы *И*, после которой указывается номер ключа данного иероглифа (три цифры, первые две из которых могут быть

японские тексты могут быть введены также в любом другом компьютерном редакторе, предусматривающем форматы sjs (как, например, Word 2000), njx или jis: для этих форматов А.В. Костыркиным построен интерфейс WARO, обеспечивающий их автоматическое преобразование в формат ari.

Переводческая обработка введенных текстов опирается на традиционную трехэтапную схему процесса перевода:

анализ переводимого текста (в пределах входного языка)

↓

межъязыковой переход

↓

синтез текста перевода (в пределах выходного языка).

Соответственно, в комплексе выделяются:

- компонент внутриязыкового японского анализа JapAn;
- компонент японско-русского межъязыкового перехода JaRus, и
- компонент внутриязыкового русского синтеза RUSSLAN.

Программное обеспечение компонентов JapAn и JaRus в описываемой здесь системе ЯРАП/1 как первой очереди комплекса ЯРАП создано Л.С.Модиной в среде языка логического программирования Эрити Пролог. В работе над их лингвисти-

---

нулями), число черт в иероглифе в дополнение к ключу (две цифры, первая из которых может быть нулем) и порядковый номер иероглифа в группе с данным ключом и данным числов черт по словарю Фельдман 1977 (две цифры, первая из которых может быть нулем). Коды знаков двух слоговых азбук, катаканы и хираганы, задаются трехзначными числами, вводимыми, resp.,русскими буквами *К* и *Х*. Первая цифра соответствующего числа задает согласный компонент кодируемого слога (номер столбца, к которому этот слог относится в таблице алфавита годзюон), третья – гласный компонент слога (номер строки в алфавите годзюон), вторая (средняя) цифра задает дополнительные графические свойства кодируемого знака: озвончение – наличие *нигори* (1), оглушение – наличие *ханнигори* (2), тот факт, что данный знак употреблен в "уменьшенном" варианте – сдвинут в тексте относительно своего столбца или строки (3), – или же указывает на отсутствие всех этих особенностей (0).

ческим обеспечением, помимо автора статьи, участвуют: для компонента JapAn – Е.С. Тарасова, А.С. Панина, Н.И. Сенина и В.И. Сивцева, для компонента JaRus – А.С. Панина. Программное обеспечение компонента RUSSLAN выполнено М.И. Кановичем на языке программирования Турбо Паскаль, лингвистическое обеспечение данного компонента разрабатывается с участием О.А. Штерновой.

Рассмотрим теперь более подробно функции, выполняемые каждым из трех компонентов при моделировании соответствующих этапов обработки японских текстов.

2.1. На этапе ***внутриязыкового японского анализа*** устанавливается *лексико-морфологический* (ЛМ-) *состав* входного текста и рассматриваются два аспекта его структурной организации: *структурно-синтаксический* и *позиционно-коммуникативный*.

Анализ ЛМ-состава текста включает:

- выделение в нем отдельных предложений, обрабатываемых далее по очереди;
- разбиение текущего предложения на *первичные фрагменты* (по знакам препинания, а также по некоторым другим знакам или сочетаниям знаков японского письма, указывающим на границы морф или слов);
- сегментацию каждого фрагмента на *графико-морфологические* (ГМ-) *элементы* – минимальные выражения значимых единиц японского языка;
- *лексико-морфологическую интерпретацию* полученных ГМ-элементов в терминах перечисленных для каждого из них в словаре *ЛМ-элементов* – лексем (дифференцированных относительно своих значений), грамматических показателей и их сочетаний;
- при неоднозначности ЛМ-интерпретации ГМ-элементов – выбор тех из сопоставленных им альтернативных ЛМ-элементов, которые совместимы с другими ЛМ-элементами

в составе той же словоформы и словоформ, соседних с ней слева и справа.

В результате формируется *ЛМ-представление* текста – последовательность предположительно входящих в него словоформ, каждая из которых задается как цепочка образующих ее ЛМ-элементов. И сегментация текста, и ЛМ-интерпретация ее результатов могут быть неоднозначными, так что в общем случае для текста строится несколько альтернативных ЛМ-представлений. Перечень таких альтернативных ЛМ-представлений упорядочивается по степени их предпочтительности, определяемой с учетом относительной частотности включенных в них ЛМ-элементов по сравнению с другими ЛМ-интерпретациями тех же ГМ-элементов. При отсутствии в словаре сведений о такой частотности определяющим является порядок следования в нем статей ЛМ-элементов как альтернативных интерпретаций одного и того же ГМ-элемента.

Структурная организация текста рассматривается в системе ЯРАП/1 для каждого предложения отдельно. Отображенная в данной версии системы модель соотношения японского и русского языков не рассчитана пока на сложные случаи языковой неоднозначности [5]. Поэтому при обработке каждого предложения в данной версии системы берется только один – наиболее предпочтительный – из полученных вариантов его ЛМ-представления. Для всех предложений, приводимых ниже в п. 3, такой первый вариант их ЛМ-представления является правильным, но при большем числе примеров неизбежны случаи, когда это будет не так.

В идеале целью структурно-синтаксического анализа является построение для предложения *структуры зависимостей*, реализующих семантико-синтаксические валентности его

---

[5] Исследование более продвинутых механизмов обработки лексической и синтаксической неоднозначности для японского языка ведется в настоящее время соответственно А.С. Паниной и А.В. Костыркиным (см., например, [Панина 1999], [Костыркин 2000]).

словоформ. В описываемой версии системы компонент, который реализовал бы такой анализ в достаточно общем виде, пока отсутствует, и структура зависимостей строится неполностью: выделяются лишь наиболее стандартно оформленные связи типа подлежащее-сказуемое и сказуемое-дополнение, устанавливаемые "по умолчанию". Зависимости, если они установлены, задаются как реляционные характеристики словоформ, включаемые в представления самих соответствующих словоформ. При этом такие характеристики указываются при обеих словоформах, связанных некоторой зависимостью. Каждая реляционная характеристика задает: направление описываемой ею зависимости относительно данной словоформы; позицию, которую в рамках этой зависимости занимает носитель реализуемой ею валентности; и сведения, идентифицирующие реализуемую валентность в модели управления ее носителя.

Для анализа позиционно-коммуникативных аспектов структуры текста используется аппарат *лексико-синтаксических* (ЛС-) *групп* словоформ, позволяющий строить их иерархию как систему небинарных составляющих. Он служит прежде всего для объединения локально связных словосочетаний, обладающих коммуникативной целостностью и примерно соответствующих членам предложения: существительных с их адъективными определениями; глаголов с непосредственно предшествующими им наречиями; составных числительных; сцеплений частиц; и т.д.

Оба типа структурного анализа в настоящее время выполняются совместно с выбором переводных эквивалентов для японских ЛМ-элементов на этапе так наз. *предпереводческого анализа* (см. ниже).

2.2. ***Японско-русский межъязыковой переход*** имеет своей задачей преобразование результатов анализа входного текста в представление, ориентированное на русский синтез, или *РС-представление*. В нем уже не должно быть японских единиц,

но только их русские соответствия, организованные как формальные определения русских словоформ, расположенные в том порядке, в каком их реализации должны стоять в окончательном русском переводе.

В ситуациях, когда результаты внутриязыкового анализа не содержат всей необходимой для межъязыкового перехода информации – например, из-за неполноты или неудачи тех или иных из процедур этого анализа, межъязыковой переход берет на себя также функции "аварийного" анализа, выполняя их параллельно с межъязыковыми операциями как таковыми. В частности, поскольку в текущей версии системы, как уже сказано, компонент структурно-синтаксического анализа пока не реализован в общем виде и в представлении японского текста, поступающем на вход межъязыкового перехода отсутствуют сведения о синтаксических зависимостях отсутствуют, эти зависимости частично эксплицируются в процессе самого межъязыкового перехода, а частично их отсутствие компенсируется другими средствами, прежде всего за счет позиционно-синтаксической обработки.

Обработка результатов внутриязыкового японского анализа входного текста для формирования его РС-представления разбита в системе ЯРАП/1 на два этапа: этап *предпереводческого* (ПП-) *анализа* и этап *собственно перевода* [6].

2.2.1. ***Предпереводческий анализ*** аналогичен внутриязыковому в том, что входе такого анализа в тексте не могут устраняться или перемещаться относительно друг друга имеющиеся в нем единицы или вводиться новые. Возможно лишь дополнение и в какой-то мере уточнение информации к этим единицам – прежде всего информации об их переводных соответствиях. Тем самым минимизируется опасность искажения данных о

---

[6] Подробное описание операций межъязыкового перехода см. в [Модина-Шаляпина 1999]

собственных свойствах текста за счет элементов, привнесенных системой его межъязыковой обработки.

Как и внутриязыковой анализ, ПП-анализ имеет лексико-морфологический, структурно-синтаксический и позиционно-коммуникативный аспекты.

Лексико-морфологическая межъязыковая обработка (ЛМ-обработка) состоит в формировании для обрабатываемых японских единиц их контекстуальных *русских эквивалентов* (РЭ), включая выбор предпочтительного в данном контексте варианта РЭ для ЛМ-элементов, имеющих в своих словарных описаниях несколько таких вариантов.

Прежде всего, учитываются возможности частеречных переводческих транспозиций. Так, для единиц, допускающих как субстантивный, так и адъективный переводы, выбирается адъективный РЭ, если их ближайший правый контекст представляет собой существительное или его группу, субстантивный – в ином случае. Для существительных, имеющих, помимо субстантивного, глагольный перевод, последний выбирается в случае, если правый контекст существительного представляет собой "оглаголивающий" показатель *суру*[7] или какую-либо другую единицу, указывающую на выполнение этим существительным глагольной функции.

Еще один аспект межъязыковой ЛМ-обработки связан с тем, что в составе словарного РЭ японской единицы могут быть иметься элементы, относящиеся не к ней самой, но к ее ближайшему левому контексту. Это связано с той особенностью японского синтаксиса, что в нем зависимые единицы ("слуги"), за редким исключением, стоят слева от своих управляющих ("хозяев"). Поэтому единицам, которые часто встречаются в контактном расположении с какими-то из своих

---

[7] Данный показатель имеет двойственную природу, допуская трактовку и как служебный глагол, и как транспонирующий словообразовательный суффикс. Механизм частеречных транспозиций позволяет, среди прочего, нейтрализовать оппозицию этих двух трактовок.

"слуг", удобно приписывать в составе их словарных эквивалентов, помимо их собственных переводов, также сопровождающие их *признаки контактного морфолого-синтаксического управления* (*МС-признаки*) – русские М-категории, определяющие морфологическое оформление соответствующего слуги такой единицы при выборе для нее данного переводного эквивалента. При межъязыковой ЛМ-обработке единицы, содержащей МС-признаки в своем РЭ, эти признаки переносятся от нее влево к ближайшей единице, которая сама имеет РЭ с непустой лексемой. Тем самым в простейших случаях обеспечивается моделирование синтаксического управления "по умолчанию".

Этим способом отображается, например, влияние японских "падежных" частиц, послелогов и других маркеров управления на перевод предшествующих им (и управляемых ими) существительных. Такому маркеру, помимо его собственного переводного эквивалента (который чаще всего представляет собой предлог, союз или другую грамматическую или даже знаменательную единицу, но в частных случаях может быть и "нулевым", как для частиц *ва*, *га*, *о* и др.), приписывается также один или несколько признаков русских морфологических категорий, которые ЛМ-обработка этого маркера переносит в контекстный эквивалент оформляемого им слова.

Задача *структурно-синтаксических* (СтрСинт-) *межъязыковых операций* на этапе ПП-анализа в принципе состоит в том, чтобы рассмотреть все зависимости, которые должны были быть приписаны исходным японским словоформам на этапе внутриязыкового японского анализа, и выяснить, каким образом на основе этих зависимостей должны формироваться русские синтаксические отношения между переводными эквивалентами соответствующих словоформ. Прежде всего для каждой японской зависимости должно быть определено, может ли она отображаться в переводном РС-представлении стандартным образом – в виде такого русского отношения зависимостей, которое устанавливается между переводными соответст-

виями словоформ, связываемых исходной японской зависимостью, и при этом сохраняет основные характеристики этой зависимости: ее направление, позицию, занимаемую в данной паре словоформ носителем реализуемой валентности, и идентификатор самой валентности. Для зависимостей, отображаемых нестандартно, сведения о требуемых русских зависимостях – так наз. *реляционные отсылки* (*R-отсылки*), определяющие эти русские зависимости в качестве структурно-синтаксического контекста соответствующих русских словоформ – формируются непосредственно на данном этапе. До окончания ПП-анализа полученные R-отсылки помещаются в информацию к тем японским словоформам, чьим русским эквивалентам эти русские зависимости должны быть приписаны в РС-представлении, а исходные для них японские зависимости помечаются как не допускающие стандартного отображения.

При неполноте внутриязыкового японского анализа (как это имеет место в текущей версии системы) или при его неудаче (которая может последовать, например, в результате тех или иных алгоритмических сбоев) сведения о зависимостях в исходном для ПП-анализа представлении предложения могут отсутствовать. На этот случай ПП анализ предусматривает процедуры "аварийного" формирования некоторых из зависимостей между исходными японскими единицами. Поскольку для контактных зависимых, как уже упоминалось, их оформление по умолчанию при межъязыковом переходе может быть обеспечно лексико-морфологическими средствами, в рамках структурного ПП-анализа формируются прежде всего те зависимости, которые, будучи особенно существенны для результатов перевода, могут носить дистантный характер. В текущей версии системы это в основном связи типа "сказуемое-подлежащее" и "сказуемое-дополнение". Над формируемыми зависимостями сразу осуществляются и собственно межъязыковые СтрСинт-операции, так что в представления участвующих в них словоформ, вводятся одновременно и данные об этих японских зависимостях, и сведения об их русских соот-

ветствиях или о возможности получения таких соответствий стандартными средствами.

Позиционно-коммуникативные (ПК-) *межъязыковые преобразования* опираются на иерархию выделяемых в японском тексте ЛС-групп. При этом если возможность выявления на этапе ПП-анализа семантико-синтаксических зависимостей предусмотрена в системе ЯРАП/1 только в качестве "запасного варианта" для аварийных ситуаций, то построение структуры ЛС-групп рассматривается как одна из основных функций самого ПП-анализа, поскольку важнейшим требованием к ЛС-группам, помимо их позиционной связности и коммуникативной целостности внутри входного языка, является их способность служить позиционными единицами перевода, т.е. представлять собой единое целое относительно тех или иных из требуемых при переводе структурных преобразований.

Прежде всего, это касается преобразований позиционной структуры текста: перестановка ЛС-групп допускается только в пределах того уровня иерархии, к которому они сами принадлежат, т.е. только внутри непосредственно включающей их более крупной ЛС-группы. Соответственно, одним из признаков, указываемых для ЛС-группы при ее формировании в ходе ПП-анализа, является тип позиционных межъязыковых соотношений, действующих на цепочке ее компонентов – более мелких ЛС-групп или конкретных словоформ. По этому признаку различаются два класса ЛС-групп: группы, при переводе которых взаимное расположение их непосредственных составных компонентов сохраняется, и группы, для которых требуется инверсия этих компонентов – перестановка их в обратном порядке. В первом случае "позиционный признак" в информации к группе получает значение 0, во втором – 1.

В той версии системы ЯРАП/1, с помощью которой получены переводы, приводимые в п. 3, порядок своих компонентов сохраняют:

- сам текст как последовательность образующих его предложений;

- предложение как последовательность позиционно-коммуникативных фрагментов (ПК-фрагментов), отделенных друг от друга не-сочинительными знаками препинания и/или тематической частицей *ва*;
- группа существительного с его адъективными определениями;
- группа глагола с предшествующими ему наречиями;
- группа составного числительного;
- группа латинского вкрапления.

Для всех остальных групп и ПК-фрагментов порядок переводных соответствий их компонентов в формируемом РС-представлении инвертируется.

Еще одной характеристикой, определяемой для ЛС-групп при их формировании, является информация о том, каково соотношение свойств компонентов ЛС-группы со свойствами ее самой как целого. Это касается в основном морфологических и лексико-синтаксических категорий. Различаются три возможности:

- категории группы в целом не релевантны ни для одного из ее непосредственных компонентов;
- категории группы в целом релевантны для всех этих компонентов;
- категории группы в целом релевантны только для одного – главного – из ее непосредственных компонентов.

В зависимости от того, какой из этих трех случаев имеет место, группа получает "согласовательный признак" 0, 1 или 2.

2.2.2. ***Собственно перевод*** как второй этап межъязыкового перехода состоит в непосредственном выполнении тех межъязыковых преобразований, которые были установлены в ходе ПП-анализа как релевантные для позиционно-коммуникативных групп входного текста, и в окончательной переводческой обработке входящих в эти группы конкретных японских словоформ.

При выполнении первой задачи иерархия ЛС-групп, полученная в результате ПП-анализа, обрабатывается сверху вниз: от ЛС-группы, охватывающей все переводимое предложение или словосочетание, до представлений отдельных словоформ в ее составе. Первым шагом такой обработки является перенос приписанных группе морфологических и лексико-синтаксические категорий к тем ее компонентам, для которых они релевантны, согласно указанному для нее согласовательному признаку. Затем рассматривается позиционный признак группы и если он требует инверсии ее компонентов, они переставляются в зеркальном порядке. Если компоненты обрабатываемой группы сами являются ЛС-группами, аналогичным образом обрабатывается каждая из этих групп.

По окончании обработки всех ЛС-групп сведения о границах групп устраняются, и полученная цепочка японских словоформ с сопоставленной каждой из них двуязычной лингвистической информацией подвергается собственно переводческой обработке.

В ходе этой обработки состоит в замене имеющегося двуязычного представления каждой исходной японской словоформы на *лексико-синтаксический запрос* (*ЛС-запрос*) или цепочку нескольких ЛС-запросов в составе формируемого РС-представления. Каждый ЛС-запрос задает потенциальную русскую словоформу, указывая прежде всего ту лексическую единицу, от которой она должна быть образована, а также, насколько это зависит от данных японского языка, морфологические характеристики этой потенциальной словоформы, ее позицию в тексте, ее структурно-синтаксический (реляционный) контекст и ряд других признаков (в частности, признак возможной лексической обусловленности данной единицы ее реляционным контекстом).

Суть осуществляемой обработки сводится к следующему.

- Если русские эквиваленты, выбранные для лексического и морфологических компонентов японской словоформы, со-

четаются в рамках единичного ЛС-запроса, сведения об этих эквивалентах объединяются в *лексико-морфологический запрос* (*ЛМ-запрос*) в составе этого ЛС-запроса.

- Если русский эквивалент какого-либо (каких-либо) из компонентов исходной японской словоформы определен как многокомпонентное русское словосочетание, для каждого компонента такого словосочетания строится отдельный ЛС-запрос и ЛС-запросы, представляющие разные компоненты данного эквивалента, ставятся в том порядке, в котором сами эти компоненты даны в его составе.
- Для всех японских зависимостей, которые в информации к обрабатываемой японской словоформе помечены как требующие стандартных межъязыковых преобразований, выполняются эти преобразования и полученные русские R-отсылки объединяются с теми, которые могли быть сформированы для рассматриваемых словоформ в ходе ПП-анализе (при обработке японских зависимостей с нестандартными соответствиями). Тем самым формируются *реляционные запросы* (*R-запросы*) к этим словоформам, задающие их структурно-синтаксический контекст как часть формируемых для них ЛС-запросов.
- При необходимости в формируемые ЛС-запросы вводятся позиционные, частеречные и, возможно, некоторые вспомогательные сведения об определяемых ими русских единицах.

Конечным результатом является РС-представление текста перевода в том виде, в котором оно поступает на вход русского синтеза

2.3. На этапе *русского синтеза* построенное РС-представление прежде всего корректируется с учетом требований, предъявляемых к содержащимся в нем определениям словоформ их лексико-синтаксическим контекстом (включая структурно-синтаксические, позиционные и лексико-семантические аспек-

ты этого контекста), после чего полученные окончательные определения русских словоформ в его составе преобразуются в сами словоформы. Соответственно, различаются этап *лексико-синтаксического синтеза* и этап *морфологического синтеза*.

Основными задачами ***лексико-синтаксического синтеза*** являются:

1) верификация ЛС-запросов в исходном РС-представлении текста перевода и их *коррекция* в лексическом и грамматическом отношении с тем, чтобы цепочка этих ЛС-запросов отвечала содержащимся в ней (в том числе в виде R-отсылок в составе отдельных ЛС-запросов) данным о лексико-семантическом, структурно-синтаксическом и позиционном контексте представленных в ней единиц,

и

2) сведение этой цепочки ЛС-запросов к цепочке таких ЛМ-запросов, для каждого из которых выполнялись бы требования его полноты и правильности относительно русской морфологической системы, а также его реализуемости в виде синтетической словоформы русского языка.

Лексическая коррекция ЛС-запросов, выполняемая на данном этапе, состоит в настоящее время прежде всего в конкретизации предикатных лексем с относительно абстрактной семантикой по лексико-семантическим предпочтениям их актантов. Данный механизм реализует преимущественно те отношения лексической и лексико-семантической обусловленности, которые лежат в основе аппарата лексических функций [Жолковский-Мельчук 1977]. В системе ЯРАП/1 он работает, в частности, при уточнении локативных и причинно-следственных предлогов с учетом свойств припредложных существительных. Вообще говоря, в текущей версии компонента русского синтеза предусмотрена также возможность использования лексических замен и других преобразований перифрастического типа (затрагивающих лексические характеристики обрабатываемых единиц) для устранения конфликтов, возникающих при несоответствии семантических свойств этих еди-

ниц требованиям реализуемых ими синтаксических валентностей их структурных спутников. Однако примеры, рассматриваемые в данной статье, в рамках имеющегося варианта описания синтаксических систем японского и русского языков таких конфликтов не содержат.

Грамматическая коррекция ЛС-запросов осуществляется прежде всего по сведениям о структурно-синтаксическом контексте задаваемых ими потенциальных словоформ, указанным в этих ЛС-запросах в виде R-отсылок. Наличие таких сведений позволяет осуществлять следующие операции:

- верифицировать и/или вводить предлоги и союзы, оформляющие, resp., именные и глагольные группы при их подчинении в качестве актантов тем или иным предикатам;
- определять признаки рода, числа и падежа, где они зависят от единиц, которые синтаксически управляют данной словоформой;
- устанавливать залог личных глаголов с учетом наличия/отсутствия у них сведений о подлежащих и дополнениях.

Предусмотрены также операции, уточняющие глагольный вид по характеру подчиненных глаголу обстоятельств; проверяющие требования кореферентности разных актантов одного и того же предиката; учитывающие дистантный структурный контекст (от которого может зависеть, например, выбор родительного падежа для подлежащего или прямого дополнения в отрицательных конструкциях); развертывающие фразеологические лексические единицы типа *съесть_собаку* в соответствующие словосочетания, и т.п. Но они, как и упоминавшиеся выше перифрастические операции, связанные с синтаксической семантикой, в разбираемых ниже примерах не задействованы.

Напротив, весьма широко используется в описываемой версии системы ЯРАП/1 другой класс процедур лексико-синтаксического синтеза – *позиционно-синтаксические проце-*

дуры. Основное назначение этих процедур состоит в том, чтобы реализовать предложное управление и согласование в именных и адъективных группах, а также согласование личного глагола с предшествующим ему подлежащим "по умолчанию" – в ситуациях, когда в обрабатываемом РС-представлении соответствующие элементы синтаксической структуры не эксплицированы. Для этого при рассмотрении ЛС-запросов в РС-представлении они объединяются по частеречным и позиционным признакам в промежуточные группы, для каждой из которых предусматривается два основных цикла обработки [8]: вначале по входящим в данную группу ЛС-запросам устанавливаются свойства группы в целом, затем с учетом выявленных "общегрупповых" свойств производится корректировка самих исходных ЛС-запросов. Как видно из приводимых в п. 3 примеров, это позволяет во многих случаях получать грамматически корректные русские переводы даже при недостатке сведений о реляционной структуре переводимых предложений.

После того, как для единицы, заданной обрабатываемым ЛС-запросом, учтены все требования ее реляционного и позиционного контекста, из него исключаются все элементы информации, кроме ЛМ-запроса и происходит проверка этого ЛМ-запроса на соответствие требованиям русской морфологической. В случае неполноты словоизменительного компонента ЛМ-запроса отсутствующие в нем категории добавляются по умолчанию. Например, если не указаны статус, число и лицо глагола, он получает признаки личной форы, единственного числа, 3-его лица. Если включенные в ЛМ-запрос словоизменительные признаки разных категорий не совместимы друг

---

[8] Для групп, содержащих числительные и квантификаторы, к названным двум циклам добавляется еще один, отражающий двойственную роль таких единиц в системе русского управления/согласования. Здесь, однако, мы на этом не останавливаемся, поскольку рассматриваемые примеры таких групп не содержат.

другом или с частью речи лексемы, их набор корректируется так, чтобы устранить обнаруженные конфликты. Если ЛМ-запрос не может быть реализован в виде синтетической словоформы русского языка, осуществляется морфологически обусловленное перефразирование: исходный ЛМ-запрос заменяется на цепочку новых запросов, которая задает словосочетание, имеющее тот же основной смысл, что и требуемая словоформа. Наиболее очевидным случаем, требующим таких замен, является, естественно, аналитическое формообразование, однако аппарат морфологического перефразирования имеет более общий характер и может использоваться в самых различных ситуациях, от несовпадения сочетаемости М-категорий в исходном и переводном языках до дефектности морфологической парадигмы конкретной русской лексемы.

После того, как обрабатываемое РС-представление преобразовано в окончательную цепочку ЛМ-запросов, каждый из которых может быть реализован синтетически, осуществляется *морфологический синтез*, завершающий процесс русского синтеза и тем самым – весь процесс перевода. Компонент морфологического синтеза RUMORS реализует (с небольшими дополнениями) алгоритм русского синтеза, разработанный А.А. Зализняком в рамках "Грамматического словаря русского языка" [Зализняк 1977], и опирается на морфологическую информацию о русских лексемах, как она представлена в компьютерной версии данного словаря [9].

Результатом морфологического синтеза является последовательность русских словоформ, которая, если все этапы обработки отработали правильно, должна представлять собой

---

[9] Мы пользуемся случаем, чтобы выразить в этой связи свою искреннюю благодарность д.ф.н. В.М. Андрющенко, который в 1992 г., будучи зав. Отделом машинного фонда ИРЯ РАН, предоставил нам компьютерный текст словаря [Зализняк 1977] – в том виде, в каком он был подготовлен Фондом к тому моменту.

правильный русский текст, соответствующий исходному японскому как его перевод.

3. Примеры переводов, выполненных комплексом ЯРАП/1

Ниже приведены 9 японских предложений и результаты их перевода комплексом ЯРАП/1. Предложения составляют связный текст – отрывок из предисловия к книге [Танака-Цудзии 1988, с.2]. Для каждого предложения даются вначале *промежуточные результаты* его обработки на отдельных этапах работы системы, после чего приводится его *окончательный перевод*, полученный данной версией комплекса с учетом всех моделируемых ею языковых знаний и механизмов.

В качестве промежуточных результатов указываются следующие виды представлений.

- *Результаты сегментации* – представление, сформированное в результтате разбиения входного графического представления обрабатываемого предложения на первичные фрагменты и последующей сегментации этих фрагментов на ГМ-элементы, предусмотренные в словаре системы ЯРАП/1. ГМ-элементы представлены в той кодировке, которая разработана в данной системе для ввода японской графики (см. выше сноску 3). Границы между первичными фрагментами обозначены знаком диеза #, межсловные границы – звездочкой *, межморфные границы внутри словоформ – вертикальной чертой |.
- *Результаты ЛМ-анализа* – ЛМ-представление данного предложения, полученное при лексико-морфологическом анализе результатов его сегментации. В общем случае это последовательность японских лексем и морфологических (М-) категорий, выбранных в качестве лексико-морфологических интерпретаций составляющих данное предложение ГМ-элементов. Лексемы представлены своей

русской транскрипцией [10], сопровождаемой при неоднозначности номером требуемого значения и, возможно, подзначения (отделенного при этом от номера значения знаком подчеркивания _). М-категории задаются установленными для них условными обозначениями (см. Приложение 1). От лексемы, к которой они относятся, М-категории отделяются двоеточием, между собой разделяются двоеточием или точкой. Если одна или несколько М-категорий, относящихся к некоторой японской лексеме, вводятся ЛМ-элементом, отдельным от того, который соответствует самой лексеме, перед вводящим эти М-категории знаком (двоеточием или точкой) стоит пробел.

- *Посегментный перевод* – первоначальный подстрочник данного предложения, сформированный прямой заменой каждого из выделенных при ЛМ-анализе лексико-морфологических элементов на его базовый русский эквивалент – первый из всех РЭ, указанных для этого ЛМ-элемента в его словарной статье. Из всех более сложных межъязыковых операций при построении посегментного перевода реализуется только моделирование по умолчанию контактного синтаксического управления: если базовый словарный РЭ некоторой японской ЛМ-единицы содержит М-характеристики, представленные в нем как требования к оформлению контактных зависимых этой единицы, слева от нее ищется ближайшая единица, имеющая ненулевой ба-

---

[10] Транскрипция, используемая в системе ЯРАП/1 опирается на стандартную поливановскую транскрипцию [Поливанов 1968] с некоторыми модификациями, в основном технического характера. Перечислим те из них, которые существенны для приводимых примеров: вместо буквы *ё* используется *е* (поскольку *ё* отсутствует на стандартной клавиатуре); вместо *й* во всех случаях пишется *и* (поскольку их разграничение не является фонологическим); долгота не-йотированных гласных указывается повтором буквы, обозначающей данную гласную, долгота йотированных гласных – добавлением буквы, обозначающей соответствующую не-йотированную гласную (например, вместо *ю:* пишется *юу*, вместо *ё:* – *ео* и т.д.).

зовый РЭ, и эти М-характеристики переносятся в состав ее РЭ в качестве собственного компонента этого РЭ.

В приводимом здесь представлении посегментного перевода японских предложений русские М-признаки, относящиеся к некоторой лексеме, отделяются от нее двоеточием. Если РЭ одной и той же японской единицы содержит две или несколько русских лексем (к числу лексем причислены, как уже упоминалось, и знаки препинания), в посегментном переводе они отделяются друг от друга одним пробелом; РЭ разных японских единиц разделены между собой четырьмя или более пробелами.

РС-представление, полученное для обрабатываемого предложения в результате японско-русского межъязыкового перехода и поступающее на вход компонента русского синтеза. Оно имеет вид последовательности ЛС-запросов, определяющих требуемые в переводе потенциальные русские словоформы. Каждый ЛС-запрос образует отдельную строку и начинается с имени русской лексемы, от которой требуется образовать определяемую этим запросом словоформу. Лексема представляется своей стандартной словарной формой, которая может завершаться знаком подчеркивания (запрещающим для данной единицы операции словоизменения) или сопровождаться номером значения и, возможно, подзначения. Среди прочих, допускаются "пустые" лексемы, имеющие вид двойного знака подчеркивания. После лексемы могут указываться русские М-категории, которые, согласно данному определению словоформы, должны быть ею выражены (список М-категорий, представленных в рассматриваемых примерах, см. в Приложении 2), а также сведения об R-отсылках, задающих структурный контекст словоформы путем указания на реляционные функции ее самой относительно единиц, представленных в этом контексте. От лексемы все эти сведения отделяются двоеточием, морфологические и/или реляционные категории отделяются друг от друга пробелом или точкой.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 1

コンピュータの出現以前には、自然言語に関する研究は、言語学者、心理学者と一部の哲学者によって行われてきた。

Результаты сегментации

К105 К400 К522 К733 Д008 К301 # Х405 # И0170301 И0960702 * И0090309 И0180706 * Х402 * Х501 # , # И1320001 И0860808 * И1490001 И1490701 * Х402 # И1690601 # Х203 Х803 # И1120402 И1160201 * Х501 # , # И1490001 И1490701 И0390503 И1250401 # . # И0610001 И0960701 И0390503 И1250401 # Х305 # И0010001 И1630801 # Х405 # И0300708 И0390503 И1250401 # Х402 # Х705 Х333 Х304 # И1440001 Х901 | Х804 * Х304 * Х102 | Х301 # . #

Результаты ЛМ-анализа

компюута1 # но3 # сюцугэн1 * идзэн1 * ни2_2 * ва2_1 # зпт3 # сидзэн1 * гэнго1 * ни2_2 # кансуру # суру1_4 :ас # кэнкюу1 * ва2_1 # зпт3 # гэнгогакуся1 # зпт1 # синригакуся1 # то1 # итибу1 # но4 # тэцугакуся1 # ни2_2 # еттэ1 # оконау1 :нс .сз * тэ1 * куру1 :зс.ин.пв # тчк1

Посегментный перевод

компьютер:мн.род-п появление до , естественный язык:род-п в_области:nk исследование:мн , лингвист:мн.f+ , психолог:мн.f+ и:fup1 н екоторый философ:мн.тв-п выполнять:пасс.прош __ .:|

PC-представление

(результаты межъязыкового перехода)

```
до
появление
компьютер:мн.род-п
,
исследование:мн
в_области:nk
естественный
язык:род-п
,
__:RG2[исследование:мн]
выполнять:пасс.прош:RG2[исследование:мн]
некоторый
философ:мн.тв-п
и:fup1
психолог:мн.f+
,
лингвист:мн.f+
.:|
```

Окончательный перевод

до появления компьютеров, исследования в области естественного языка, выполнялись некоторыми философами и психологами, лингвистами.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 2

しかしコンピュータの出現により言語理解に関する研究条件は一変する。

Результаты сегментации

X202 X101 X202 # K105 K400 K522 K733 Д008 K301 # X405 # И0170301 И0960702 * X402 # X705 X802 # И1490001 И1490701 * И0960701 И1480601 * X402 # И1690601 # X203 X803 # И1120402 И1160201 * И0750315 И0090407 # X501 # И0010001 И0340601 * X203 X803 # . #

Результаты ЛМ-анализа

сикаси1 # компюута1 # но3 # сюцугэн1 * ни2_2 # еру1_1 :сс # гэнго1 * рикаи1 * ни2_2 # кансуру # суру1_4 :ас # кэнкюу1 * дзеокэн1 # ва2_1 # иппэн * суру1_1 :зс.ин.нв # тчк1 #

Посегментный перевод

однако компьютер:мн.род-п появление с_помощью:nk язык понимание:род-п в_области:nk исследование:мн условие:мн резкий изменение:hd осуществить:наст .:|

PC-представление

(результаты межъязыкового перехода)

```
однако
исследовательский
условие:мн
в_области:nk
понимание:род-п
язык:род-п
с_помощью:nk
появление
компьютер:мн.род-п
__:наст.RG1[условие:мн].|
кардинально:nk
меняться:hd.наст.RG1[условие:мн]
.:|
```

Окончательный перевод

однако исследовательские условия в области понимания языка в результате появления компьютеров кардинально меняются.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 3

人工知能の研究者が研究に参加することになったからである。

Результаты сегментации

И0090001 И0480001 * И1110301 И1300608 # Х405 # И1120402 И1160201
И1250401 * Х111 # И1120402 И1160201 * Х402 # И0280601 И0190302 # Х203 Х803 # Х105 Х305 Х402 Х401 Х333 | Х301 # Х101 Х801 # Х314 # Х001 Х803 # . #

Результаты ЛМ-анализа

дзинкоо1 * тиноо1 # но3 # кэнкюуся1 * га2 # кэнкюу1 * ни2_1 # санка2 # суру1_1 :зс.ин.нв # кото=ни=нару1 :зс.ин.пв # кара1_1 # дэ1_1 # ару1_1 :зс.ин.нв # тчк1 #

Посегментный перевод

искусственный интеллект:род-п специалист:hd.мн по:nk исследование:мн.предл-п в участие осуществить:наст.инф стать:прош следствие:hd.тв-п того,_что:nk являться:наст .:|

РС-представление

(результаты межъязыкового перехода)

```
являться:наст.|
следствие:hd.тв-п
того,_что:nk
стать:прош.RG1[специалист:hd.мн]
__:наст.инф.RG1[специалист:hd.мн]
участвовать:наст.инф.RG1[специалист:hd.мн]
в
исследование:мн.предл-п
специалист:hd.мн
по:nk
искусственный
интеллект:род-п
.:|
```

Окончательный перевод

является следствием того, что стали участвовать в исследованиях специалисты по искусственному интеллекту.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 4

いうまでもなくコンピュータは、これまで人類のつくりだしたいかなるマシンより人間くさいマシンである。

Результаты сегментации

X002 X003 * X601 X314 X605 X401 X103 # K105 K400 K522 K733 Д008
K301 # X501 # , # X105 X804 X601 X314 * И0090001 И1810905 * X405 * X303
X103 X802 X311 X202 | X301 * X002 X101 X401 X803 # K601 K202 K400 # X705 X802 * И0090001 И1690402 X103 X201 | X002 # K601 K202 K400 # X314 # X001 X803 # . #

Результаты ЛМ-анализа

иу2 :зс.ин.нв * мадэмонаку1 # компюута1 # ва2_1 # зпт3 # корэмадэ1 * дзинруи1 * но2 * цукуридасу1 :ас.ин.пв * иканару1 # масин1 # ери1_1 * нингэн=кусаи1 :ас.ин.нв # масин1 # дэ1_1 # ару1_1 :зс.ин.нв # тчк1 #

Посегментный перевод

говорить:наст.инф не_требуется_специально_ компьютер:мн , до_сих_пор_:nk
человечество:им-п создавать: прош.сов что:| любой машина:мн в_большей_степени,:nk чем:nk человекоподобный машина:мн.тв-п являться:наст .:|

PC-представление

(результаты межъязыкового перехода)

```
не_требуется_специально_
говорить:наст.инф
компьютер:мн
,
являться:наст.RG1[компьютер:мн]
человекоподобный
машина:мн.тв-п
в_большей_степени,:nk
чем:nk
любой
машина:мн
что:|
создавать:прош.сов.RG1[человечество:им-п]
до_сих_пор_:nk
человечество:им-п
.:|
```

Окончательный перевод

не требуется специально говорить компьютеры, являются человекоподобными машинами в большей степени, чем любые машины что создало до сих пор человечество.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 5

それは、コンピュータというマシンが、力学的な力を増幅する古典的なマシンと異なり、記号処理能力をもっているからだろう。

Результаты сегментации

X205 X804 * X501 # , # K105 K400 K522 K733 Д008 K301 # X305 X002 X003 # K601 K202 K400 # X111 # , # И0190001 И0390503 И1060301 * X401 # И0190001 # X905 # И0321102 И0500903 # X203 X803 # И0300211 И0120603 И1060301 * X401 # K601 K202 K400 # X305 # И1020603 X401 X802 # , # И1490301 И0300205 * И0160201 И0960701 * И1300608 И0190001 # X905 # X605 X333 * X304 * X002 | X803 # X101 X801 * X311 X805 X003 # . #

Результаты ЛМ-анализа

тчк1 # сорэ1 * ва2_1 # зпт3 # компюута1 # тоиу2 # масин1 # га2 # зпт3 # рикигакутэки1 * на1 # тикара1 # о2_1 # дзоофуку1 # суру1_1 :ас.ин.нв # котэнтэки1 * на1 # масин1 # то2 # котонару1:сс # зпт2 # кигоо1 * сери1 * нооруку1 # о2_2 # моцу1 * тэ1 * иру1 :зс.ин.нв # кара1_1 * дэ1_1 + ару1_1:зс.сн # тчк1 #

Посегментный перевод

это , компьютер:мн.род-п типа_:nk машина:мн . механический сила:род-п увеличение осуществить:прич.наст.fup1.down традиционный:hd.up тип:род-п.nk.down машина:мн:тв-п в_отличие:nk от:nk , знак:мн обработка возможность:мн.вин-п __ иметь:нсв.наст следствие:hd.тв-п того,_что:nk являться:hd ,_по-видимому, .:|

PC-представление

(результаты межъязыкового перехода)

```
это
,
машина:мн
типа_:nk
компьютер:мн.род-п
,
в_отличие:hd.RG1[это]
```

от
традиционный:hd.up
тип:род-п.nk.down
машина:мн:тв-п
осуществить:прич.наст.fup1.down.RG1[машина:мн]
увеличение
механический
сила:род-п
,
являться:hd.|
,_по-видимому,:|
следствие:hd.тв-п
того,_что:nk
__:RG1[это]
иметь:нсв.наст.RG1[это]

__
возможность:мн.вин-п
обработка:род-п
знак:мн.род-п
.:|

Окончательный перевод

это, машины типа компьютеров, в отличие от традиционного типа машин осуществляющих увеличение механической силы, является, по-видимому, следствием того, что имеет возможности обработки знаков.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 6

他方、われわれの言語理解の過程は、典型的な記号処理過程であるとみなしてよいだろう。

Результаты сегментации

И0090304 И0700001 # , # Х901 Х804 Х901 Х804 * Х405 * И1490001 И1490701 * И0960701 И1480601 # Х405 # И1620903 И1150701 * Х501 # , # И0120603 И0320604 И1060301 * Х401 # И1490301 И0300205 * И0160201 И0960701 * И1620903 И1150701 * Х314 # Х001 Х803 * Х305 * Х602 Х401 Х202 | Х304 * Х705 | Х002 * Х311 Х805 Х003 # . #

Результаты ЛМ-анализа

тахоо1 # зпт3 # варэварэ1 * но4 * гэнго1 * рикаи1 # но3 # катэи2 * ва2_1 # зпт3 # тэнкэитэки1 * на1 # кигоо1 * сери1 * катэи2 * дэ1_1 # ару1_1 :зс.ин.нв * то4 * минасу1 :дс.пв * еи2 :зс.ин.нв * дароо # тчк1 #

Посегментный перевод

между_тем_ , мы язык понимание:род-п процесс , типичный знак:мн обработка процесс:тв-п являться:наст ,_что:nk считать:инф можно:наст по-видимому, .:|

PC-представление

(результаты межъязыкового перехода)

```
между_тем_
,
процесс
понимание:род-п
наш
язык:род-п
,
по-видимому,:RG1[процесс].|
можно:наст
считать:инф.RG1[процесс]
,_что:nk
являться:наст.RG1[процесс]
процесс:тв-п
обработка:род-п
типичный
знак:мн.род-п
.:|
```

Окончательный перевод

между тем, процесс понимания нашего языка, по-видимому, можно считать, что является процессом обработки типичных знаков.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 7

この二つの事実を重ねあわせると、コンピュータによる自然言語理解システムの研究が人工知能の主要な研究課題としてとりあげられてきた理由が頷ける。

Результаты сегментации

X105 X405 * И0070001 X303 * X405 * И0060701 И0400505 # X905 # И1660201 X404 X001 X901 X204 | X803 * X305 # , # K105 K400 K522 K733 Д008 K301 # X402 * X705 X803 * И1320001 И0860808 * И1490001 И1490701 * И0960701 И1480601 * K202 K203 K304 K603 # X405 # И1120402 И1160201 * X111 # И0090001 И0480001 * И1110301 И1300608 # X405 # И0030401 И1460301 * X401 #

И1120402 И1160201 * И1490804 И1810903 * Х305 Х202 Х304 * Х305 Х802 Х001 Х114 | Х801 Х804 * Х304 * Х102 | Х301 * И0960701 И1020002 * Х111 # И1810707 Х104 | Х803 # . #

Результаты ЛМ-анализа

коно1 * футацу1 * но4 * дзидзицу1 # о2_2 # касанэавасэру1 :зс.ин.нв * то5 # зпт3 # компюута1 # ни2_2 * еру1_1 :ас * сидзэн1 * гэнго1 * рикаи1 * сисутэму1 # но3 # кэнкюу1 * га2 # дзинкоо1 * тиноо1 # но3 # сюео1 * на1 # кэнкюу1 * кадаи1 * тоситэ1 * ториагэру1 :сз * тэ1 * куру1 :ас.ин.пв * риюу2 * га2 # унадзукэру1 :зс.ин.нв # тчк1 #

Посегментный перевод

этот два факт:вин-п __ сложить:hd.наст.инф вместе если , компьютер:мн с_помощью:nk естественный язык понимание система:мн.род-п исследование:мн искусственный интеллект:род-п важнейший исследование:мн задача:род-п в_качестве:nk принять:пасс.прош такой:fup1.down.hd , что:nk причина:вин-п можно:hd.наст понять:инф.наст .:|

РС-представление

(результаты межъязыкового перехода)

```
если
сложить:hd.наст.инф
вместе_:наст.инф

__
этот
два
факт:вин-п
,
можно:наст.hd.|
понять:инф.наст.|
причина:вин-п
такой:fup1.down.hd
,
что:nk
__:RG2[исследование:мн]
принять:пасс.прош.RG2[исследование:мн]
в_качестве:nk
важнейший
исследовательский
задача:род-п
искусственный
интеллект:род-п
исследование:мн
система:мн.род-п
понимание:род-п
естественный
```

язык:род-п
с_помощью:nk
компьютер:мн
.:|

Окончательный перевод

если сложить вместе эти два факта, можно понять причину такую, что были приняты в качестве важнейшей исследовательской задачи искусственного интеллекта исследования систем понимания естественного языка с помощью компьютеров.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 8

ンピュータによる自然言語理解が究極的な意味で可能かどうかは議論の分かれるところである。

Результаты сегментации

К105 К400 К522 К733 Д008 К301 # Х402 * Х705 Х803 * И1320001 И0860808 * И1490001 И1490701 * И0960701 И1480601 * Х111 # И1160201 И0750901 И1060301 * Х401 # И0610908 И0300502 # Х314 # И0300208 И1300608 * Х101 Х315 Х003 Х101 * Х501 * И1491301 И1490802 # Х405 # И0180201 Х101 Х804 | Х803 * Х305 Х105 Х805 * Х314 # Х001 Х803 # . #

Результаты ЛМ-анализа

компюута1 # ни2_2 * еру1_1 :ас * сидзэн1 * гэнго1 * рикаи1 * га2 # кюукекутэки1 * на1 # ими1 # дэ2 # каноо1 * кадоока1 * ва2_1 * гирон1 # но2 # вакарэру1 :зс.ин.нв * токоро1 * дэ1_1 # ару1_1 :зс.ин.нв # тчк1 #

Посегментный перевод

компьютер:мн с_помощью:nk естественный язык понимание принципиальный смысл:предл-п в:doqq возможный:кф или_нет_ мнение:им-п не:nk совпасть:hd.наст точка:hd.тв-п ,:тв-п где_:nk являться:наст .:|

РС-представление

(результаты межъязыкового перехода)

возможный:кф
или_нет_
в:doqq
принципиальный
смысл:предл-п
понимание
естественный

```
язык:род-п
с_помощью:nk
компьютер:мн
являться:наст.RG1[понимание].|
точка:hd.тв-п
,:тв-п
где_:nk
не:nk
совпасть:наст.hd.RG1[мнение:им-п]
мнение:им-п
.:|
```

Окончательный перевод

возможно или нет в принципиальном смысле понимание естественного языка
с помощью компьютеров является точкой, где не совпадает мнение.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 9

しかし、そうしたシステムの実現に向けての努力は、後述するように、学 問的にも実用的にも意味あることであった。

Результаты сегментации

X202 X101 X202 # , # X205 X003 X202 X301 # K202 K203 K304 K603 # X405 # И0400505 И0960702 * X402 # И0300308 X104 X304 * X405 * И0190505 И0190001 * X501 # , # И0600601 И1620502 # X203 X803 # X705 X003 X402 # , # И0390503 И0300811 И1060301 * X402 * X605 * И0400505 И1010001 И1060301 * X402 * X605 * И0610908 И0300502 X001 X803 # X105 X305 # X314 # X001 X333 | X301 # . #

Результаты ЛМ-анализа

сикаси1 # зпт3 # соосита1 # сисутэму1 # но3 # дзицугэн1 * ни2_2 # мукэтэ1 * но4 * дореку1 * ва2_1 # зпт3 # коодзюцу1 # суру1_1 :зс.ин.нв # еони1 # зпт3 # гакумонтэки1 * ни2_2 * мо2 * дзицуеотэки1 * ни2_2 * мо2 * ими=ару1:зс # кото1_1 # дэ1_1 # ару1_1 :зс.ин.пв # тчк1 #

Посегментный перевод

однако , такой система:мн.род-п реализация:род-п в_направлении_ работа , нижеследующее осуществить:наст как:nk , в_научном_отношении и для_практического_использования_ и иметь:hd значение_ то:ед.hd.тв-п ,:тв-п что_:nk являться:прош .:|

РС-представление
(результаты межъязыкового перехода)

```
однако
,
работа
в_направлении_
реализация:род-п
такой
система:мн.род-п
,
как:nk
__:наст.RG1[работа]
указываться:hd.наст.RG1[работа]
ниже_:наст.RG1[работа]
,
и
в_научном_отношении_:нареч
и
для_практического_использования_:нареч
являться:прош.RG1[работа].|
то:ед.hd.тв-п
,:тв-п
что_:nk
иметь:hd.RG1[работа]
значение_
.:|
```

Окончательный перевод

однако, работа в направлении реализации таких систем, как указывается ниже, и в научном отношении и для практического использования являлась тем, что имеет значение.

4. Комментарий к представленным экспериментальным переводам

Поясним теперь, какие лингвистические знания и процедуры задействованы в приведенных примерах экспериментальных японско-русских переводов, построенных системой ЯРАП/1, и каковы возможности улучшения качества получаемых переводов с использованием уже реализованных в этой системе формальных средств [11]. Поскольку японский внутриязыковой ана-

---

[11] Мы отвлекаемся здесь от проблем расстановки знаков препинания и выбора числа существительных, которые не входят пока в круг исследуемых явлений. О них будет кратко упомянуто в Заключении.

лиз имеет в данной версии системы упрощенный характер, мы будем обращать внимание прежде всего на операции предпереводческого анализа (как подэтапа межъязыкового перехода) и лексико-синтаксического этапа русского синтеза.

Предложение 1.

Для данного предложения в процессе межъязыкового перехода выполняются только структурно-синтаксические и позиционно-коммуникативные операции ПП-анализа.

С помощью СтрСинт-анализа для составного глагольного сказуемого *окопаварэтэ кита* "выполнялись" (букв. "оказывались выполнявшимися") устанавливается синтаксическая зависимость, связывающая данное сказуемое с его подлежащим *кэнкюу* "исследования". Подлежащее заполняет при этом объектную ("вторую") валентность глагола *оконау* "выполнять" (стоящего здесь в форме пассивного залога). На собственно переводческом этапе межъязыкового перехода сформированная зависимость стандартным образом преобразуется в соответствующую ей русскую R-отсылку: *RG2[исследование:мн]*, – которая приписывается в РС-представлении русским эквивалентам обоих компонентов данного сказуемого: лексеме "выполнять", переводящей глагол *оконау*, и "пустой" лексеме __, выступающей в качестве переводного эквивалента вспомогательного глагола *куру* (который представлен в данном контексте в форме прошедшего времени *кита*).

Всю остальную существенную для перевода информацию дает ПК-анализ данного предложения. В его рамках предложение разбивается на три максимально крупные позиционно-коммуникативные единицы, три базовых ПК-фрагмента по двум имеющимся в нем вхождениям тематической частицы *ва1_1* (сопровождаемым в обоих случаях несочинительной запятой *зпт3*). Внутри второго и третьего фрагментов выделяются более мелкие адъективно-субстантивные (*АС*-) группы: *сидзэн гэнго* "естественный язык" во втором фрагменте и *итибу но тэцугакуся* "некоторые фило-

софы" в третьем. Как видно из сопоставления первоначального подстрочника (посегментного перевода) данного предложения с его РС-представлением, полученным в результате межъязыкового перехода, и с окончательным переводом, базовые ПК-фрагменты в переводе сохраняют относительно друг друга исходный порядок, внутри них для слов и групп, являющихся их непосредственными составными компонентами, порядок инвертирован, а порядок слов внутри каждой из АС-групп опять-таки сохранен (так что определения остались в препозиции к своим определяемым).

Основным недостатком полученного этими средствами перевода является неправильное отображение в нем коммуникативной организации сочинительной группы *лингвист:мн* , *психолог:мн и некоторый философ:мн.* Источником данной неправильности является то, что в рассматриваемой версии системы ЯРАП/1 сочинительные конструкции трактуются аналогично подчинительным, в то время как на самом деле между ними имеются существенные различия.

Для японских подчинительных конструкций стандартным является расположение зависимого элемента слева от управляющего. Данная позиционная характеристика целиком определяется самим фактом наличия соответствующей синтаксической зависимости и не несет отдельного от нее коммуникативного содержания. Если коммуникативное соотношение участников подчинительной конструкции не передается целиком ее структурой зависимостей, то дополнительные сведения об этом соотношении выражаются в японском языке не позиционными средствами, но прежде всего с помощью лексико-грамматических показателей типа тематических частиц (в письменном тексте в аналогичной роли могут выступать также знаки препинания). Отсюда следует, что в отсутствие таких показателей для перевода более существенно сохранить направление зависимостей, чем относительное расположение их участников. Именно поэтому в описываемой версии системы ЯРАП/1 сохраняется взаимное расположение базовых ПК-

фрагментов и порядок слов в АС-группах, а порядок следования слов и групп внутри ПК-фрагментов инвертируется: тем самым моделируется то обстоятельство, что в русском левостороннее расположение зависимых принято для тематических актантов и сирконстантов, а также для адъективных определений, а для остальных зависимых предпочтительно их правостороннее расположение относительно своих "хозяев".

С сочинительными конструкциями ситуация иная. В японском языке их формально-синтаксическая организация противоположна коммуникативной. При этом в формально-синтаксическом отношении они аналогичны подчинительным: формальной вершиной, к которой присоединяеся граммема, оформляющая сочинительную конструкцию в целом, является в такой конструкции самый правый из однородных членов. В частности, в рассматриваемом предложении это существительное *тэцугакуся* "философы", оформленное граммемой *ни еттэ* (в переводе – признак творительного падежа *тв-п*). Коммуникативное же развертывание однородных членов идет в противоположном направлении, слева направо, здесь – от компонента *гэнгогакуся* "лингвисты", являющегося коммуникативно исходным (главным) для всей конструкции, к следующим за ним компонентам *синригакуся* "психологи" и *тэцугакуся* "философы".

В отличие от этого, в русском языке синтаксическая организация сочинительной конструкции совпадает с коммуникативной, так что и формально-синтаксической вершиной такой конструкции, и ее коммуникативно главным компонентом является самый левый из её членов. В результате при межъязыковом переходе для сочинительных конструкций возникает конфликт между этими двумя аспектами их структуры, поскольку сохранить одновременно и тот и другой оказывается невозможным.

В описываемой версии этого перехода предпочтение, как и при обработке подчинительных конструкций, отдано направлению связей в структуре зависимостей, в результате чего

порядок следования участников сочинительной группы инвертируется. Между тем логика изложения требует передавать в переводе, прежде всего, коммуникативное членение таких групп, сохраняя для этого исходный порядок однородных членов, пусть даже направление зависимостей между ними тем самым изменится на противоположное.

Чтобы обеспечить такой результат, сочинительные конструкции должны отграничиваться при анализе от подчинительных и определяться как другой тип ЛС-групп, требующий сохранять при межъязыковом переходе порядок следования компонентов группы. Необходимый для этого анализ достаточно сложен, поскольку границы таких конструкций нередко неоднозначны. Тем не менее, в простейших случаях, когда однородными членами являются, как в данном примере, одиночные существительные и однозначно выделяемые АС-группы, этот анализ все же может быть выполнен уже имеющимися средствами с получением вполне приемлемого в данном отношении перевода:

До появления компьютеров, исследования в области естественного языка выполнялись лингвистами, психологами и некоторыми философами

"Гладкость" (грамматическая правильность) получаемого перевода в значительной степени обеспечивается в ходе русского синтеза за счет грамматической коррекции ЛС-запросов в поступившем на его вход РС-представлении.

Некоторые из операций такой коррекции осуществляется на основе эксплицитных указаний, содержащихся в РС-представлении. Так, согласование сказуемого *выполнять* с его подлежащим *исследования* осуществляется в результате обработки R-отсылки к этому подлежащему, имеющейся в ЛС-запросе к самому глаголу *выполнять*. Согласование по падежу участников сочинительной группы диктуется признаками *fup1* и *f+* , приписанных элементам этой группы: признак *fup1* означает, что группа, начинающаяся с данной единицы, должна "заимствовать" согласовательную информацию от предшест-

вующей ей группы, признак *f+* указывает на то, что такая информация должна передаваться данной группой "вперед" – к группе, которая начнется сразу после нее. Источником обоих признаков являются словарные РЭ союза *то* "и" и сочинительной запятой: союзу приписаны оба признака *fup1* и *f+*, запятой – только второй из них. При этом признак *f+* задан в словарных эквивалентах обеих единиц как МС-признак, так что при межъязыковом переходе он переносится от единицы, содержащей его в своем словарном РЭ, к ближайшему из ее левосторонних контекстных соседей, имеющих лексически непустые РЭ. За счет этого механизма данный признак оказывается приписанным существительным *лингвист* и *психолог* уже в посегментном переводе данного примера, откуда передается далее и в его РС-представление.

Еще ряд операций грамматической коррекции ЛС-запросов выполняется в ходе русского синтеза "по умолчанию". Таким способом здесь определяется падежная характеристика существительного *появление* (которое, в отсутствие противоречащей информации, считается входящим в группу предшествующего ему предлога *до*), а также род, число и падеж прилагательных *естественный* (в сочетании *естественного языка*) и *некоторый* (в сочетании *некоторыми философами*): по умолчанию русские прилагательные считаются входящими в группу ближайшего слева существительного и согласуются с ним.

Предложение 2.

Среди механизмов межъязыкового перехода, участвующих в обработке Предложения 2, заслуживает упоминания лексико-морфологический механизм частеречной транспозиции, который позволяет использовать для одной и той же исходной единицы переводные эквиваленты разных частей речи, выбираемые в зависимости от имеющегося контекста. Этот механизм служит, в частности, для того, чтобы при употреблении японских предикатных существительных в "глагольной" функ-

ции иметь возможность переводить их соответствующими русскими глаголами. В данном предложении он применяется к существительному *иппэн* с базовым РЭ "резкий изменение:hd", которое употреблено здесь в сочетании с "оглаголивающим" показателем *суру1_1* "осуществить". В результате для этого существительного выбирается более удачный в рассматриваемом контексте глагольный перевод "кардинально меняются", а перевод показателя *суру* заменяется на "пустую" лексему (представленную в результатах межъязыкового перехода двойным подчеркиванием __).

Структурно-синтаксический ПП-анализ сводится, как и в Предложении 1, к установлению и переводу синтаксической зависимости между сказуемым данного предложения и его подлежащим. Здесь эта зависимость реализует субъектную ("первую") валентность сказуемого *иппэн суру* "кардинально меняться" и преобразуется при формировании РС-представления в R-отсылку: *RG1[условие:мн]*, – приписанную переводным эквивалентам обоих компонентов данного японского сочетания (resp., глаголу "меняться" в составе перевода "кардинально меняться" и "пустой" лексеме, выступающей в качестве перевода показателя *суру*).

Межъязыковая ПК-обработка Предложения 2 приводит к разграничению в нем трех базовых ПК-фрагментов, сохраняющих в переводе свое взаимное расположение. Первый из них состоит здесь ровно из одного слова *сикаси* "однако", всегда являющегося тематическим, второй вычленяется по тематической частице *ва2_1*, служащей маркером его правой границы. Внутри этого второго фрагмента в данной версии ПК-анализа выделяется АС-группа *кэнкюу дзеокэн* "исследовательские условия", элементы которой также сохраняют в переводе свой исходный порядок. В принципе ее можно было бы и не выделять, так как без нее перевод соответствующего словосочетания был бы даже более адекватным: *условия исследований в области понимания языка*. Однако при этом менее приемле-

мым оказался бы перевод других структурно аналогичных сочетаний со словом *кэнкюу* (см., в частности, Предложение 7).

На этапе русского ЛС-синтеза при обработке Предложения 2 действует еще один нетривиальный механизм – механизм лексической конкретизации. Он применяется к единице "с_помощью", которая дана в японско-русском словаре системы ЯРАП/1 в качестве максимально общего переводного эквивалента японского послелога *ни ери*. В словаре русского синтеза эта единица имеет частеречный признак предлога, а для всех предлогов при синтезе проверяется, не предъявляет ли припредложное существительное каких-либо требований к лексическому выражению предлога с данной семантикой. В рассматриваемом контексте в качестве припредложного существительного для единицы "с_помощью" выступает существительное "появление", относящееся к лексико-семантической категории "событие", которая такие требования предъявляет: в сочетании с существительными этой категории предлоги с инструментальным значением требуется "конкретизировать" как причинные. Соответственно, в окончательном переводе единица "с_помощью" заменяется на стилистически более удачную предложную единицу "в результате".

Операции грамматической коррекции ЛС-запросов, действующие при синтезе Предложения 2, сводятся к согласованию глагольного сказуемого *меняться* с его подлежащим *условия* (путем обработки R-отсылки к этому подлежащему в составе ЛС-запроса к глаголу *меняться*), а также к уточнению "по умолчанию" формы прилагательного *исследовательский* – по форме ближайшего к нему справа существительного *условия* – и существительного *появление* – по требованиям предложного управления, указанным в словарной информации к предшествующей данному существительному предложной единице *в результате* (полученной при конкретизации исходной для нее единицы *с_помощью*).

Предложение 3.

Как и в Предложении 2, на этапе ПП-анализа здесь выполняется межъязыковая ЛМ-обработка, использующая механизм частеречных транспозиций для замены субстантивного переводного эквивалента предикатного существительного (здесь *санка2* "участие"), употребленного в сочетании с показателем *суру1_1* "осуществить", на предусмотренный для того же существительного глагольный эквивалент (здесь "участвовать") с одновременной заменой переводного эквивалента показателя *суру1_1* на "пустую" лексему __ .

В структурно-синтаксическом отношении Предложении 3 интересно тем, что оно является сложноподчиненным. При этом главное предложение носит вырожденный характер, представляя собой своего рода модальную концовку: *кара дэ ару* "дело в том, что", букв. "является следствием того, что", а основное содержание приходится на предшествующее этой концовке (причинное) придаточное.

В рамках данного придаточного СтрСинт-анализ позволяет установить синтаксическую зависимость между сказуемым *санка суру* (получившим в результате ЛМ-обработки перевод "участвовать") и его подлежащим *кэнкюуся* "специалисты". В РС-представлении эта зависимость преобразована в R-отсылку *RG1[специалист:hd.мн]*, которая приписана переводным эквивалентам обоих участников данного субстантивно-глагольного комплекса: глаголу "участвовать" и "пустой" лексеме, заменившей перевод показателя *суру*). Та же R-отсылка приписана в результате структурно-синтаксических межъязыковых операций и глаголу *стать*, служащему переводом глагольной концовки *кото=ни=нару* (здесь в форме прошедшего времени: *кото ни натта*), которая сопровождает в обрабатываемом предложении комплекс *санка-суру*. Словарный РЭ этой концовки содержит МС-признак инфинитив *инф*, который передается от нее контекстным переводным эквивалентам обоих участников данного комплекса, так что в окончательном пере-

воде вершинным сказуемым придаточного оказывается именно глагол *стать*.

Для сказуемого главного предложения *дэ ару* "являться" установить подлежащее средствами СтрСинт-процедур ПП-анализа не удается, так как оно здесь эллиптировано. По правилам японской грамматики такой эллипсис вполне стандартен, но русский перевод без подлежащего грамматически неправилен.

Для исправления этой неправильности необходимо восстановить эллиптированную единицу. В системе ЯРАП/1 надежных средств для такого восстановления пока не имеется. В рамках ее современных возможностей можно только ввести некоторое общее правило, – например, потребовать, чтобы по умолчанию в предложения без подлежащего вводилось условное подлежащее "это". Во многих случаях такое правило даст адекватный результат, как и в данном примере:

***Это** является следствием того, что стали участвовать в исследованиях специалисты по искусственному интеллекту.*

Однако в других случаях применение того же правила может оказаться ошибочным и создать дополнительные трудности для восприятия перевода. Фактически в таких случаях недосточной окажется не только данная, аварийная версия СтрСинт-анализа, но и любой тип обработки, ограниченной пределами одного предложения: необходим достаточно глубокий внутриязыковой анализ на уровне сверхфразового яруса текста.

Остальные проблемы перевода Предложения 3 достаточно успешно решаются средствами позиционно-коммуникативной межъязыковой обработки и русского синтеза. В результате ПК-операций в предложении выделяется только один базовый ПК-фрагмент – предложение в целом – и одна АС-группа: *дзинкоо тиноо* "искусственный интеллект". Соответственно, все элементы предложения (одним из которых является данная АС-группа, а остальные представляют собой от-

дельные словоформы) при формировании РС-представления переставляются в обратном порядке, а элементы АС-группы сохраняют свой порядок относительно друг друга.

При синтезе окончательного текста перевода по полученному РС-представлению уточняется форма сказуемого *стать* (путем его согласования с подлежащим *специалисты*, заданным R-отсылкой в составе ЛС-запроса к этому сказуемому), и осуществляется согласование по умолчанию прилагательного *искусственный* со следующим за ним существительным *интеллект*. R-отсылка, содержащаяся в другом ЛС-запросе с непустой лексемой – глаголом *участвовать* – на результат его синтеза не влияет, так как данный глагол, согласно указанным для него М-категориям, должен стоять в форме инфинитива и (по умолчанию) действительного залога, а эта форма не предполагает согласования с какими-либо глагольными актантами.

Предложение 4

Данное предложение, как и предыдущее, является сложноподчиненным, но включенное в него придаточное *корэмадэ дзинруй но цукуридасита* "которую создало до настоящего времени человечество" является не обстоятельственным, а определительным, относящимся к именной группе *иканару масин* "любые машины".

Межъязыковые ЛМ-операции в обработке данного предложения не участвуют.

СтрСинт-анализ формирует две синтаксические зависимости, устанавливая для сказуемого главного предложения *дэ ару* "является" подлежащее *компюута* "компьютеры", а для сказуемого придаточного *цукуридасу* "создать" (стоящем здесь в форме прошедшего времени *цукуридасита*) – подлежащее *масин* "машины". В РС-представлении эти зависимости приобретают вид соответствующих R-отсылок: отсылки *RG1[коппьютер:мн]* в ЛС-запросе к глаголу "являться" и от-

сылки *RG1[человечество:им-п]* в ЛС-запросе к глаголу "создавать".

В ходе позиционно-коммуникативного анализа в данном предложении выделяется 3 базовых ПК-фрагмента:

(1) вводное словосочетание *иу мадэ мо наку* "не требуется специально говорить", "само собой разумеется" (при сегментации данное, очевидно, фразеологическое сочетание представлено в виде двух отдельных единиц: глагола *иу* "говорить" в форме заключительного статуса изъявительного наклонения прошедшего времени и "наречной фраземы" *мадэмонаку*, получающей в сочетании с этим глаголом идиоматический перевод "не_требуется_специально"),

(2) тематическое подлежащее *компоута* "компьютеры" (входящее в главное предложение и маркированное частицей *ва1_1*) и

(3) остальная часть предложения, включающая как остаток главного предложение, так и определительное придаточное.

АС-группы обнаружены только внутри последнего ПК-фрагмента. Это *иканару масин* "любые машины" и *нингэн=кусай масин* "человекоподобные машины". При переходе к РС-представлению вводное словосочетание и тематическое подлежащее остаются на своих местах, а третий фрагмент инвертируется (с сохранением только порядка слов внутри двух АС-групп). Этого оказывается вполне достаточно для обеспечения в переводе осмысленного словопорядка.

Русский ЛС-синтез обеспечивает согласование обоих сказуемых со своими подлежащими (путем обработки соответствующих R-отсылок, а также согласование прилагательных с существительными в двух имеющихся АС-группах.

Получаемый перевод имеет два основных недостатка: отсутствие союза "что" после вводной фразы "не требуется специально говорить" и употребление "что" вместо "который" после слова "машины".

Первый недостаток в рамках данной версии системы можно исправить, приписав единице *мадэмонаку* лексически

обусловленную данной единицей межъязыковую процедуру, которая будет менять ее переводной эквивалент в зависимости от контекста.

Второй недостаток имеет грамматический характер: "что" введено здесь в качестве союзного слова вместо более нормативного "который" для того, чтобы нейтрализовать отсутствие требуемого для него согласования. Чтобы обеспечить такое согласование, необходимы сведения о том, какая из валентностей глагола *цукуридасита* "создал" реализована в виде определяемого им существительного *масин* "машины". В общем случае для получения этих сведений нужны весьма сложные процедуры внутриязыкового СтрСинт-анализа, которые должны учитывать, в частности, возможность неоднозначности левой границы придаточного, содержащего данный глагол в качестве своего сказуемого. Тем не менее ситуации, когда подлежащее придаточного оформлено, как в рассматриваемом примере, частицей *но*, могут быть описаны уже имеющимися средствами.

Включение в комплекс соответствующих межъязыковых процедур даст более приемлемый результат:

не требуется специально говорить, что компьютеры, являются человекоподобными машинами в большей степени, чем любые машины, которые создало до сих пор человечество.

Предложение 5

Данное предложение показывает недостаточность тех процедур ПП-анализа, которые предусмотрены в описываемой версии системы ЯРАП/1: его перевод непонятен, хотя формально и выглядит вполне "гладким" (благодаря тому, что русский синтез обеспечил все локальное управление и согласование).

Основная трудность в обработке Предложения 5 состоит в том, что оно не только является сложноподчиненным, но содержащееся в нем причинное (в переводе дополнительное)

придаточное, во-первых, включает распространенный обстоятельственный оборот, грамматически аналогичный придаточному или части сложносочиненного предложения, и, во-вторых, этот оборот выделен с обеих сторон запятыми [12]. Между тем не-сочинительные запятые используются в описываемой версии позиционно-коммуникативного анализа для деления предложения на базовые ПК-фрагменты, сохраняющие при переводе свое взаимное расположение. Поэтому перевод получает недопустимую в русском языке позиционную структуру:

<подлежащее 1> <подлежащее 2> <сказуемое 1> <сказуемое 2>.

Кроме того, СтрСинт-анализ не смог правильно сформировать субъектные зависимости для трех из четырех имеющихся в предложении глаголов: *котонару* "отличаться" (имеющему здесь форму срединного статуса *котонари* и перевод "в_отличие от"), *моцу* "иметь" (стоящему в континуальной форме на *-тэ иру*: *моттэ иру*) и *дэ ару* "являться" (имеющему форму сослагательного наклонения заключительного статуса *зс.сн*: *дароо*). Для первых двух из этих глаголов в качестве подлежащего выбрано местоимение *корэ* "это" (стоящее в начале всего предложения и маркированное тематическое частицей *ва*), а для *дэ ару* подлежащее вообще не определено. Между тем именно для *дэ ару* подлежащим является данное местоимение, для *моцу* таковым является существительное *масин* "машины", сопровождаемое номинативной не-тематической частицей *га*, а для *котонару* подлежащее отсутствует (поскольку данный глагол выступает здесь в союзной функции). Правильное подлежащее установлено только для глагола *суру* "осуществить", употребленном (в сочетании *дзоофуку суру*

---

[12] Внутри данного оборота имеется к тому же придаточное определительное, однако как раз этот фрагмент предложения: *ригигакутэки-на тикара о дзоофуку суру котэнтэки-на масин <то котонари>* переведен правильно: "<в отличие от> традиционного типа машин, осуществляющих увеличение механической силы".

"осуществить увеличение", "увеличить") в качестве сказуемого определительного придаточного.

Для получения адекватного перевода данного предложения в нем необходимо, по меньшей мере, выделять при ПК-анализе в качестве самостоятельных ЛС-групп отдельные клаузы – главные и придаточные предложения, – согласовывая сферу действия не-сочинительных знаков препинания с границами клауз. В рамках имеющегося аппарата описания из всех возможных при этом ситуаций достаточно аккуратно могут быть определены только те, в которых придаточное имеет неэллиптированное подлежащее и группа подлежащего стоит в нем первой по порядку. Рассматриваемый пример именно таков, так что он может получить в результате достаточно адекватный (с точностью до знаков препинания) перевод:

это, является, по-видимому, следствием того, что машины типа компьютеров, в отличие от традиционного типа машин осуществляющих увеличение механической силы, имеют возможности обработки знаков.

Понятно, однако, что более общее решение возможно только при условии построения для данного предложения полной структуры зависимостей на этапе внутриязыкового японского анализа и учета этой структуры в межъязыковых СтрСинт-процедурах.

Предложение 6

В Предложении 6 в качестве позиционно-коммуникативнов фрагментов, сохраняющих в переводе свое расположение относительно друг друга, выделяются:

- вводное слово *тахоо* "между тем", "с другой стороны", сопровождаемое запятой;
- группа подлежащего, маркируемая тематической частицей *ва2*, которая также сопровождается запятой, и
- остальная часть предложения.

Во втором и третьем из этих ПК-фрагментов выделены АС-группы, resp., *варэварэ но гэнго* наш язык" и *тэнкэитэки на кигоо* "типичный знак", внутри которых относительный порядок следования переводных эквивалентов составляющих их слов остается таким же, как и порядок самих этих слов в исходном тексте; все остальные компоненты тех же фрагментов отображаются в переводе в обратной последовательности.

Однако выделение названных двух АС-групп, хотя в принципе они имеют право на существование, в данном контексте приводит к неправильному определению структуры содержащих их более крупных именных групп. В результате обе группы переводятся неточно: группа *варэварэ но гэнго рикаи но катэи* – как "процесс понимания нашего языка" вместо "процесс нашего понимания языка" или "наш процесс понимания языка", а группа *тэнкэитэки на кигоо сери катэи*– как "процесс обработки типичных знаков" вместо "типичный процесс обработки знаков".

Эти неточности являются следствием излишней обобщенности используемой в настоящее время модели японского анализа. Данная модель всегда относит адъективные определения и их аналоги, вводимые атрибутивной частицей *но*, к существительному, ближайшему к ним справа. Однако если такое существительное подчинено другому, то на самом деле определяемым может быть как раз это другое существительное. Более того, в случаях, когда связь между двумя существительными реализуется примыканием. так что они образуют так наз. субстантивное сцепление, определения, стоящие перед таким сцеплением чаще относятся как раз к последнему, а не первому из входящих в него существительных. Именно такая ситуация и имеет место в рассматриваемых двух группах: в первой из них определение предшествует двухкомпонентному сцеплению *гэнго рикаи* "понимание языка", во второй – трехкомпонентному сцеплению *кигоо сери катэи* "процее обработки знаков".

С другой стороны, если всегда относить определения, предшествующие субстантивным сцеплениям, только к последнему компоненту этих сцеплений, это также будет приводить к ошибкам. Так, в названии японского словаря *син гэнгогаку дзитэн* "словарь новейшей лингвистики" [СГД 1971] определение *син* "новый" относится к непосредственно примыкающему к нему существительному *гэнгогаку* "языкознание", "лингвистика", а не к следующему за тем существительному *дзитэн* "словарь" [13]. А в примере *хоокацутэки какудзиккэн кинси дзеояку* "договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний" [МД 1998] определение *хоокацутэки* "всеобъемлющий" относится к существительному *кинси* "запрещение", которое занимает в содержащем его сцеплении срединную позицию между начальным компонентом этого сцепления *какудзиккэн* "ядерные испытания" и его конечным компонентом *дзеояку* "договор".

На базе средств, имеющихся в настоящее время в системе ЯРАП/1, практически единственным средством учета подобных различий может служить выделение разных классов определительных слов и конструкций в зависимости от предпочтительности для них контактных или дистантных связей с определяемым. Для Предложения 6 такой классификации вполне достаточно, чтобы выделить вместо приводившихся выше простых АС-групп соответствующие более сложные группы, в которых в качестве определяемого выступает не отдельное существительное, но субстантивное сцепление: (*варэ-варэ-но* "наш" (*гэнго* "язык" *рикаи* "понимание")) и (*тэнкэитэки-на* "типичный" (*кигоо* "знак" *сери* "обработка" *катэи* "процесс")). При переводе определения остаются в препозиции к соответствующим сцеплениям, но поскольку компоненты са-

---

[13] То, что рассматриваемое название имеет именно такую структуру, подтверждается его английским переводом "Kenkyusha's dictionary of new linguisctics", также указанным на титульной странице данного словаря. Аналогичные примеры приводятся в [Пашковский 1980, с.163].

мих сцеплений переставляются, непосредственно справа от определения оказывается конечное существительное сцепления – resp., "понимание" и "процесс". В результате предложению сопоставляется вполне удачный в этом отношении перевод:

между тем, процесс нашего понимания языка,
по-видимому, можно считать, что является типичным
процессом обработки знаков.

Очевидно, однако, что в общем случае для определения сферы действия определений требуются более тонкие средства. Так, в примере *райнэн но горин даихео коохоо* "кандидаты в участники Олимпийских игр будущего года" [Алпатов 1979, с.97] определение *райнэн но* "будущего года" относится не к конечному существительному следующего за ним сцепления *коохоо* "кандидат", но к первому компоненту данного сцепления *горин* "Олимпийские игры" – т.е. к компоненту, который непосредственно следует за данным определением. Между тем по формальным признакам оно входит в тот же класс определений с атрибутивной частицей *но*, что и определение *варэварэ но* "наш" из Предложений 6, которое относится там именно к конечному существительному сцепления.

Еще более ярко возможность отнесения определений одной и той же структуры к различным определяемым иллюстрируют примеры:

дарэ мо га моттэ иру имитэки на рикаи я
буммяку о фумаэта рикаи нооряку [ДС 1985, с.1217]
"имеющиеся у всех способности понимания по смыслу
и понимания с опорой на контекст",

и

сэндзаитэки-на имиронтэки кообунронтэки-на кэцуугоо нооряку [КГ 1974, с.1]
"потенциальные возможности семантической и синтаксической сочетаемости"

В первом из них сцеплению *рикаи нооряку* "способности понимания" предшествуют два определительных придаточных, но при этом одно из них (*дарэ мо га моттэ иру* "которыми

обладают все") относится к конечному компоненту сцепления (*ноорэку* "способности"), а другое (*буммяку о фумаэта* "которое опирается на контекст") – к первому его компоненту (*рикаи* "понимание"). Во втором примере таким же образом распределяются два разных определения, маркируемые показателем *на*. Оба эти определения стоят в препозиции к субстантивному сцеплению *кэцугоо нооряку* "возможности сочетаемости", но первое из них *сэндзаитэки-на* "потенциальный" относится к конечному компоненту данного сцепления *нооряку* "возможности", а второе (представляющее собой сочетание двух однородных прилагательных *имиронтэки* "семантический" и *кообунронтэки* "синтаксический") – к начальному его компоненту *кэцугоо* "сочетание", "сочетаемость".

Чтобы система могла адекватно обрабатывать подобные ситуации, она должна иметь возможность учитывать при анализе не только формально-синтаксическую классификацию обрабатываемых единиц, но и достаточно сложные семантико-синтаксические критерии.

Предложение 7

В Предложении 7 система выделяет два ПК-фрагмента: придаточное условное *коно футацу но дзидзидзицу о касанэавасэру то* "если сложить вместе эти два факта" и следующее за ним через запятую главное предложение (внутри которого содержится еще одно придаточное). В переводе они ставятся в том же порядке по отношению друг к другу, что и в оригинале.

В первом ПК-фрагменте вычленяется одна АС-группа *коно футацу но дзидзицу* "эти два факта", так что весь фрагмент оказывается состоящим из четырех компонентов: самой этой АС-группы, маркирующего ее показателя прямого дополнения *о*, глагольного сказуемого *касанэавасэру* "сложить вместе" и союза *то* "если". В переводе эти четыре компонента переставляются в обратном порядке, а переводные эквиваленты слов, входящих в АС-группу остаются по отношению друг к другу в том же порядке, что и исходные слова.

Второй ПК-фрагмент завершается сказуемым *унадзукэру* "можно понять", которому предшествует группа подлежащего, маркированная частицей *га*. В самой группе подлежащего вершинным словом является существительное *риюу* "причина", а вся предшествующая ему часть группы представляет собой предикатный актант этого существительного, оформленный в японском тексте как придаточное определительное. При ПК-анализе внутри фрагмента выделены три АС-группы: *сидзэн гэнго* "естественный язык", *дзинкоо тиноо* "искусственный интеллект" и *сюсо-на кэнкюу кадаи* "важнейшая исследовательная задача". В переводе слова, входящие в эти АС-группы сохраняют в них свои позиции относительно друг друга, а сами АС-группы предстают, наряду с остальными словами данного ПК-фрагмента, в качестве его непосредственных составных компонентов и переставляются в обратном порядке.

Полученный таким способом перевод Предложения 7 для текущего состояния системы можно считать приемлемым, если не считать одной погрешности. Как упомянуто выше, подлежащего главного предложения *риюу* "причина" имеет в этом предложении предикатный актант. В исходном тексте он оформлен стандартным для японского языка способом – в виде придаточного определительного, и в построенном русском переводе это оформление сохраняется: "причина такая, что ...". Однако в русском языке для данного актанта слова "причина", как и для большинства актантов имен существительных, подобное оформление некорректно, и его следовало бы заменить.

На данном этапе разработки системы сделать это можно только словарным путем: приписав исходному японскому слову *риюу* "причина" второй переводной эквивалент "причина того, что", выбираемый при наличии слева глагола-сказуемого. Более общее решение, однако, состоит в том, чтобы синтаксическая неоднозначность (здесь – неоднозначность, вызываемая одинаковым оформлением в японском языке определительных придаточных и предикатных актантов данного типа) снима-

лась, по возможности, на этапе построения структуры зависимостей входного японского предложения. Это позволит всю необходимую в подобных случаях коррекцию выполнять в процессе синтеза по сведениям о моделях управления русских лексических единиц или их классов, уже безотносительно к исходным для них японским лексемам. Такой подход предполагается реализовать при разработки следующей, более продвинутой версии системы ЯРАП.

Предложение 8

Предложение 8 состоит из двух ПК-фрагментов, которые в переводе остаются в том же порядке по отношению друг к другу, что и в оригинале: это группа подлежащего, маркированная тематической частицей *ва*, и группа сказуемого, относящегося к данному подлежащему, вместе с сопровождающей его "глагольной концовкой" *токоро дэ ару*. Оба ПК-фрагмента содержат придаточные определительные. В первом из них в роли вершинного компонента (определяемого) выступает сложное вопросительное местоимение *ка-доо-ка* (представленное в текущей версии системы ЯРАП/1 как целостная словарная единица и имеющее перевод "или_нет"), а в роли сказуемого придаточного определительного, относящегося к этому местоимению, – непосредственно предшествующее ему полупредикативное прилагательное *каноо* "возможный". Во втором ПК-фрагменте завершающая его глагольная концовка формально состоит из глагола-связки *дэ ару* "являться" и существительного *токоро* "место", "точка", относительно которого придаточным определительным является вся предшествующая ему часть предложения (включая и первый ПК-фрагмент). Данная формальная структура сохраняется и в переводе.

Внутри группы подлежащего имеются две АС-группы, сохраняющие в переводе исходный порядок своих компонентов: *сидзэн гэнго* "естественный язык" и *кюукекутэки-на ими* "принципиальный смысл", "конечный итог". Во втором ПК-

фрагменте АС-группы не выделены, так что все его элементы при переводе переставляются в обратном порядке.

М-категория "кф" (= краткая форма), которая указана для прилагательного "возможный" в РС-представлении Предложения 8, получена на этапе японско-русского межъязыкового перехода в результате переноса ее к этому прилагательному – русскому эквиваленту японской единицы *каноо* "возможный" – от примыкающей к той справа единицы *ка-доо-ка* "или_нет" (в РЭ которой указанная категория представлена как МС-признак). Поскольку краткая форма идентифицирует стоящее в ней прилагательное как сказуемое, его число и род установлены путем их согласования по умолчанию с тем единственным существительным Предложения 8 – "понимание", которое имеет (по умолчанию) именительный падеж и может претендовать на роль подлежащего этого предложения. Формы, в которых поставлены прилагательные "принципиальный" и "естественный" также определены по умолчанию – путем их согласования с существительными, ближайшими к ним справа: resp., "смысл:предл-п" и "язык:род-п". Для глаголов-сказуемых "являться" и "совпасть" согласовательные категории выявлены при синтезе в процессе обработки указанных в их характеристике R-отсылок к соответствующим подлежащим: resp., "понимание" и "мнение".

Результирующий перевод – в пределах тех возможностей, которые обеспечивает модель соотношения японского и русского языков, реализованная в описываемой версии системы ЯРАП/1, – можно считать вполне адекватным, хотя его стиль страдает некоторым буквализмом.

Предложение 9

В данном предложении выделено шесть ПК-фрагментов, сохраняющих в переводе свое взаимное расположение:

- вводное слово *сикаси* "однако", отграниченное от последующих единиц запятой;

- группа подлежащего *соосита сисутэму но дзицугэн ни мукэтэ но дореку* "усилия, направленные на реализацию таких систем"; правая граница этой группы маркирована двумя единицами: тематической частицей *ва* и сопровождающей эту частицу запятой);
- вводное выражение *коодзюцу суру еони* "как указывается ниже", выделяемой запятыми;
- две наречных группы, выделяемых по наличию частицы-модификатора *мо* "и", "также", которая, как и *ва*, придает маркируемой ей группе тематический смысл):
  - *гакумонтэки ни мо* "и в научном отношении" и
  - *дзицуеоотэки ни мо* "и для практического использования" – и
- заключительная часть Предложения 8: сказуемое *имн=ару* "иметь значение" с сопровождающей его глагольной концовкой *кото дэ ару* "являться тем, что", стоящей в прошедшем времени: *кото тэ атта*.

Во втором из этих фрагментов выделена единственная для данного предложения АС-группа *соосита сисутэму* "такие системы". За исключением участников этой группы, позиция которых относительно друг друга не меняется, все компоненты неэлементарных ПК-фрагментов при межъязыковом переходе переставляются.

Как и в случае Предложения 8, перевод Предложения 9 стилистически несколько шероховат, поскольку оба предложения содержат конструкции с субстантиваторами. В японском языке такие конструкции стилистически нейтральны, в русском же, напротив, маркированы, так что в переводе их требуется устранять, внося при этом соответствующие изменения (обычно достаточно существенные) в исходную синтаксическую структуру. Данное различие между двумя языками является, однако, слишком фундаментальным, чтобы его можно было учесть и компенсировать в рамках описанной здесь простейшей модели.

5. Заключение

Рассмотренная модель соотношения японского и русского языков существенно опирается на явления межъязыковой избыточности – наличие между средствами кодировки смысловых структур в том и другом языке достаточно прямых соответствий, которые могут использоваться при переводе по умолчанию, без полного анализа самих этих структур. Фактически в реализующей данную модель первой очереди комплекса ЯРАП задействованы пока только те явления и механизмы двух языков, которые входят в сферу такой избыточности. Приведенные экспериментальные результаты показывают, однако, что даже для данных языков, при всей их типологической удаленности друг от друга, межъязыковая избыточность имеет достаточно выраженный характер, чтобы основанная на ней модель позволяла во многих случаях получать приемлемые переводы.

Большую роль здесь играют, разумеется, смыслоразличительные свойства иероглифики, которые снимают многие проблемы, порождаемые расхождением структур лексических значений неоднозначных слов. С точки зрения межъязыковой избыточности как таковой, большое значение, безусловно, имеет универсальность понятия синтаксической зависимости. Но особо нужно отметить такой принципиальный (и менее очевидный) фактор, как возможность установления для рассматриваемых языков позиционных межъязыковых соответствий. Взаимное расположение компонентов японских фраз и их коррелятов в русских переводах совпадает чаще, чем можно было бы ожидать, учитывая различия позиционных ограничений на японские и русские синтаксические структуры. Более того, при конфликте позиционных и структурных требований приоритет, как выясняется, нередко должен отдаваться первым. Следует, по-видимому, признать, что позиционно-коммуникативное развертывание текстов имеет в общем случае более фундаментальное значение для их понимания.

Вместе с тем, оценивая качество работы системы ЯРАП/1, необходимо отметить также, что целый ряд сложных явлений японского языка и его соотношения с русским в ней пока не моделируется. Одним из них является выбор при переводе числа русских существительных, поскольку в японском языке категория числа отсутствует. В ### см. сноску 8 на с. 22!

Приложение 1.
Японские морфологические категории, представленные в примерах.

ас – атрибутивный статус ("третья основа" японских глаголов и предикативных прилагательных)
дс – деепричастный статус (форма на *-тэ/-дэ*)
зс – заключительный статус (омонимичен атрибутивному)
ин – изъявительное наклонение
нв – настояще-будущее время
нс – неопределенный статус ("первая основа")
пв – прошедшее (предшествующее) время
сз – страдательный залог
сн – сослагательное наклонение ("пятая основа")
сс – срединный статус ("вторая основа")

Приложение 2.
Русские морфологические категории, представленные в примерах.

вин-п – винительный падеж
ед – единственное число
им-п – именительный падеж
инф – инфинитив
кф – краткая форма прилагательного
мн – множественное число
нареч – наречная форма прилагательного
наст – настоящее время
нсв – несовершенный вид
пасс – страдательный (пассивный) залог
предл-п – предложный падеж
прич – причастие

прош – прошедшее время
род-п – родительный падеж
сов – совершенный вид
тв-п – творительный падеж
hd – вершинный компонент многокомпонентного РЭ – тот, к которому добавляются М-категории, приписанные всему данному РЭ
nk – компонент РЭ, к которому не должны добавляться М-категории.

Приложение 3.
Русские синтактико-позиционные категории, представленные в примерах.

doqq – признак, указывающий на необходимость проверки данной русской лексемы на соответствие лексическим требованиям ее контекста
down –признак конца позиционной группы
f+ – признак, приписываемый вершинному компоненту позиционной группы, если ее согласовательные морфологические характеристики должны передаваться следующей за ней группе (или постпозитивному участнику той же группы)
up – признак начала позиционной группы, вложенной в другую
fup1 – признак начала позиционной группы, согласующейся с предшествующей ей группой по всем М-категориям, релевантным для соответствующей части речи
RG1 – R-отсылка, указывающая на то, что единица, определяемая содержащим ее ЛС-запросом, выполняет относительно своего структурного спутника, заданного этой R-отсылкой, синтаксическую роль "хозяина" по своей субъектной ("первой") валентности
RG2 – R-отсылка, указывающая на то, что единица, определяемая содержащим ее ЛС-запросом, выполняет относительно своего структурного спутника, заданного этой R-отсылкой, синтаксическую роль "хозяина" по своей объектной ("второй") валентности

Приложение 4.

Сокращения, используемые в статье

АС- – *а*дъективно-*с*убстантивный
ГМ- – *г*рафико-*м*орфологический
ЛМ- – *л*ексико-*м*орфологический
ЛС- – *л*ексико-*с*интаксический
М- – *м*орфологический
МС-признаки – признаки контактного *м*орфолого-*с*интаксического управления
ПК- – *п*озиционно-*к*оммуникативный
ПП-анализ – *п*ред*п*ереводческий анализ
РС-представление – представление для *р*усского *с*интеза
РЭ – *р*усский эквивалент
СтрСинт- – *стр*уктурно-*синт*аксический
ЭЛ-сущность – элементарная *л*ингвистическая сущность
ЯРАП – *я*понско-*р*усский *а*втоматический *п*еревод
R- – реляционный

Литература

1. Алпатов 1979 – **Алпатов В.М.** Структура грамматических единиц в современном японском языке. – М.: Наука. – 1979.
2. ДС 1985 – Дзехо сери. – 1985. – Т. 26. – № 10.
3. КГ – Кокугогаку. – 1974. – № 98. – С. 1-20.
4. Загребельный 2001 – **Загребельный В.** Тексты на японском языке с подстрочным переводом. http://www.rinet.ru:8080/~vit/reader/index2.htm (июнь 2001).
5. Зализняк 1977 – **Зализняк А.А.** Грамматический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1977.
6. Канович-Шаляпина 1997 – **Канович М.И., Шаляпина З.М.** Русский морфологический и морфолого-синтаксический синтез по неполной и/или неточной входной информации // *Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. – М.: "ИКАР", 1997.* – С. 137-147.
7. Костыркин 2000 – **Костыркин А.В.** Применение технологий ограничений в синтаксическом анализе предложения // *Труды Международного семинара Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Протвино, 2000. – Т. 2.* – С. 199-208.
8. Любченко и др. 1999 – **Любченко В.И., Костыркин А.В., Модина Л.С., Сенина И.И., Сивцева В.М., Шаляпина З.М.** Система ИРИС –

иероглифический редактор и справочник по японской графике и лексике // *V-я международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. – С.-Петербург, 1999,* – С. 52-58.

9. МД 1998 – Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией. – М., 1998.
10. Модина-Шаляпина 1995 – **Модина Л.С., Шаляпина З.М.** Принципы организации лингвистических знаний в объектно-ориентированной модели лексико-морфологической системы японского языка // *Dialog'95. Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. (Под ред. А.С. Нариньяни). – Казань, 1995.* – С. 198-205.
11. Модина-Шаляпина 1999 – **Модина Л.С., Шаляпина З.М.** Межъязыковые операции в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // *Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. – М.: ИВ РАН, 1999, – Вып. 7.* – С. 172-231.
12. Панина 1999 – **Панина А.С.** Роль модели управления при разрешении неоднозначности японских глаголов // *Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Тарусса, 1999. – Т. 1.* – С. 226-227.
13. Пашковский 1980 – **Пашковский А.А.** Слитные именные словосочетания в японском языке // *Пашковский А.А. Слово в японском языке. – М.: 1980.* – С. 145-169.
14. Поливанов 1968 – **Поливанов Е.Д.** О русской транскрипции японских слов // *Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: ГРВЛ, 1968.* – С.263-286.
15. СГД 1971 – Син гэнгогаку дзитэн. Kenkyusha's dictionary of new linguistics. – Токио: Кэнкюся, 1971.
16. Танака-Цудзии 1988 – **Танака Х., Цудзии Дз.** Сидзэн гэнго рикаи {Понимание естественного языка}. – Токио: Ohm-sha, 1988.
17. Шаляпина 1980 – **Шаляпина З.М.** Макет лингвистического обеспечения системы японско-русского автоматического перевода ЯРАП: общая структура и основные компоненты. – М: ИВ РАН. 1980. – 235 С. – Рукопись депонирована в ИНИОН РАН 12.05.80 № 5344.
18. Шаляпина 1986 – **Шаляпина З.М.** Общий порядок обработки японского текста при получении его нормализованного русского подстрочника. *Отчет о научно-исследовательской работе "Разработать и ввести в эксплуатацию пакет прикладных программ, обеспечивающих перевод с японского языка на русский (ПОЯРАП)" (результаты предпроектных исследований)"* – М.: ВЦП, 1986 [УДК 681.326/681.39:801.3 № гос. регистрации Г.Р. № 01.86.0 039077]. – С. 8-16.
19. Шаляпина 1986 – **Шаляпина З.М.** Принципы формального анализа японского текста в связи с задачей его перевода // *Проблемы языков*

Азии и Африки. Материалы II Международного Симпозиума. Варшава-Краков, 10-15 ноября 1980 г. [Problemy jezykow Azji i Afryki. Materialy II Miedzynarodowego Symposium Warszawa-Krakow 10-15 listopada 1980]. – Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. – С. 111-126.

20. Шаляпина 1991 – **Шаляпина З.М.** Словарь как единая форма организации формализованного лингвистического описания // *Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists. – Berlin: Akademie-Verlag, 1991.* – P. 1244-1247.
21. Шаляпина 1999 – **Шаляпина З.М.** Оппозиция "часть-целое" и сущностный подход к моделированию языковой компетенции // *Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. – М.: РГГУ, 1999.* – С. 541-551.
22. Шаляпина и др. 1999 – **Шаляпина З.М., Канович М.И., Штернова О.А.** Организация лексико-синтаксических знаний в модели русского синтеза RUMORS // *Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям.* (Под ред. Нариньяни А.С.). – *Таруса, 1999. – Т. 2.* – С. 326-333.
23. Шаляпина и др. 2001 – **Шаляпина З.М., Модина Л.С., Канович М.И., Любченко В.И., Панина А.С., Сенина Н.И., Сивцева В.И., Тарасова Е.С., Хайлова И.М., Штернова О.А.** Экспериментальный комплекс ЯРАП для лингвистических исследований в области японско-русского автоматического перевода: первая очередь – М: ИВ РАН, 2001. – 404 С. – Рукопись депонирована в ИНИОН РАН 5.11.01. № 56804.
24. Юрченко-Блехман 1991 – **Юрченко О.В., Блехман М.С.** Автоматизированное рабочее место переводчика-япониста // *НТИ. – 1991. – сер.2. – № 1.* – С. 18-21.
25. Miura et al. 1992 – **Miura M., Hirata M., Hoshino N.** Learning Mechanism in Machine Translation System PIVOT. *Proceedings of COLING 92. – Nantes, 1992.* – P. 693-699.
26. Modina-Shalyapina 1994 – **Modina L.S., Shalyapina Z.M.** The JaRAP experimental system of Japanese-Russian automatic translation // *Proceedings of COLING 94. – Kyoto, 1994. – Vol. 1.* – P. 112-114.
27. Nagao et al. 1985 – **Nagao M., Tsujii I., Nakamura J.** The Japanese Government Project for Machine Translation // *Jap. Association of Computational Linguistics. – 1985. – Vol. 11. – № 2-3.* – P. 4-9.
28. Rösner 1986 – **Rösner D.** When Marico Talks to Siegfried – Experience from a Japanese/German Machine Translation Project // *Proceedings of COLING 1986. – Bonn, 1986.* – P. 652-654.

Д.Р. Шарафутдинов, И.А. Мустакимов

Введение в научный оборот архивных материалов по истории татарского народа в журнале "Гасырлар авазы – Эхо веков" и его международные контакты

Историко-документальный журнал "Гасырлар авазы – Эхо веков" является изданием Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан.

Возобновление этого издания в 1995 году было связано с необходимостью удовлетворения возросшего общественного интереса к проблемам истории Волго-Уральского региона, Республики Татарстан и татарского народа. Основной целью журнала является ознакомление исследователей и широкой общественности с архивными документами и другими историческими источниками. С самого начала в концепцию журнала была заложена идея привлечения самого широкого круга источников по истории татарского народа, хранящихся в архивах и других древлехранилищах России и мира.

В числе важнейших материалов по этой теме, на наш взгляд, можно назвать публикацию в журнале перевода единственного сохранившегося аутентичного татарского источника по истории Казанского ханства – "Зафер-наме-и Вилаят-и Казан" (1550г.) (опубликовано в 1995 г.), перевода послания казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I Старому, копия которого была передана архивистами Польши (опубликовано в №1-2 за 1997г.), публикацию ранее не исследованных документов о политике Российского правительства в

Поволжье и Приуралье в XVII-XVIII вв., а также републикацию ярлыков-посланий золотоордынских ханов конца XIV – XV вв.

Большое место на страницах нашего издания занимают публикации, посвященные персоналиям из татар: историка Газиза Губайдуллина, ученого и религиозного деятеля Ризаэддина Фахреддинова, общественных и политических деятелей Гаяза Исхаки, Садри Максуди, Мирсаида Султан-Галиева, генерала Искандера Тальковского и многих других, а также статьи, воспоминания и дневники татарских ученых, политиков, общественных деятелей XIX-XX вв.

Большую роль в отыскании и публикации материалов играют международные связи журнала "Гасырлар авазы – Эхо веков". Помимо российских исследователей авторами журнала являются ученые из Турции, Германии, Украины, США, Узбекистана, Азербайджана.

Среди публикаций зарубежных исследователей можно выделить статью руководителя архивной службы Азербайджана Атахана Пашаева "Газиз Губайдуллин как видный историк-архивист" (№1-2 за 1996 г.), публикацию профессора Рурского университета Михаэля Кемпера в соавторстве с доцентом Казанского университета Д. Усмановой "Ваисовское движение в зеркале собственных прошений и поэм" (№3-4 за 2001 г.), статью доцента Симферопольского педагогического института Виктора Ганкевича "Архивные документы к ранней биографии Исмаила Гаспринского" (№1-2 за 2001 г.).

Говоря о международных контактах журнала "Эхо веков", нельзя не коснуться международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ. Несомненным фактором, повышающим авторитет и возможности архивной службы Республики Татарстан, является ее полноправное членство в Международном совете архивов, куда она была принята в 1994 году по рекомендации Росархива. Это позволяет Архивному управлению республики заключать рав-

ноправные соглашения с архивными службами зарубежных государств.

В частности, большой толчок для расширения источниковой базы по истории татар дало заключение соглашений с архивными службами Турции, Польши, Кыргызстана, республик Поволжья и Приуралья. В результате были получены ценные источники по истории татарского народа. Так, на основании соглашения о сотрудничестве с Турцией архивной службе Татарстана переданы копии более 200 документов 15 – начала 20 веков по истории татарско-турецких и, отчасти, российско-турецких связей. В основном это документы из Османского архива. На страницах журнала были опубликованы 2 послания османского султана Селима II крымскому хану Девлет-Гирею I и московскому царю Ивану IV, в которых нашла отражение позиция Османской империи на присоединение к России Казанского и Астраханского ханств. В одном из последних номеров было опубликовано письмо татарского просветителя Исмаила Гаспринского османскому падишаху Абдул-Хамиду II, в котором он кратко описывает состояние мусульманского книгопечатания в России. Письмо датировано 29 раби ал-ахира 1312 г. (30 октября 1894 г.). Ранее эти документы не публиковались. К сожалению, в республике ощущается нехватка квалифицированных османистов, в связи с чем введение в научный оборот полученных документов несколько затруднено.

При содействии благотворительного фонда Ахмед-Вели Менгера (Стамбул) возвращен на родину личный фонд выдающегося татарского писателя и политического деятеля Гаяза Исхаки, получены ксерокопии документов, относящихся к жизни и деятельности дочери Исмаила Гаспринского, издателя и общественного деятеля Шафики Гаспринской-Юсуфбейли. С частью этих материалов также можно ознакомиться на страницах журнала.

В 1998 г. на XXXIII Международной конференции Круглого стола архивов при содействии Росархива архивистам Татарстана были безвозмездно переданы более 200 микро-

фильмов и каталоги фондов "Тюрконика, коллекция Татарика" и "Восточные документы" из Национального архива Швеции. Эти фонды в основном содержат материал о крымско-шведской переписке XVII-XVIII вв. Сейчас рассматривается возможность публикации некоторых из этих материалов.

Из Национального исторического архива г.Гродно Республики Беларусь были получены документы XVII-XVIII вв., связанные с историей татар в Литве и Белоруссии. Поступившие из Литвы и Польши документы были использованы в книгах "Бездны мрачной на краю..." (о комдиве Искандере Тальковском) и "Отчизны верные сыны" (о российских военачальниках – представителях татарских родов из Польши и Литвы), изданных в 2000-2001 гг. издательством "Гасыр" как приложения к журналу "Гасырлар авазы – Эхо веков".

В этом году архивной службе Татарстана передан личный архив видного деятеля татарской эмиграции XX века Али Акыша.

В июле текущего года поступило предложение о сотрудничестве от Генерального управления национальных книг и документов Египта. Надеемся, что удастся обнаружить документы, относящиеся к мамлюкскому периоду, когда существовали тесные политические, экономические и культурные контакты между державой мамлюков и Золотой Ордой.

Отдельно следует отметить помощь в выявлении документов по истории татарского народа, оказываемую Федеральной архивной службой. Так, в 1993 г. руководителем Росархива профессором Рудольфом Пихоей в распоряжение архивистов Татарстана были переданы копии одного из ценнейших документов по нашей истории - списков с надгробных камней из Булгарского городища, сделанных по приказу Петра I. Эти материалы с комментариями были опубликованы в одном из первых номеров нашего журнала. Копии ценных документов были предоставлены нам также архивами Астраханской, Самарской, Нижегородской, Омской, Пензенской, Томской, Тюменской областей, Тобольским филиалом Государственного архива

Тюменской области. Большая часть этих документов также публиковалась в журнале.

В заключение хотелось бы выразить надежду на более активное участие российских востоковедов во введении в научный оборот материалов по истории татарского народа. Тем более что многие из этих документов имеют значение для изучения не только внутренней политики России, но и ее международных контактов. Мы будем рады видеть ваши материалы на страницах нашего журнала.

Д.Д. Васильев, А.А. Столяров

Третий Всероссийский съезд востоковедов

С 3 по 6 сентября 2002 г. в г. Санкт Петербурге проходил Третий Всероссийский организационно-научный съезд востоковедов. Съезд был посвящен подготовке XXXVII Международного Конгресса Азиатских и Североафриканских исследований (ICANAS – 37), который состоится в Москве в 2004 г., и поэтому основной его темой были международные контакты востоковедов Российской Федерации. Съезд имел целью также информировать участников о выполнении планов по созданию единого интеллектуального и информационного пространства в области востоковедения на территории России. В этой связи съезд был ориентирован на усиление научных связей между всеми востоковедческими центрами и научными коллективами России, на развитие новых форм их связей с Обществом востоковедов РАН и Институтом востоковедения РАН.

На съезде были собраны руководители российских востоковедческих учреждений, центров и научных коллективов от Санкт Петербурга до Владивостока, представляющие основные направления отечественного востоковедения. Академическая наука была представлена Институтом востоковедения РАН, включая его Санкт-Петербургский филиал, Институтом Дальнего Востока РАН, Институтом Африки РАН, Институтом российской истории РАН, Институтом истории материальной культуры РАН, Центром научных телекоммуникаций и инфор-

мационных технологий РАН, Институтом археологии и этнологии СО РАН, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН, Уфимским научным центром РАН, Дагестанским научным центром РАН. Региональная наука была представлена Институтом гуманитарных исследований Республики Алтай, Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, Тувинским институтом гуманитарных исследований.

Университетскую и вузовскую науку представляли Институт стран Азии и Африки при МГУ, Восточный факультет Санкт-Петербургского госуниверситета, Новосибирский госуниверситет, Кемеровский госуниверситет, Казанский госуниверситет, Башкирский госпедуниверситет, Алтайский госуниверситет, Барнаульский госпедуниверситет, Восточный институт Дальневосточного госуниверситета, Волгоградский Государственный университет, Самарский госпедуниверситет, Липецкий госпедуниверситет.

Культурно-просветительные востоковедческие центры представляли Центр восточной литературы Российской государственной библиотеки, Центром восточных культур Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Российской национальной библиотекой.

Востоковедческие музейные центры были представлены Государственным Эрмитажем, Государственным историческим музеем, Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственным этнографическим музеем.

Архивное востоковедение было представлено Сектором архивных публикаций Института востоковедения РАН, Государственным архивом Российской Федерации, Российским архивом военно-морского флота Архивным управлением Республики Татарстан, Фотоархивом РАН.

И, наконец, издательское дело и специализированные периодические издания были представлены Редакционно-издательским отделом Института востоковедения РАН, издательской фирмой «Восточная литература», журналом «Восток», журналом «Восточная коллекция», журналом «Восточный архив» и журналом «Гасырлар авазы – Эхо веков».

Руководители востоковедческих учреждений, центров и научных коллективов ознакомили участников съезда с результатами деятельности своих учреждений за истекшие три года, рассказали об их международных контактах и перспективах работы в наступившем XXI столетии.

На заключительном заседании съезда Д.Д. Васильевым была сделана краткая предварительная информация по различным аспектам обеспечения предстоящего Международного конгресса: предполагаемое число участников, страны, вопросы размещения, связи, научной и культурной программ, транспорта, возможной спонсорской поддержки.

Затем был заслушан отчет о работе Общества востоковедов РАН за период 2000 – 2002 гг. и избрано его новое руководство, обсуждены вопросы координации и конкретных направлений деятельности российских востоковедческих учреждений в преддверии Международного конгресса 2004 г., проблемы развития электронных технологий и информационных коммуникаций в отрасли. Пре-

зидентом Общества востоковедов РАН на 2002 – 2004 гг. был избран Р.Б. Рыбаков, вице-президентами – Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев и Ю.С. Худяков.

Отчет и деятельность Общества востоковедов РАН за отчетный период были оценены положительно.

На съезде были приняты решения об активизации деятельности Общества востоковедов РАН, о ближайших и перспективных задачах востоковедческих организаций. В связи с этим была заслушана информация о создании Общественной организации «Фонд поддержки общества востоковедов РАН», о целях и задачах деятельности Фонда как одного из инструментов стимулирования деятельности Общества востоковедов РАН. Были приняты изменения в Уставе Общества востоковедов РАН, связанные с размерами и формой оплаты коллективных и индивидуальных членских взносов. В ходе обсуждения ряд руководителей востоковедческих учреждений и коллективов выразили желание вступить в ряды коллективных членов Общества востоковедов РАН.

Съезд принял решение созвать очередной, четвертый, всероссийский организационно-научный съезд востоковедов в Москве в августе 2004 г., непосредственно после ICANAS – 37, девизом которого определена сентенция «Единство в многообразии».

А.О. Тамазишвили

Рец. на кн.:
Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий в советский период (1917 – 1991) / Сост. Васильков Я.В. и Сорокина М.Ю. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 496 С.

Даже поверхностное знакомство с этой очень интересной во многих аспектах и не поддающейся однозначной оценке книгой – результатом многолетнего, подвижнически упорного труда – убеждает, что она яркое явление в истории отечественных общественных наук.

Однако рецензируемый словарь следует читать так, как обычно не читают справочники, а именно – целиком, все статьи подряд. Только такое прочтение дает возможность в полной мере оценить материал словаря и ощутить, сколь эмоционально сделана эта работа.

Среди этих эмоций и вполне понятный азарт первооткрывательства. Но он сыграл с авторами злую шутку. В статье о А.Н. Генко они приводят даты его ареста (4.10.1941) и смерти от голода (26.12.1941) во внутренней тюрьме Управления НКВД по Ленинградской области, находившейся в самом Ленинграде. А вслед за этим делается предположение, что в Институте востоковедения АН СССР "о повторном аресте Генко и о том, что он умер в тюрьме, вероятно, не знали: имя его было занесено на мемориальную доску среди имён погибших на фронте и умерших в блокаду" (с.14). То ли в ИВ АН СССР,

зная все о судьбе Генко, поостереглись бы заносить его имя на мемориальную доску, то ли умерший в блокадном Ленинграде в тюрьме вовсе и не блокадник.

Один этот печальный курьез показывает, что от авторов словаря требовались предельные осмотрительность и корректность. Итоги работы Я.В. Василькова и М.Ю. Сорокиной очень впечатляющи, но при чтении словаря почти сразу же к ощущению творческой удачи добавляется чувство досады за его недостатки, обусловленные чисто субъективными причинами.

В своей работе авторы опирались, прежде всего, на архивные материалы, указание архивных фондов – одна из положительных особенностей этого словаря. Была учтена и использована, хотя и обширная, но, к сожалению, далеко не всегда хорошего качества, литература по теме, что резко повышает ответственность авторов словаря за отбор данных из нее. Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина не пренебрегали и сведениями, передаваемыми изустно, что всегда рискованно, и, как будет показано ниже, в ряде случаев явно неоправданно.

Строго говоря, от такого рода справочного издания в первую очередь требуется достоверная, в хорошем смысле "сухая", намечающая пути более глубокого изучения темы информация. Но авторы, там, где имели достаточно материала, не ограничились разумно подробными биографическими справками, и многие статьи словаря – это, скорее, краткие очерки людских судеб и характеров в тесной увязке с особенностями доставшейся персонажам словаря эпохи. В них уделяется пристальное внимание подробностям личных трагедий востоковедов – от мытарств в поисках работы до расстрела. Авторы пишут о мужественном поведении на допросах (статья о Л.Ф. Векслер), драматических перипетиях этапов (статья о Х.М. Губайдуллине), особенностях быта и работы в зоне (статья о В.А. Эбермане), обстоятельствах гибели (статья о В.А. Забирове) и многом другом. Это лишь некоторые из наиболее интересных примеров. Но вся эта, часто легендарная, информация в слова-

ре-справочнике лишняя. Место ей в отдельных развернутых исследованиях, там, где у авторов несравненно больше прав на интерпретацию той или иной проблемы в соответствии со своим видением.

Труд Я.В. Василькова и М.Ю, Сорокиной значительно дополняет вышедший в 1995 г. "Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов (с 1917 г.)" С.Д. Милибанд, и вместе они составляют отличный справочный комплекс. В рецензируемом словаре приводятся (часто впервые) точные даты гибели востоковедов в результате репрессий, и это его огромный плюс. Значительный минус – отсутствие точных дат (число и месяц) рождений и кончин, произошедших естественным путем.

В издательской аннотации указано, что в словаре 750 статей. Это цифра могла бы быть и больше, и меньше. Крайне спорным является решение авторов дать в словаре статьи о лицах, сведения о которых "не дают полной уверенности в самом факте репрессирования" (с. 7).

Само собой разумеется, что для авторов не имели значения ни вид, ни степень тяжести репрессий. Есть у этого словаря и неожиданная (наверняка для многих) особенность. В то время как наше общество привыкло связывать факт политических репрессий в указанный период лишь с действиями советской власти, авторы совершенно справедливо учитывают жертвы репрессий со стороны и других политических режимов, существовавших на территории будущего СССР (Махмудходжа Бихбуди, В.А. Мухин, Мидхат Рифатов и др.).

Авторы подчеркивают, что их подход к комплектованию словника расширяет географические и «узко институциальные рамки дисциплины», отвергая «"анкетный", чиновно-иерархический принцип» (с. 6). Что понимается ими под "анкетным", чиновно-иерархическим принципом – не ясно. Тем не менее, решение авторов учесть в словаре все существовавшие с 1917 г. по 1991 г. варианты состава отечественного востоковедения является верным. Однако при том, что интересы восто-

коведения одно время частично охватывали и север Европейской части СССР, все же не имеет под собой достаточных оснований отнесение к востоковедам исследователей народов Кольского полуострова и исторических памятников Соловецкого архипелага (Н.Н. Виноградов, В.В. Чарнолуский и др.).

В словаре, если можно так выразиться, уравнены в правах представители и светской, и церковной наук, и, скорее, просто мистики, нежели ученые. Очевидно, Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина прекрасно отдавали себе отчет в том, что второй попытки (ни их, ни кого-либо другого) такой работы не будет еще очень долго, а потому стремились собрать под одной обложкой как можно больше имен тех, кто в своей деятельности когда-либо уделял внимание какому-либо явлению жизни Востока "от студента востоковедного вуза, национального просветителя, священника, дипломата и "красных" организаторов востоковедения до академиков Российской Академии наук / АН СССР" (с. 6.).

Здесь же писатели и журналисты; художники и наборщик тибетских текстов из типографии АН (Л.У. Куберлин); библиотекари и члены семей востоковедов, поскольку они занимались изучением личных архивов и творческого наследия покойных ученых; практические специалисты тибетской медицины (Н.Н. и П.А. Бадмаевы) и просто изучавшие ее методы; биолог академик Н.И. Вавилов и автор трудов по геологии стран Востока А.Н. Криштофович; Иехезиель Абрамский – традиционный ученый-талмудист, комментатор раввинских источников и А.В. Барченко – "ученый естествоиспытатель, парапсихолог и оккультист увлекавшийся Востоком" (с. 54); сотрудник ВЧК-ОГПУ с востоковедным образованием, политический авантюрист и разведчик Я.Г. Блюмкин и откровенный враг советской власти, басмач А.-З. Валидов; востоковеды-эмигранты арестованные во время и после Второй мировой войны в советской оккупационной зоне и в СССР не работавшие и многие иные разнообразные. Для авторов не имело зна-

чения и отсутствие у кого-либо публикаций, которые они выявляли весьма тщательно.

Вероятно, авторы хотели отразить в словаре даже потенциальный ущерб от репрессий для отечественного востоковедения, но их такой крайне либеральный подход к комплектованию словника не всегда на пользу делу. Во всяком случае, А.В. Барченко – автору бредовых теорий о прошлом и будущем человечества, искателю контактов с якобы живущими где-то в Тибете наследниками тайного знания древнейших сверхцивилизаций – в этом словаре не место.

Есть здесь и другое странное, даже нелепое "свидетельство широты взглядов" проявленной Я.В. Васильковым и М.Ю. Сорокиной при составлении словаря. Об историке и археологе Ф.В. Кипарисове они сообщают: "К востоковедению причастен постольку, поскольку насаждал в нем марксистские социологические схемы и идеи марризма" (с. 202).

Зато хорошо и справедливо, что без всяких "постольку - поскольку" в словаре представлены в качестве исследователей проблем отечественного и зарубежного Востока видные деятели советского государства и ВКП (б) Ф.Ф. Раскольников, Х.Г. Раковский, С.Д. Асфендиаров, К.Б. Радек, Г.И. Сафаров, М-Х Султан-Галиев, М. Орахвелашвили, как "автор работ по истории большевизма в Закавказье" (с. 293) и другие.

С не меньшим основанием в эту группу могли бы быть включены и Л.Д. Троцкий – автор книги "Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии" (М., 1921) и даже Л.П. Берия – автор некогда считавшегося каноническим труда "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье" (М., 1935). Явным упущением является отсутствие в словаре статьи о М.Д. Багирове – расстрелянном в 1956 г. бывшем Первом секретаре ЦК КП Азербайджанской ССР, который выступал в печати по проблемам движения мюридизма и характера эпоса "Дэдэ Коркуд". Вообще Багиров сыграл заметную, и не только негативную, роль в истории советского востоковедения.

И уж если в словаре учитываются писатели и публицисты, следовало учесть Бориса Пильняка за его книгу "Таджикистан – седьмая Советская. Очерки. Материалы к роману." (Л., 1931).

Хотя может и должен продолжаться поиск имён, дополняющих словарь, с выходом его в свет появляются достаточные предпосылки для начала качественно нового этапа в разработке темы политических репрессий в отечественном востоковедении, этапа всестороннего анализа и оценки этого феномена. Поэтому объективна необходимость уделить первоочередное внимание позиции и взглядам авторов словаря в подходе к указанной проблеме, шире – проблеме событий на "востоковедном фронте" РСФСР-СССР.

Авторы называют одной из целей своей работы "отдать долг памяти российским (? – *А.Т.*) ориенталистам, перемолотым жерновами бессмысленного государственного террора" (с. 5). Ясно выраженное желание отдать долг памяти именно жертвам репрессий, казалось бы, предполагает нейтралитет авторов к политической и идеологической ориентации тех, о ком они пишут. Но симпатии Я.В. Василькова и М.Ю. Сорокиной явно отданы тем (независимо от их моральных качеств), в ком авторы видят оппозиционность (пусть и скрытую, внутреннюю) коммунистическому учению, политике советской власти и т.п. И целый ряд примеров показывает резко негативное отношение авторов к тому, что они называют "большевизацией" востоковедения.

Среди тех, чьи имена впервые занимают свое законное место в крупном справочном издании по истории отечественного востоковедения – ряд известных его организаторов – коммунистов: М.И. Амагаев, П.И. Воробьев, С.М. Диманштейн, А.Г. Гамбаров, Б.Н. Мельников. И это несомненная заслуга авторов словаря. Но о Б.Н. Мельникове не сказано, что он был одним из руководителей Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ), не выявлены статьи директора учебного Московского института востоковедения (МИВ) А.Г. Гамбарова

в институтской многотиражке "Наримановец", м.б. вообще единственные его публикации востоковедной тематики, и т.д. Зато указано, что "малообразованный и деспотичный Амагаев не вызывал особых симпатий у интеллигентной части профессорско-преподавательского состава ЛВИ" (с. 37). А о П.И. Воробьеве говорится, что "вынужденный в силу партийной дисциплины участвовать в различных мероприятиях по "большевизации" АН" он в то же время "оставался, по воспоминаниям современников, человеком лично порядочным" (с. 104-105). Но читатель справедливо может считать, что далеко не все современники Воробьева были о нем такого мнения. Возможно, что активно участвовавший в "большевизации" ИВ АН СССР Х.И. Муратов и в самом деле был личностью несимпатичной или того хуже. Но оценка его академиком В.И. Вернадским как "ненормального и безграмотного плута" (с. 274), во-первых, ничего не доказывает, а, во-вторых, плохо увязывается с указанием авторства Муратова (с. 273) раздела "Османская империя" в знаменитом, первом в своем роде, учебнике для вузов "Новая история колониальных и зависимых стран" (М., 1940).

Вместе с тем статьи о Е.Д. Поливанове, А.Е. Снесареве, М.Х. Султан-Галиеве, А.Н. Самойловиче и многих других доказывают, что при желании авторы могут писать о сложных, неоднозначных личностях в достаточно спокойном тоне, без выплеска не идущих к делу эмоций, по существу. Но в целом образы востоковедов в словаре – не самая сильная его сторона.

Очевидно, что практически невозможно собрать и поместить в словаре для объективности все оценки и характеристики, данные кому-либо из репрессированных востоковедов их коллегами или историками отечественной науки. Поэтому в справочном издании такие оценки неуместны из-за большой вероятности субъективизма или их самих, или их отбора. Но авторы не разделяют этой точки зрения, что также не пошло на пользу словарю. А кому и какую дать оценку или характеристику они решают, руководствуясь, похоже, в основном своими симпатиями и антипатиями.

Авторы фактически делят репрессированных востоковедов на "чистых" – безвинные жертвы и "нечистых" – за кем видят какую-то, пусть невольную, вину в подталкивании процесса репрессий. Описаниями мук "чистых" и "доказательствами" вины и скверны "нечистых" перегружена, как минимум, треть статей словаря. Безусловно, что для любого человека репрессирование было личной трагедией. Акцентировать внимание на этом обстоятельстве в справочнике нет смысла, и когда подчеркивание трагичности судьбы заменяет в биографии востоковеда конкретные факты, получается плохо. Наиболее яркий пример – это статья о Ф.С. Грайворонском, которую приведем целиком: "Грайворонский Ф.С. (годы жизни неизвестны) - африканист. Сотрудник Африканского кабинета КУТВ. Около 1936 г. переведён на другую работу. Вскоре арестован, подвергался пыткам и выпущен психически сломленным человеком. Почти сразу же погиб на ВОВ" (с. 109). Короткую эту статью без ущерба для дела и можно и должно было сделать еще более короткой.

Явно антикоммунистически настроенных авторов иногда удивительнейшим образом "заносит". Зачем-то они сообщают, что "дача репрессированного Зазубрина в писательском поселке досталась А. Фадееву" (с. 169), а в статье о А.Е. Симукове, что его внук С.С. Зориг "выступил в недавние годы лидером демократического движения Монголии" (с. 351).

Что касается "нечистых", то причины отнесения востоковедов к этой категории разнообразны. Например, у авторов самое отрицательное отношение к апологетам и яростным, до политического левачества, борцам за гегемонию в науке "нового учения о языке" академика Н.Я. Марра – т.н. марристам. Указание, совершенно необязательное для этого словаря, что кто-то был марристом, для авторов есть, по сути, изобличение "нечистого". И авторы выявляют марристов практически столь же энергично и с той же целью, как некогда марристы клеймили своих оппонентов.

Но гораздо важнее то, что авторы прямо называют некоторых востоковедов виновниками репрессий в отношении их коллег. А это – абсолютно запретная для справочника жертв (именно жертв) политических репрессий тема: кто и почему дал показания, позволившие продолжить цепь репрессий, кто был секретным осведомителем ОГПУ-НКВД и т.п. Конечно, детальное исследование и публичное освещение (оговоримся, опять таки в отдельных развернутых работах) причин конкретных случаев репрессий необходимо. Здесь возможны весьма любопытные сюрпризы. Так, по утверждению Б.Н. Заходера, он был арестован после резких его выступлений против директора МИВ Гамбарова и по обвинению в "гнусном бытовом пороке, в котором не признавал и не признаю себя виновным". (Архивный фонд ИВ РАН. Личное дело Б.Н. Заходера). Эта информация вносит коррективы в представление о Заходере и Гамбарове.

Упрекать авторов словаря в том, что они до чего-то не докопались – несправедливо, но уж если они сочли возможным обнародовать в справочнике информацию кто и кого "сажал", то нельзя делать исключения для кого-то в соответствии со своими симпатиями. Но авторы умалчивают, к примеру, о том, что К.А. Антонова немало постаралась, чтобы был репрессирован А.Т. Мукерджи (Мухарджи). Сама она в своих мемуарах "Мы, востоковеды", авторами словаря, разумеется, учтенных, этого не скрывает[1], но для Я.В. Василькова и М.Ю. Сорокиной Антонова остается явно в числе "чистых". А вот Е.Э. Бертельс, который, по мнению авторов, "оставался, по-видимому, под контролем и психологическим давлением" (с. 66) НКВД, тот уже из "нечистых". Поэтому и негативная информация о нем не утаивается. Статья о Е.Э. Бертельсе вообще одна из самых неудачных в словаре.

Предпринимая попытку выявления причин репрессий в советском востоковедении, авторы выходят на смежную тему:

тему т.н. внесудебных преследований.* Под ними понимаются проработка коллегами, разгромная критика в печати, особенно в партийной, исключение из ВКП(б), лишение ученых степеней и званий, увольнение с работы по политическим мотивам, фактический запрет на профессию и т.д. Настойчиво подводя читателя к выводу, что все это могло стать поводом для репрессий судебных, авторы явно злоупотребляют тем, что вывод этот верен.

Академик-китаист В.М. Алексеев репрессирован не был, но тема внесудебных преследований в отношении него – очень популярная у Санкт-Петербургских историков отечественного востоковедения и совершенно посторонняя для словаря – проходит в статьях о Б.А. Васильеве, Н.Е. Мельникове, Х.И. Муратове, Г.К. Папаяне, Г.К. Шитове, А.А. Штукине. Причем отношение к В.М. Алексееву для авторов словаря является четким критерием в оценке человеческих и профессиональных качеств востоковедов. О китаисте-литературоведе Б.А. Васильеве сообщается: "Попытки "идти в ногу с эпохой " придать политическую актуальность своей деятельности заводили Васильева подчас слишком далеко. Так в 1932 г. он подписал в числе прочих рецензию на книгу академика В.М. Алексеева, в которой последний именовался "апологетом конфуцианства" и т.п., что, естественно, омрачило его отношения с учителем в последующие годы" (с. 92).

В целом в словаре авторы проводят мысль, что разгромная критическая статья с политизированными обвинениями и выводами мало чем отличается от доноса о политической неблагонадежности. Работа авторов с этой категорией литературы дает яркие примеры их непоследовательности. Так о Н.П. Мацокине говорится, что его рецензия на учебник японского языка П.А. Гущо и Г.С. Горбштейна "содержащая придирки и

---

* Термин "внесудебные преследования" введен в оборот историком отечественной науки ныне покойным Ф.Ф. Перченком – автором идеи создания рецензируемого словаря.

прямые политические обвинения, вызвала в ответ открытое письмо, подписанное 30 ленинградскими и московскими востоковедами" (с. 260). Это письмо подписали 37 востоковедов, многие из которых были репрессированы. Статьи о них есть в словаре. Но в нём нет упоминания, что коллективная публикация "По поводу рецензии Н.П. Мацокина" также содержит политическое по сути обвинение в его адрес, а именно, что его рецензия – это попытка "клеветнически дискредитировать советское японоведение и воспрепятствовать его росту"[2]. Какую роль сыграла эта публикация в судьбе репрессированного Мацокина неизвестно. Однако, в одной из учтенных авторами словаря статей отмечено, что в НКВД назвали вредительской работой "создание обстановки склок, ссор и травли между лингвистами-японоведами"[3]. А инкриминировать это Н.П. Мацокину на основании "доноса" 37-ми можно было вполне.

Данный пример, когда о событиях и обстоятельствах, аналогичных описываемым в одной статье, в другой не упоминается, – далеко не единственный, будь то "травля" (как в случае с Е.Э. Бертельсом) или присуждение Сталинской премии (как в случае с К.С. Гамсахурдиа).

Конечно, случаев т.н. внесудебных преследований в истории советского востоковедения было очень много. Все они и не могли быть ни упомянуты в словаре, ни даже просто известны авторам, но это не снимает вопрос об их предвзятости. Вместе с тем история ожесточённой борьбы на "востоковедном фронте", которую вели не только "марксистские фанатики и карьеристы" (с. 220), таит много контраргументов любой попытке тенденциозного подхода к ней.

Для целей рецензируемого словаря упоминания о т.н. внесудебных преследованиях могут считаться оправданными лишь в том случае, если точно известно, что именно они стали причиной репрессий. Но никаких доказательств этого авторы не приводят.

Труд Я.В. Василькова и М.Ю. Сорокиной является работой по истории отечественного востоковедения, и сведения

из этой истории об участии кого-то из персонажей словаря в громких дискуссиях и научно-политических кампаниях, о судьбах изданных и неизданных трудов и т.п., несомненно, интересны. Но очень трудно ответить однозначно – оправдывает ли это сознательное использование авторами объективно или заведомо неполной информации для освещения и трактовки привлекших их внимание событий, тем более, если речь идет об оценке политики советского государства в сфере востоковедения.

Важным и острым является вопрос об ответственности авторов словаря перед читателем, не знакомым с историей советского востоковедения. Основой его представлений легко может стать и сделанное мимоходом и являющееся лишь полуправдой обобщение: "Требования властей все большей "актуализации" привели к тому, что господствующим занятием стало изучение политической и экономической жизни Востока без знания восточных языков" (с.193). Но власти требовали и другого. В передовой "Правды" от 18.12.1934 "За изучение иностранных языков", в частности, говорилось: "Явление, с которым приходилось до поры до времени мириться, советский специалист, не владеющий или плохо владеющий иностранными языками, становится нетерпимым". Это, разумеется, касалось и востоковедов.

В силу специфики рецензируемой работы, в ней не место произвольному авторскому делению востоковедения на научное и ненаучное. Но в статьях о М.Ф. Гаврилове, А.А. Гаррицком, Л.Е. Кузнецове, В.А. Семенове, И.И. Умнякове, Н.А. Фиолетове и А.Э. Шмидте сочувственно подчеркивается, что эти ученые, отнесенные авторами к представителям научного востоковедения, противостояли линии на "политизацию и марксистскую вульгаризацию востоковедения" (с.112), на "идеологизацию востоковедной науки в Средней Азии" (с.345) и т.д. и т.п. Из этих же статей явствует, что научное востоковедение – это исследования классического, подчеркнуто аполитичного, историко-филологического направления. Поскольку

ни о какой иной альтернативе "марксистской вульгаризации" востоковедения авторы не говорят, логично сделать вывод, что все остальные направления советского востоковедения были ненаучными.

В СССР еще в 1930-е годы практически всеми представителями классического востоковедения такой взгляд был отвергнут. Воскрешение его опытными историками советского востоковедения уже не удивляет, но огорчает.

И удивляет, и огорчает то, что в научном издании картина репрессий часто дана на уровне околонаучной и просто "желтой" публицистики эпохи т.н. перестройки. В словаре немало неожиданных и досадных проявлений авторами дурного вкуса. Это и патетическое "казнен" завершающее статью о М. Орахвелашвили (с. 243), и сообщение, что А.А. Глаголев "расстрелян в подвалах киевского НКВД" (с. 118) – какая разница где, а "подвалы ЧК" это штамп из эмигрантских изданий еще 1920-х годов. В том же ряду и упоминание о "высочайшем" жирном карандаше", вычеркнувшем имя С.Ф. Ольденбурга из проскрипционного списка (с. 292), и выражения "буддолог в штатском" (с. 340),"один из главных "стукачей"" (с. 209) и т.п.

Можно априори утверждать, что в процессе политических репрессий имели место и необоснованные аресты, и фальсификация следственных дел, и психологическое давление, и даже пытки. В то же время, безусловно, требует веских доказательств сообщаемое о М. Орахвелашвили: "Подвергнут пыткам (выколоты глаза, проколоты барабанные перепонки)" (с. 243). Но ни в этом, ни в других случаях авторы, говоря о психологическом давлении или пытках, никаких доказательств тому не приводят. Утверждения же самих репрессированных (например, в статье о Б.А. Романове) не могут считаться вполне надежным доказательством, поскольку деморализовать и толкнуть на что угодно мог и просто сам факт ареста. А после освобождения человек, стремясь оправдаться, прежде всего, перед самим собой, мог придумать любую версию событий и сам в нее поверить. Не нам их судить, но такой неприемлемый для

авторов словаря взгляд на проблему имеет право на существование как вполне логичный. Признание этого – веский аргумент в пользу мнения, что о пытках и т.п. упоминать в этом словаре (справочнике) не следовало.

Тем не менее, в нем говорится и о случаях гипотетических "бессудных "ликвидаций" (с. 121) востоковедов карательными органами. Якобы А.А. Алимов был именно сброшен в пролет лестницы дома, где он жил (авторы на с. 121 называют это распространенным в середине 1930-х годов способом), и "по-видимому, это было политическое убийство" (с. 446). А в статье о традиционном ученом-ламе Д. Норбоеве (Норбееве) читаем: "По рассказам ленинградских буддистов, на улице неизвестные толкнули его под трамвай (ср.: А.А. Алимов)" (с. 457). Именно о подобного рода легендах выше говорилось, что изложение их в словаре не только рискованно, но и неоправданно.

Нет оснований не верить авторам, когда они пишут, что дело Шами на собрании актива УНКВД по Ленинградской области обсуждалось как "образчик грубой фальсификации" (с. 413). Но есть и прямо противоположный пример. В статье о Ю.К. Щуцком говорится, что "основываясь на сохранившихся личных связях между бывшими антропософами и анархо-мистиками следствие ... сфабриковало дело об "антисоветской", "анархо-мистической", "террористической организации "Орден Тамплиеров" (с. 433). В статье же о П.А. Аренском прямо указано: "С 1924 г. анархо-мистик, рыцарь московского "Ордена Света" (Тамплиер)" (с. 39). То же в статье о Л.А. Никитине: "Участвовал в деятельности московского анархо-мистического Ордена Тамплиеров ("Орден Света") (с. 282). Авторы словаря тем самым подтверждают, что заинтересовавшая НКВД анархо-мистическая организация реально существовала. Такого рода организация была по своему характеру антисоветской и, следовательно, о фабрикации дела о ней говорить не приходится.

Это обстоятельство вряд ли имеет значение для авторов, считающих, что "из сотен упомянутых в словаре репрессированных востоковедов едва ли наберется десяток-другой лиц, совершивших какие-нибудь реальные действия, направленные против государства или правящей партии (если, конечно, судить по общечеловеческим нормам)" (с. 8). Не касаясь вопроса о виновности репрессированных востоковедов в соответствии с законами прошлых лет, отметим, что это – весьма примечательная оговорка, а апелляция к абстрактным "общечеловеческим нормам" не может быть аргументом для историка.

К сожалению, приходится говорить и о фактологических ошибках в изложении сюжетов из истории организации отечественного востоковедения. В.М. Константинов не мог в 1956 г работать в МИВе (с. 214) т.к. этот институт был ликвидирован в 1954 г. Не было в системе АН СССР Института Китая (с. 152), а был Институт Китаеведения. Перечисление можно продолжать.

В целом перед нами фактически симбиоз двух возможных вариантов этого словаря. Один из них носит научный и беспристрастный характер, другой основан в значительной степени на предубеждениях и своеволии авторов. И тот и другой, несмотря на различие по характеру, способствуют расширению нашего познания и углублению понимания феномена политических репрессий в истории отечественного востоковедения периода 1917-1991 годов. Однако для такой большой и сложной работы было бы полезным более тщательное редактирование, желательно специалистом, чьи идеологические позиции противоположны авторским.

В заключение скажем, что рецензируемый словарь издавался настолько трудно и долго, что это стало дополнительным доказательством резкого падения общественного интереса к теме политических репрессий в СССР. Авторы отмечают: "Сформировавшееся общество потребления быстро пресытилось правдой о советском прошлом. Тревожащие обывателя публикации о репрессиях уже не проходили на страницы газет

и журналов" (с. 7). То, что в такой обстановке труд Я.В. Василькова и М.Ю. Сорокиной все-таки вышел в свет, отрадно вдвойне. Отдадим должное настойчивости и мужеству авторов этого словаря, ставшего, при всех недостатках, их большим творческим успехом.

---

[1] **Антонова К.А.** Мы – востоковеды // *Восток. – 1991. – № 1.* – С. 150.

[2] По поводу рецензии Н.П. Мацокина // *Библиография Востока. – М., 1936. – Вып. 8-9 (1935).* – С. 148.

[3] **Донской В.К.** Разгром Восточного факультета ДВГУ // *Вестник Дальневосточного отделения РАН. – Владивосток, 1996. – № 1.* – С.95-108.

Авторы выпуска

Л.Б. Алаев
профессор,
главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Москва
leonid@alaev.com

Д.Д. Васильев
профессор,
зав. отделом
Института востоковедения РАН
Москва
dmvas@m9com.ru

М.С. Лазарев
главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Москва

А.Ш. Кадырбаев
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Москва

Г.А. Месяц
академик РАН
Вице-президент
Российской академии наук
Москва

А.Ю. Борисенко
преподаватель
Новосибирского государственного
университета
Новосибирск
aborisenko@ngs.ru

И.Г. Галяутдинов
профессор,
академик-секретарь
Отделения гуманитарных наук
Уфимского научного центра РАН
Уфа
aibulat@anrb.ru

Р.Г. Ланда
профессор,
зав. Отделом
Института востоковедения РАН
Москва

Н.М. Мамедова
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Москва

В.А. Моисеев
профессор,
зав. Кафедрой
Алтайского государственного
университета
Барнаул
orient@hist.dcn-asu.ru

И.А. Мустакимов
сотрудник
Главного архивного управления
при Кабинете министров
Республики Татарстан
Казань
imus@rambler.ru

А.В. Псянчин
старший научный сотрудник
Центра этнологических
исследований
Уфимского научного центра РАН
Уфа
aibulat@anrb.ru

Н.М. Рогожин
профессор,
руководитель
Центра истории русского
феодализма
Института российской истории РАН
Москва

А.Г. Салихов
старший научный сотрудник
Института истории, языка и
литературы
Уфимского научного центра РАН
Уфа
aibulat@anrb.ru

Е.С. Соболева
старший научный сотрудник
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН
Санкт-Петербург
soboleva@kunstkamera.ru

А.А. Столяров
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Москва
astol@orc.ru

А.О. Тамазишвили
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Москва

И.Г. Тихонова
Научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института востоковедения РАН
Санкт-Петербург

А.А. Хаматова
профессор,
директор
Восточного Института
Дальневосточного государственного
университета
Владивосток
vostochn@orient.dvgu.ru

А.Н. Хохлов
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Москва

Ю.С. Худяков
профессор,
зав. Кафедрой
Новосибирского государственного
университета
Новосибирск
khudjakov@ngs.ru

З.М. Шаляпина
зав. Отделом
Института востоковедения РАН
Москва
languages@bk.ru

Д.Р. Шарафутдинов
начальник
Главного архивного управления
при Кабинете министров
Республики Татарстан
Казань
imus@rambler.ru

М.З. Эпштейн
доцент,
Санкт-Петербургского
Государственного университета
экономики и финансов
Санкт-Петербург
epstein@mail.admiral.ru

Научное издание

Бюллетень Общества востоковедов
Выпуск 10

Материалы
III Всероссийского съезда востоковедов
Санкт-Петербург, 3 – 6 сентября 2002 г.

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 01.08.2006. Подписано к печати 18.08.2006.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 16.0. Уч.-изд. л. 16.5.
Тираж 800 экз. Заказ № 89

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН